

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В В КАБАНОВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА
И КООПЕРАЦИЯ
РОССИИ XX века

Москва 1997

Работа выполнена при поддержке фонда «Международная культурная инициатива» (фонд Дж Сороса)
Грант за 1994/95 год

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор Н. А. ИВНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук В. П. БУЛДАКОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторское предуведомление читателю	5
Введение	7
Глава I ОБЩИНА И КООПЕРАЦИЯ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ	20
1 Немного о терминологии, структуре и функциях общины и кооперации	20
2 Элементы коллективизма в общине	25
Глава 2 СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИНЦИПЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ КООПЕРАЦИИ И ОБЩИНЫ	32
1 Сферы хозяйственной деятельности	32
2 Принципы объединения в кооперации и в общине	35
3. Точки соприкосновения	38
4 Пути и способы проникновения кооперации в деревню	40
5. Выгодна ли кооперация фермеру?	46
6 Кооперированный и некооперированный крестьянин	49
Глава 3. ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ КООПЕРИРОВАНИЕ ВНУТРИ ОБЩИНЫ	54
1 Опыт производственного кооперирования в дореволюционной России	54
2. Общественная обработка земли	59
3 Товарищества по совместной обработке земли	64
4 Выделиться. — чтобы объединиться	66
5 Предельно малые и временные формы трудового объединения внутри общины	70
Глава 4. СУДЬБЫ КООПЕРАЦИИ И ОБЩИНЫ ПОСЛЕ 1917 г	80
1. Община и кооперация в революциях 1917 г.	80
2 Попытки «социалистической» перестройки общины к кооперации	84
3 А ведь община выгодна государству	88
4 Проблема власти	91
5 Правовое положение общины и кооперации	100
Глава 5. ВЛИЯНИЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИИ НА КРЕСТЬЯНСТВО	107
1 Обожженный и разоренный	107
2 На чем держалось хозяйство большевиков?	116

Глава 6 В ПРЕДВЕРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ЕЕ НАЧАЛО	119
1 Путь к социализму через кооперацию или общину?	119
2 Разложение и консолидация общины	122
3 Контракция — первый опыт массового закабаления общины с помощью кооперации	125
4 Начало «великого перелома»	131
5 Был ли «слом» кооперации?	139
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РАВЕНСТВО ИЛИ УРАВНИТЕЛЬНОСТЬ?	145

АВТОРСКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Это — не история кооперации и не история общины. В книге речь пойдет о другом: об общности и различии этих феноменов русской культуры, о точках их соприкосновения, о возможностях трансформации общины в кооперацию, о кооперированном и некооперированном крестьянине, о влиянии войн и революций на него, о роли кооперации и общины в коллективизации и т. д. Повторяю, это не последовательное изложение истории каждого из названных институтов и их роли в обществе, а скорее проблемно-историографическое исследование их взаимосвязи в историческом развитии, т. е. примерно с конца XIX в. и до конца 20-х годов XX в.

Работа построена в проблемно-тематическом плане. Поэтому в изложении материала могут соседствовать факты, относящиеся и к началу века, и к 20-м гг., и даже к середине 40-х гг. XX в.

Россия велика и разнообразна. Община существовала не везде (как и кооперация). А там, где была, не отличалась единообразием в разных регионах страны. Местная и национальная специфика порождали различные типы общины (Типология общинной организации крестьянства — самостоятельная тема¹). Книга построена на материалах преимущественно среднерусских губерний. Для сравнения привлекался материал по Сибири.

При раскрытии темы автора поджидает вероятность вторжения в ряд пограничных сюжетных ответвлений важных и не очень. Поэтому автор намеренно ставит определенные ограничения в своей работе. И прежде всего эти ограничения обусловлены, как сказано выше, построением работы по проблемно-тематическому принципу. По возможности раскрытие тематических сюжетов корректировалось хронологией.

Автор не ставил своей целью показать общину и кооперацию в моменты сложных экономических и политических коллизий: столыпинская реформа, войны, революции, политические режимы Деникина, Колчака, Врангеля и пр. Хотя обойти эти вопросы полностью невозможно и некоторые из них нашли отражение в специфическом преломлении. Так, например, войны и революции об-

¹ Об этом см. Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период (К вопросу о типологии общины на территории советских республик) // Народы Азии и Африки. 1973. № 3.

ретут реальные очертания с точки зрения их влияния на сознание и поведение крестьянства. Больше, чем другим сюжетам, уделено внимание подготовке коллективизации и ее первым шагам, ибо коллективизация — конечная грань данного исследования.

Обойден автором и такой вопрос как место общины и кооперации в программных документах политических партий.

Разумеется, проблему взаимоотношений между общиной и кооперацией развернуть в «чистом» виде сложно и даже, может быть, невозможно. Так или иначе, в различных аспектах неизбежно будут проявляться государство, земство, общественные организации, различного рода внешние факторы. Точно также невозможно «отщепить» и вопросы внутреннего порядка: взаимоотношение общинного мира с индивидами его составляющими (равно как и кооператива с его членами) Но зато мы иногда имеем возможность вторгнуться в то или иное новое поле исследования, проецируемое в известной мере на психологические стороны проблемы, такие, как сознание кооперированного и некооперированного крестьянина.

Наверное не все разделы логически увязаны. Скорее всего, не все связи, да и не все их элементы выявлены. Жизнь, конечно же, многообразнее, богаче и сложнее любой схемы. Отсюда определенная фрагментарность, очерковость работы. Надеюсь, что эти особенности книги, обусловленные первым опытом подобной постановки проблемы, будут с пониманием восприняты читателем

ВВЕДЕНИЕ

Идеализация прошлого, слащавое умиление перед ним и даже ностальгия по монархии махрово расцвели в конце 80-х годов XX в. как реакция общественных настроений на коммунистическую идеологию, коммунистическое видение мира, на «совковый» образ жизни. Комунистическое мировоззрение, понятное дело, было всегда предвзятым, атакующим, скандально-непримиримым и неуступчивым. Отрицательная рефлексия неизбежно должна была принять резкие формы и, в свою очередь, порождала другие крайности, упрощенность и тоже необъективность. Именно так зачастую происходит переосмысление нашей истории, причем по весьма примитивной схеме — путем перестановки знаков (плюс на минус и наоборот).

Идеализация прошлого шла широким фронтом. И вот уже никудашный и беспомощный политик Николай II становится чуть ли не великомученником и святым, крестьяне и русская сермяжная деревня — пейзажами сказочной идиллии, а толстопятая и сонная Россия именуется не иначе как святой Русью. И кругом сплошная поповщина. Ставленники ВЧК — НКВД — КГБ в рясах ныне претендуют на роль лидеров в т. н. духовном возрождении России. И не только они. Вслед за иностранным капиталом для удовлетворения изысканных духовных потребностей в Россию двинулся импортный поп. А для массовых исцелений от душевных и физических недугов бойко кликушествуют самые разнообразные юродивые умельцы, которые, наконец, отрыли свои глубоко запрятанные таланты и жаждут использовать их на благо страждущим¹.

Опомнитесь, дремучие! Все словно забыли, что не было никогда золотого века в России! И не от счастливой жизни появлялись еретики, смутьяны и бунтари. И что лучшие умы России дали достойную оценку нашему прошлому. Причем за критическим взгля-

¹ В газетной рекламе можно обнаружить уйму чудотворцев, магов, колдунов, гипнологов, ясновидящих, целителей, готовых придти на помощь ближним (не бескорыстно конечно!). Они обещают снять порчу, сглаз, избавиться от алкоголизма и других дорочных наклонностей, устранить комплексы неполноценности, изменить судьбу и т. д.

дом стояло отнюдь не марксистское мировоззрение, а различные направления русской мысли самых разнообразных оттенков².

Да, Россия явила миру много прекрасного, но рожденного в муках и противоборстве.

У новейших защитников старины знания истории оказались поверхностными, а выводы — далеководущими и безапелляционными (на это обращал внимание еще в 1989 г. академик Н. Н. Покровский³).

Идеализированной оказалась история крестьянства. Появилась даже надуманная теория о крестьянской цивилизации (ее автор — К. Мяло⁴, которую активно поддержал И. Шафаревич⁵).

Особая крестьянская цивилизация в XX в.? В мире, раздираемом противоречиями капитализма? Это примерно все равно, что построить социализм в отдельно взятой стране или губернии. Не напоминает ли такая «цивилизация» чаяновскую страну крестьянской утопии? (См. его роман «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»).

В числе лидеров кардинального пересмотра истории оказались, как водится, литераторы. Согласно давней традиции русской литературы именно писатели всегда претендовали на роль истинных толкователей нашей истории и предвестниками будущего. Объективности ради следует призвать, что современным писателям, особенно «деревенщикам» (В. Белов, Б. Можяев, В. Распутин, Ф. Абрамов, М. Алексеев и др.) принадлежит важная роль в постановке целого ряда аграрных проблем истории и современности, по которым они определили историков и экономистов (коллективизация, голод начала 30-х гг. и др.).

И в то же время именно литераторы восторгались прошлым деревни (даже сравнительно недавним, например, 20-ми годами), кручинились по нему. На этой почве происходили столкновения с историками-профессионалами. Одной из первых (если не первая) таких стычек стала нападкa Б. Можяева на В. Данилова в 1988 г. по поводу характеристики доколхозной русской деревни.

В цепи различных суждений, будь то ностальгия о прошлом или устремленные надежды в будущее, непременно видное место занимает крестьянская община. Говоря же об общине в свете зво-

² См., в частности: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Он же. Русская идея // Русская литература. Л., 1990. № 2—3; Вехи: из глубины. М., 1991; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955; Кончаловский Д. П. Пути России. Париж, 1969; Федотов Г. П. Судьбы и грехи России. СПб., 1991. Т. 1—2; Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1997; и др.

³ Покровский Н. Н. Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир, 1989. № 9. С. 225.

⁴ Мяло К. Оборванная нить // Новый мир, 1988. № 8.

⁵ Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву // Новый мир, 1989. № 7. С. 152.

лющин и преобразований сельского хозяйства в XX в., нередко упоминают в различных значениях и сочетаниях кооперацию и колхозы.

Время от времени в российском обществе заходит разговор об общине. Так было во второй половине XIX в. в связи с социалистическими надеждами народников. Спустя сто лет хрущевская «оттепель» дала основание предполагать близость демократических перемен, что побуждало вспомнить об общине уже в историческом плане. Она представлялась как некогда демократический институт самоуправления в противовес государственным бюрократическим структурам. В общине усматривали и некий нравственный идеал, игравший большую роль в традициях и духовной жизни русского народа.

И в последние годы демократизация общества вновь выдвинула вопрос о роли общины в прошлом, о ее потенциальных возможностях — реальных, мнимых и нереализованных. На сей раз отношение к общине оказалось более критическим, а поэтому и разброс мнений — довольно широким: от признания принципиальной возможности трансформации ее в разновидность кооперативной организации до суждений о негативной роли вообще и во время коллективизации особенно, когда община, якобы, явилась чуть ли не готовой формой для загона крестьян в колхозы.

Следовательно, возникает ряд вопросов. Чем была община вообще в XX в.? Что общего и каковы различия между общиной и кооперацией? В чем заключалась реальная роль общины в триаде: община — кооперация — колхоз? Возможна ли трансформация общины в разновидность кооперации классического типа? (т. е. сложившейся в России и за рубежом к началу XX в.). Можно ли рассчитывать на возрождение крестьянства и общинной формы его организации?

Наконец, в более общем плане общинная проблематика вписывается в извечный вопрос истории и будущего России — о вечном, соборном, нравственном идеале как оппозиции, как альтернативы авторитаризму⁶.

Объективному анализу триады «община — кооперация — колхоз» (назовем условно так эту гипотетическую эволюцию) изначально мешает периодически возникающий миф о русской общине как о некоем союзе вольных хлебопашцев, способных горы сдвинуть, чудеса творить да и только. При этом имеется ввиду абсолютно абстрактная модель, не привязанная ни временем, ни пространством. Нет нужды доказывать разницу между, грубо говоря, докрепостнической общиной и разлагающейся общиной начала

⁶ Методологическая основа для прогнозирования путей развития России в плане именно такого противоречия в последние годы теоретически обосновывается А. С. Ахнестером (См.: Ахнестер А. С. Россия: критика исторического опыта. М. 1991. Т. 1-3.).

XX в., нет нужды доказывать, что за время тысячелетней эволюции община претерпела серьезные изменения. Но раз за разом «знаюки» смазывают все временные и пространственные особенности.

И еще одна нелепица. Речь идет о том, что в историческом знании нашей общественности все еще существует представление о схожести и преемственности таких разных явлений как община и кооперация. Такая позиция предполагает теоретическую возможность модификации в кооперацию, в коллективные производственные объединения типа артелей, товариществ и даже коммун.

Думается, что триада «община — кооперация — колхоз» отражает определенный тип ментальности: т. н. пророссийскую и восходит к народнической концепции развития России. Народники, определяя пути ее развития, в своих социальных, политических, экономических, морально-этических устремлениях, уповали на трех «китов» земли русской: общину, артель, кустарные промыслы. На этой основе и должны были свершиться серьезные преобразования. Однако же, этому не суждено было сбыться.

Равным образом ложной и утопической явилась постановка Верой Засулич вопроса о возможности превращения русской общины в ячейку социалистического общества. Имеется ввиду ее обращение к К. Марксу по этому поводу за разъяснением⁷.

Вмешательство К. Маркса внесло, как бы, серьезность в полемику и обозначило, вроде бы, чрезвычайную важность проблемы. На самом же деле все это была оторванная от жизни книжность, схоластичное умничание.

Да посмотрел бы Маркс на русскую общину, побывал бы в деревне, поговорил бы с русским мужиком, ощутил бы на себе весь уклад той жизни, а потом уж судил да рядил о возможности социализма в России.

Однако никто не сказал, что это бред. И вот уже волею за Марксом об общине размышляет Ф. Энгельс. Ну уж, коль сами классики, то обычным смертным сам Бог велел думать в том же направлении и тешить себя радостными мыслями в предвосхищении.

Как же, как же, обнадежили классики! Ведь при известных условиях и наша сермяжная община могла бы... Ух ты, аж дух захватывает!

⁷ В письме к В. Засулич К. Маркс писал известные строки о том, что русская община может стать «непосредственным отправным пунктом» новой экономической системы, «постепенно заменить парцеллярное хозяйство сложным хозяйством». (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса., М., 1924 Кн. 1. С. 285). Такие же мысли мы находим и у Энгельса (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., Т. 18. С. 545—546)

В одном все же Маркс оказался прав: революция спасла русскую общину и даже, казалось, возродила ее; но в конечном счете все же погубила. Такого Маркс предвидеть не мог.

Имманентно община не имеет тенденции к переходу путем накопления качества в принципиально иное состояние. Но община способна меняться под влиянием внешних условий: государственной политики, развития экономики и пр. Внешние условия могут разрушать общину (сталинская аграрная реформа, развитие капитализма в целом), либо начать обратный процесс ее возрождения (аграрная революция 1917—1918 гг.), расширять ее функции, вплоть до придания ей функций органов самоуправления (революция 1917 г.). Однако до каких пределов может пойти ее «совершенствование» мы не знаем, ибо ее русский исторический опыт был насильственно прерван коллективизацией. Сама же постановка Марксом вопроса об условиях, сдерживающих или способствующих развитию или разрушению общины, повторяю, правильна. Однако прогнозировать какой-либо результат было в то время рискованно, да и не безопасно.

Возможность проверить теорию практикой появилась после 1917 г. Однако Маркса при этом не вспоминали, а его предостережения уберечь от возможного разрушения общину во внимание не принимались, ибо община, как и многие другие остатки «проклятого прошлого», подлежала, согласно воззрениям большевиков, уничтожению. Или, для начала, радикальному преобразованию.

Вспомнили же о Марксе много позже — в конце 50-х гг., уже в историографическом плане, оценивая проведенную коллективизацию (об этом ниже).

В середине 20-х годов об общине заговорили в связи с обсуждением проекта нового аграрного законодательства⁸. Выступивший в конце 1926 г. в печати Н. Суханов полагал, что законопроект «должен создавать максимум благоприятных условий для коллективизации деревни». В чем, по мнению Суханова, это могло выразиться? «Повидимому, в том, — писал Суханов, — что закон должен отдавать предпочтение определенным формам землепользования и определенным способам землеустройства. И именно тем, которые либо носят в себе зачатки коллективизма, общности, в отличие от индивидуальности, либо создают наиболее благоприятную обстановку для вращивания коллективных форм в сельское хозяйство»⁹. Таковой формой, по мнению Суханова, была община: она оставалась основной формой землепользования, подлежит со-

⁸ Обсуждение проектов «Основных начал землепользования и землеустройства» организовал печатный орган Коммунистической Академии журнал «На аграрном фронте». Позднее материалы дискуссии были опубликованы отдельной книгой: «Основные начала землепользования и землеустройства» (М., 1927)

⁹ Суханов Н. Община в советском аграрном законодательстве // На аграрном фронте 1926 № 11 - 12 С 8

хранению и является наиболее благоприятной для обобществления сельского хозяйства на основе «ленинского кооперативного плана».

Парадоксально, но факт, — бывший народник, на сей раз обосновывал пригодность общины в социалистическом строительстве, опираясь на Маркса.

Суханов решительно возражал известный экономист, аграрник-марксист М. Кубанин. «Община, — пояснял он, — не тот коллектив, который может и должен повести крестьянство к социализму. Его поведет кооперативно организованный коллектив». Взгляды Суханова подверглись осуждению: «То, что предлагает Суханов — сохранение общины, — реакционная утопия. Утопия потому, что жизнь ломает общину, и всякая попытка гальванизировать ее идут лишь на пользу кулачеству, а тем самым все предпринимаемые мероприятия являются мерами реакционными»¹⁰. Ссылка же на Маркса, полагал Кубанин, неуместна, поскольку Маркс строил анализ применительно к другой эпохе, а революция пришла на столетия позже.

Критика была агрессивной, зубодробительной, недоброжелательной с явным переключением, чем, собственно, и отличалась литература т. н. марксистского направления того времени. Но, если отбросить все это и оставить главное, то в этом главном Кубанин был прав. Ни о каком органическом вращении общины в коллективизацию не могло быть и речи. Позиция Суханова была не реалистична¹¹.

Об этом, кстати, спустя многие годы, писал уехавший за рубеж экономист (работал в Госплане СССР), ставший известным советологом Н. Ясный. Он, в частности, писал: «Н. Н. Суханов просто по талантовости стоял очень высоко. Но — неустойчивость характера, полнейшее отсутствие чувства реальности и до крайности выраженная изолированность... (...Вряд ли многие соглашались с тем, что Суханов в середине 1920-х годов ожидал от общины)»¹².

Прошли годы. Коллективизация поглотила общину. Исчезли в ходе великой чистки и критикуемый, и сам критик.

¹⁰ Кубанин М. Община при диктатуре пролетариата // На аграрном фронте 1926. № 11—12, С. 121.

¹¹ В современной литературе встречается оценка статьи Суханова с несколько иным акцентом на ее сущность. Так, А. А. Корников утверждает, что основная мысль Суханова сводилась к тому, что община должна быть превращена в публично-правовой институт (см. Корников А. А. Судьба российского революционера: Н. Н. Суханов — человек, политик, мемуарист. Иваново, 1993, С. 115). На мой взгляд, главное в статье Суханова — это идея вращении общины в социализм (и это подметил Кубанин). И здесь, повторяю, сразу две иллюзии: и «вращение» и «социализм». И то, и другое — утопия. Кубанин, естественно, мог заметить только первое.

¹² Ясный Н. На заре планирования // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1961. № 10/11 (758—759). Окт.-ноябрь С. 201

Настали годы 50-е—60-е. Вопрос об общине и кооперации, но уже в историческом плане — в связи с коллективизацией, — встал вновь. Советские историки и экономисты, безусловно, помнили леньшевика и эсера Суханова и марксиста Кубанина. Последнего потихоньку поднимали из небытия. Суханов же, конечно, оставался фигурой классово чуждой, с которым нельзя было ни в чем соглашаться.

Но вот опять парадокс! С. П. Трапезников — главный начальник исторической науки в СССР, одним из первых поставивший вопрос о роли общины в коллективизации, по существу принял на вооружение точку зрения Суханова!¹³

В числе первых (если не первый) историков конца 50-х годов, рассматривавших вопрос о роли общины в коллективизации был В. П. Данилов¹⁴ (О принципиальной разнице позиций Данилова и Трапезникова речь пойдет в соответствующей главе). В дальнейшем интерес к общине усилился. Еще интенсивнее и предметнее изучалась кооперация.

И напрасно сетовал писатель В. Белов по поводу отсутствия интереса у историков к общине и кооперации. Относительно общины Белов возмущенно писал: «Многовековой опыт общинного землепользования в нашей стране всячески шельмуется, и шельмуется не только вопреки А. Герцену, но и самому К. Марксу. Историки и журналисты делают вид, что никакой переписки между К. Марксом и Верой Засулич по поводу русской общины просто и в перироде не было»¹⁵.

А вот его слова о кооперации: «Массовому нашему читателю почти ничего не известно и о кооперативном движении в России»¹⁶.

Разберемся сначала с кооперацией. Трудно сказать, как обстоит дело с массовым читателем. Его просвещение — забота в первую очередь писательская. А вот у историков-профессионалов все возрастающий и устойчивый интерес к кооперации обозначился еще в 60-е годы¹⁷.

Пристально изучается историками и опыт общины, о чем речь пойдет ниже. А что касается переписки К. Маркса и Веры Засу-

¹³ Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959.

¹⁴ Данилов В. П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. 1958. № 3.

¹⁵ Белов Василий. Незаживающая рана // Наш современник. 1989. № 11. С. 111.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Только за почти 70 лет советской власти в стране вышло более 6 тыс. работ о кооперации. См.: Ильин Ю. А. Отечественная кооперация. Библиографический указатель литературы за 1925—1992 гг. Иваново, 1994. За период до 1925 г. см.: Гриценко И. и Меркулов А. Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856—1924. М., 1925 (за указанные годы вышло более 7 тыс. работ). Характеристику наиболее важной литературы см. в

лич, то, не говоря уже о других, ее использовал аж сам главный надсмотрщик за советской наукой 70-х годов С. П. Трапезников¹⁸.

Повышенный интерес к общине возник не в «перестроечные» годы, и поднят он был не писательской братией. Я помню битком набитые залы в Гродно и Вологде, где в 1972 и 1974 гг. работали соответственно XIV и XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы — очень авторитетного среди историков форума. С неослабевающим вниманием участники всех секций слушали доклады и сообщения на тематической секции «Общинные организации сельского населения»¹⁹.

Появилось достаточно много работ по крестьянской общине дореволюционной России. Выделялись глубинные исследования книги и статьи В. А. Александрова, М. М. Громько, Л. В. Даниловой, Н. Е. Носова и др. Из самых последних работ следует выделить монографии П. Н. Зырянова и Л. В. Даниловой²⁰.

Что касается исследования послереволюционной общины, то здесь следует назвать целый цикл работ В. П. Данилова²¹, книгу В. Я. Осокиной²², статьи Е. Н. Осколкова, В. В. Кабанова и др.²³

следующих последних изданиях: Файн Л. Е. Становление ленинской концепции кооперации и современность. Иваново, 1991; Он же. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1995; Кабанов В. В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность М., 1995; Он же. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.

¹⁸ См.: Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. I С. 374.

¹⁹ Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. II; Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. II.

²⁰ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 гг. М., 1992; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. Обе работы содержат обширную библиографию.

²¹ Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период (К вопросу о типологии общины на территории советских республик) // Народы Азии и Африки. 1973. № 3; Он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1974; Он же. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вологда. 1976. Вып. 6; Он же. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции // Северный археографический сборник. Сыктывкар 1977. Вып. 4; Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

²² Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920—1933. М., 1978.

²³ Кабанов В. В. Октябрьская революция и община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111; Осколков Е. Н. Борьба за овладение земельными общинами в казачьих районах Северо-Кавказского края накануне сплошной коллективизации // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6.

В последние годы возрос интерес к советской общине у молодых исследователей. См.: Третьяк Л. В. Поземельные отношения в Рязанской общине в первой половине 20-х годов // Из истории России: идеи, суждения, опыт. Сборник

Чем был вызван такой повышенный интерес к общине в 70-е годы? Здесь, видимо, каким-то образом сконцентрировались неудовлетворенные научные, общественно-политические, духовные и даже эстетические устремления «шестидесятников». Тогда, в хрущевскую «оттепель», мыслящие люди в поисках путей дальнейшего прогресса страны и объяснения ее исторического своеобразия не успели «договорить» об общине как одном из возможных ключевых факторов развития России, а вернее, только приступили к такому разговору после многих лет замалчивания этого ставшего даже загадочным российского явления. Последнее обстоятельство, т. е. его мнимая загадочность, поддмествало интерес к общине в 70-е годы, привлекая внимание даже тех, кто никогда прежде не интересовался общиной.

В общине находили привлекательные черты, утраченные современным обществом. Общину противопоставляли господствующему бюрократическому монстру. В ней видели некий демократический самоуправляемый институт, который регулировал жизнь крестьянства во всех ее проявлениях — производстве и повседневном быту, семейных и внутريدеревенских отношениях, отправлении культа, соблюдении обрядов, обычаев, правовых, этических и эстетических норм и пр. Именно такую особенность современной литературы отмечали В. П. Данилов и Л. В. Данилова²⁴.

В ходе овладения общинной проблематикой, когда для советской историографии община как бы извлекалась из небытия (и в этом, повторяю, большая заслуга В. П. Данилова), складывалась ситуация, явно неприемлемая с позиций сегодняшнего дня, но вполне объяснимая по меркам 70-х годов. Вольно или невольно происходила определенная переоценка или даже идеализация общины послеоктябрьского периода. В. П. Данилов, например, писал: «Едва ли это не единственный случай, когда исследователь имеет перед собой материал об органическом развитии общины, не подвергаемой ни «охранительному», ни разрушительному воздействию извне, о функционировании живой общины, не имеющей никакого другого назначения, кроме удовлетворения нужд крестьян-общинников»²⁵. Согласиться с этим невозможно, как и с другими характеристиками послереволюционной общины, в частно-

научн. трудов. Рязань, 1993; Ефрина Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX века — 30-е годы XX века): Автореф. ...канд. ист. наук Саранск, 1995; Сафонов А. А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917—1928 гг. (социальные аспекты проблемы): Автореф. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1997; и др.

²⁴ Данилов В. П., Данилова Л. В. Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. М., 1986. С. 93.

²⁵ Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 102.

сти — об изменении природы общины при советском строе (но об этом ниже).

Однако при всем при этом Данилов видел в общине массу рутинных, архаичных, консервативных черт и уж, конечно же, не считал, что община после революции превратилась в переходную ступень к сплошной коллективизации, как это полагал С. П. Трапезников.

Трапезников утверждал, что община стала исходной формой развития коллективизации в деревне, что «советская революция подготовила земельные общества для перехода в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства»²⁶. Трапезников, подчеркивая, правда, принципиальную разницу общины советской от дореволюционной (которой, в сущности, не было), писал: «По существу советская земельная община явилась одной из разновидностей кооперации, представляла ее низшую ступень»²⁷.

Эта точка зрения восходит к народническим воззрениям. Народнического толка кооператоры, сторонники теории кооперативизма-артельности²⁸, усматривали в эволюции общины в артель одно из проявлений специфики русской общины. Главную причину возникновения сельскохозяйственных коллективов они видели в самобытности русского народа, якобы исстари привыкшего работать артелью.

Интерес к артели у таких деятелей возрос после революции. Председатель совета Всероссийского кооперативного товарищества по производству и сбыту кустарных и артельных товаров, активный пропагандист производительных артелей Е. Д. Максимов (М. Слобожанин) заявлял, что «в отличие от других народов русский народ неизмеримо дольше удерживает артельные формы, обращаясь к ним на всем протяжении от догосударственного быта и до наших дней»²⁹. То же самое утверждал А. А. Николаев, инициатор создания общероссийского центра по организации артельного земледелия, писавший, что русский крестьянин «веками привык жить мыслью об общей земле, над которой распорядительницей в большей или меньшей степени является община. А от мысли об общей земле, конечно, чрезвычайно облегчен переход и к

²⁶ Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. С. 65; Он же. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. I. С. 375.

²⁷ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I С. 374.

²⁸ Суть теории заключалась в том, что на основе организации сети трудовых производительных артелей можно добиться не только создания высших, по их мнению, форм кооперации, но и такой системы социалистического общества, в котором артель стала бы изначальной, исходной ячейкой.

²⁹ Слобожанин М. Народоуправство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей. Пг., 1919. С. 19.

общему труду на земле»³⁰. Неправда ли, что это высказывание совпадает с идеями марксизма? Но далее — огромная разница. Данное положение марксизм принимает при условии совершения пролетарской революции на Западе. Для русских же народников-эволюционистов община легко трансформировалась в условиях эволюционного развития общества. Это положение полностью увязывалось с одним из кардинальных положений теории кооперативизма-артельности о том, что артель является не классовым, а всенародным движением, не ареной классовой борьбы, а — всеобщим строительством³¹.

Артель, эта модернизированная в представлении народнических последователей община, стала после революции предметом исследований и пропаганды многих деятелей кооперации³².

Впрочем, для других понятия «община», «артель», «кооперация» изначально сливались в нечто единое, причем существовавшее издревле. Так, один из лидеров левых эсеров А. М. Устинов писал: «И в древности у нас были артели, и при Иване Калите, при самых первых князьях, и когда даже никаких князей не было». И далее: «И община, и то, что мы подразумеваем под словом артель и под словом кооператив, — а кооператив... — значит «сотрудничать», — все это одно и то же и означает общества, организуемые для сотрудиических целей, для целей взаимопомощи»³³.

Теория аграрного коммунизма, которую проповедовал Устинов и его сторонники³⁴, мало чем отличалась от теории кооперативизма-артельности, ну разве что в качестве возможной организационно-производительной ячейки общества ею признавалась не артель, а коммуна.

Устинов полагал, что необходимой предпосылкой решения аграрного вопроса является осуществление «Основного закона о социализации земли» и проведение на его основе ряда мероприятий, очищающих путь для внедрения коммунистических начал. И в первую очередь надо было отменить частную собственность на землю и распределить землю между трудовыми хозяйствами. При этом,

³⁰ Николаев А. А. Трудовые земельные артели. Тверь, 1919. С. 64.

³¹ Максимов Е. Содержание и природа артельного движения // Вестник кустарной промышленности. 1919. № 4. С. 27.

³² Федюкин А. А. Значение сельскохозяйственных товариществ для мелкого земледелия М., 1918; Зюрюкин В. Е. Земельные товарищества и артели в России. Пг., 1918; Он же. Земельные артели на Западе. Пг., 1918; Гери А. О земельных производственных артелях // Вестник кооперации. 1918. № 9—10; Маслов С. С. Трудовые земельные артели, их значение, история, их организация и устав. Пг., 1918; Маслов С. Л. Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственная кооперация. Пг., 1919; и др.

³³ Устинов А. Коллективизм в сельском хозяйстве. Саратов, 1918. С. 3.

³⁴ Та часть левых эсеров (А. М. Устинов, А. Л. Коллегаев, М. Н. Натансон, А. П. Новицкий и др.), которая порвала с партией в июле 1918 г. и в сентябре образовала партию революционного коммунизма.

подчеркивал Устинов, легко будет убедить земледельческое население «брать землю по потребительско-трудоуной норме не на индивидуальное хозяйство, а на круг — на все сельское общество или на всю волость» и обрабатывать ее сообща.

На этой основе, полагал он, проще перейти к сельскохозяйственной коммуне. Далее может начаться процесс объединения сельских коммун, их вероятный союз с городскими коммунами, образуя «волости-коммуны», «уезды-коммуны» и т. д.

Устинов считал, что «в основе этого всеобъемлющего коммунизма лежит, благодаря неоспоримой экономической зависимости города от деревни, аграрный коммунизм». «Для меня не подлежит сомнению, — заключал он, « что коммунизм, как грядущая форма хозяйства неотделим от коллективизации сельского хозяйства и организационно с ним связан, не может даже без него существовать. Что же касается, в частности России, то она только через аграрный коммунизм сможет придти к коммунизму вообще»³⁵.

Как видно, это крыло эсеров оказалось настроенным не менее прокоммунистично, чем большевики, только дорожки к коммунизму слались пыльнее городских булыжных мостовых. И недаром в 1920 г. революционеры-коммунисты заявили о своем слиянии с РКП(б).

Народничество прочно въелось в кровь последующих поколений. На этой основе формировалась идеология наивного социализма. Ее в сущности не изменил своеобразно усвоенный в упрощенной адаптации марксизм. Несмотря на некоторые различия, в главном большевизм остался народническим. (Ср.: народнический призыв «К топору зовите Русь!» и большевистский лозунг «Грабь награбленное!»). И тут, и там убийцы и грабители.

Ленин был уверен, что пошел «другим путем». Он ошибался. Путь был тот же. Возросло лишь число преступников и их жертв.

Однако масштабы творимого, вроде бы, не заслоняли радужную картину стремительно надвигавшегося коммунизма, в умелом приближении которого, похоже, знали толк Швондеры и Шариковы. Устинов, как и Ленин, мог радоваться: страна покрывалась сетью сельскохозяйственных и городских коммун. Объявляли себя коммунами целые волости, уезды и даже регионы («Петроградская коммуна», «Северо-Западная коммуна» и т. д.).

Казалось, что наконец-то сбывались и соединялись и устремления эсеров к аграрному коммунизму, и находила конкретное воплощение ленинская идея создания государства-коммуны³⁶. И как

³⁵ Устинов А. О земле и крестьянстве. Сборник статей. М., 1919. С. 17—24.

³⁶ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 206—210.

быстро! И года не прошло³⁷. Из этого, между прочим, напрашивался головокружительный вывод: коммунизм-то строить не так уж и сложно! И не боги горшки обжигают, стало быть, «рость» рядом Шариковых!

Однако, что стояло за этой шумихой? Все было гораздо проще и скромнее.

Крупные территориальные единицы несли в себе только коммунистическое название. На деле они ничем не отличались от обычных советских административно-территориальных образований, разве что только вывеской и повышенным стремлением к автономии.

Возникло много (по тем меркам) мелких производительных хозяйств в деревне (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли). Но здесь необходимо отметить несколько обстоятельств.

1) Многие коммуны только по названию числились таковыми, но на деле это были обыкновенные артели.

2) Большинство коллективных хозяйств быстро распалось.

3) Коммуны по преимуществу были со смешанным составом, где значительное место принадлежало рабочим и горожанам, спасавшимся в деревне от голода.

4) Большинство коммун образовывалось не на крестьянской наделной земле, а на свободных участках.

Последние два обстоятельства для нас наиболее важны, ибо сразу ставят под сомнение активную роль общины в этих начинаниях. Какова же эта роль была на самом деле?

Для начала укажу, что на местах были зафиксированы попытки связать возникновение коммун с общиной³⁸.

Но прежде всего поставим вопрос: как практически могла происходить трансформация общины в коммуны или даже в простой кооператив? Для этого рассмотрим реальные возможности или предпосылки такого перехода, заложенные в самой общине, чему и будет посвящена следующая глава.

³⁷ В печати появлялись даже оценки пройденного пути с точки зрения построения государства-коммуны Н. Осинский, например, вопрошал: «В какой мере большевики осуществили государство-коммуны?» (См.: Власть Советов. 1919. № 2. С. 9).

³⁸ На общем собрании земельных отделов Саранского уезда 10—12 марта 1919 г. представитель уездного продкома Кузнецов говорил: «Коммуна образована со времени Христа, только работала она общиной, что не правильно странами, где были поработители и поработенные, почему и было гонение на христиан...» (См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1014. Л. 25 об.). На I Всесибирском съезде представителей земельных отделов, коммун, артелей в июле 1920 г. в Янкусси об общине, в частности, говорилось о необходимости добиться, чтобы община «могла перейти к коммунам, артелям и т. д.» (См.: Осокина В. Я. К вопросу о судьбах русской поземельной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 136).

ОБЩИНА И КООПЕРАЦИЯ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

I. Немного о терминологии, структуре и функциях
общины и кооперации

Сразу отмечу, что под выражениями — община, сельское общество, земельное общество, мир — в дальнейшем будет иметься ввиду одно явление: исторически сложившаяся форма совместного пользования землей и крестьянского управления. Терминологические же различия обусловлены той средой, в которой отражалось понятие об этом явлении. Так, «община» — термин скорее научно-публицистический, литературный, чем бытовой. Крестьянин же чаще употреблял слова: «общество» («общество»), «мир». В официальной документации — наказах, приговорах, постановлениях, судебных бумагах и т. д. до начала 20-х годов было более употребимым выражение «сельское общество». Наконец, советское законодательство, а именно: Земельный кодекс 1922 г. вводит официальное понятие «земельное общество»¹.

Для раскрытия процессов, происходивших в общине в XX в., необходимо хотя бы коротко коснуться структуры общинной организации крестьянства сложившейся к началу века².

Ее исходным звеном являлось сельское общество, состоявшее из одного или более сел. И, наоборот, имелись села, как правило очень крупные, состоящие из нескольких обществ (т. н. концов, краев). К началу 1917 г. в границах РСФСР насчитывалось 110 тыс. сельских обществ³. Сельское общество управлялось сельским сходом, состоящим из домохозяев, во главе с сельским старостой.

Несколько сельских обществ составляли волость (она же низшая административно-территориальная единица). Волостной сход, как орган местного крестьянского самоуправления состоял из представителей сельских обществ (преимущественно из т. н. десятидворников, т. е. один представитель от десяти дворов) и должностных лиц во главе с волостным старшиной. Волостной сход осуществлял ограниченные административно-судебные, фискальные

¹ Сельское общество и земельное общество — понятия не одного и того же порядка (об этом ниже).

² Подробнее см.: Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 гг. М., 1992; Крестьянская община в Сибири. XVII — начала XX в. Новосибирск. 1977.

³ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 97.

и полицейские функции, контролировался мирскими посредниками и земскими начальниками.

После революции мирские посредники и земские начальники исчезают. Официально власть на местах принадлежит советам (сельским, волостным, уездным, губернским). Однако фактически все дела решает сход, особенно на самом нижнем уровне, из-за слабости сельских советов.

Основная функция общины находилась в сфере земельных отношений. Сход распоряжался мирским капиталом. Осуществлял функции самоуправления. Снаряжал мирских ходяков в город для улаживания дел общества в различных властных инстанциях. Выносил поручительство за своих членов общества и выступал в их защиту, если возникал вопрос о неблагонадежности⁴. Одним словом, вся хозяйственная, общественная и культурная жизнь вращалась вокруг сельского схода.

Столыпинская аграрная реформа не успела разрушить крестьянскую общину. На начало 1916 г. число крестьянских дворов, вышедших из общины и укрепивших землю в единоличное пользование (по 50 губерниям Европейской России) составило 4—5 млн. или 27—33% общего числа крестьянских дворов⁵. Общинное землевладение продолжало преобладать, что означало сохранение в массовом масштабе общинной организации, как товарищеского союза крестьянских хозяйств. В ходе аграрной революции в результате уравнительного перераспределения земли масштабы общинного землепользования увеличились.

Хуторские хозяйства громились, а хуторяне насильственно возвращались в общину.

Уравнительное перераспределение земли охватило практически все земли и осуществлялось с помощью механизма переделов общинных земель, поэтому в ходе аграрной революции оживает крестьянская община. Община стала, по словам П. Н. Першина, «главнейшим ферментом в деревне, важнейшим аппаратом земельной реформы, доводя ее до каждого отдельного землепользовате-

⁴ Одной из существенных функций общины была социальная и экономическая защита своих членов. Мир мог поручиться за благонадежность того или иного общинника перед волостным и уездным начальством, уплатить за него из мирского капитала определенную сумму за задолженность по той или иной повинности, налоговому обложению и пр. Но, разумеется, община была не в состоянии предотвратить или устранить экономического неравенства членов общества. Под влиянием развития капитализма в деревне неизбежно шел процесс экономической и социальной дифференциации, в результате которой богатели состоятельные слои и особенно сельские «кулаки», «мироеды», «захребетники» и разорялись беднейшие крестьяне. Не могла община ликвидировать и такое зло как растовщичество. Точно также она была не в силах помешать и скрытой, неформальной мобилизации крестьянской надельной земли состоятельными слоями деревни.

⁵ Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 106

ля, непосредственно осуществляя в их среде принципы уравнительного распределения земель»⁶.

Если в общине крестьянин был обязательным членом общества (приписан к нему), то иначе дело обстояло в кооперации.

Кооперация — это добровольное объединение граждан города или деревни — потребителей и производителей — с целью совместного производства, переработки, приобретения, сбыта (минуя посредника) продуктов, сырья, товаров, получения дешевого кредита и т. д.

Соответственно кооперативные организации возникают как потребительские, кредитные, производящие, перерабатывающие сырье (например, маслодельные), машинные товарищества (с целью совместной эксплуатации техники) и т. д.

В чем суть кооператива? Допустим перед нами деревенский кооператив, в который объединились крестьяне для совместной закупки необходимых им городских товаров. Суть дела в том, что товары приобретаются оптом, минуя частного посредника, и, следовательно, дешевле. А поскольку крестьяне покупают товар для себя, то они выбирают добротные вещи. Получается, что товары и сравнительно дешевле и более надежны по качеству, нежели те, которые имеются в частной лавочке. Правда, прибыль кооперативу от такой продажи ничтожная, но не она стоит на первом месте, а интересы покупателей, в то время как частнику выгоднее продавать плохие продукты и товары по дорогой цене и получать максимальную прибыль.

Точно также, с выгодой для крестьянина кооперация может организовать удобный для них сбыт производимых сельскохозяйственных продуктов, или более выгодный, по сравнению с банком, а тем более, с ростовщиком, получение дешевого кредита и пр.⁷.

При такой постановке дела кооперация приучает своих членов активно участвовать в обороте товаров, в управлении торговлей, т. е. развивает самодеятельность и самостоятельность. Этим она привлекает в свои ряды миллионы рабочих и крестьян. Поэтому кооперация России была одной из самых массовых организаций трудящихся.

Российская кооперация возникла в середине XIX в. Медленный рост ее до 1905 г. сменился затем стремительным развитием. Огромный толчок тому дала революция 1905 г. Если до нее насчитывалось около 4000 различных кооперативов, то за 10 лет после революции их возникло до 30 тыс. Второй скачок был сделан в период первой мировой войны в результате возросшей нужды на-

⁶ Першин П. Н. Первые итоги аграрной реформы. Вступительная статья к кн.: Келлер В. и Романенко И. Первые итоги аграрной реформы. Воронеж, 1922, С. 15.

⁷ Наиболее популярное изложение сущности и задач кооперации см. Чайнов А. Краткий курс кооперации М., 1925.

селения, роста цен, бестоварья, разрухи. Февральская революция способствовала специализации и организационному строению кооперации.

Кооперация — явление многомерное, разновеликое, синтетическое. Она создается для производственной и посреднической деятельности, организации распределения и потребления, — стало быть, она выступает как явление **экономическое**; типизируя его в этом плане конкретнее, можно признать, что это предприятие, близкое к **акционерному**.

И все же это не акционерное общество, поскольку главным в кооперации является не прибыль, а удобство в получении нужного продукта, его качество, доступная цена; поэтому в кооперации более всего ценится взаимопомощь, солидарность, взаимовыгодность объединения.

Это не акционерное общество потому, что кооперация есть институт общественной **самодеятельности, самостоятельности и самоуправления**. Следовательно, в этом проявляется (естественно, с определенной долей условности) черты организации **муниципального типа**.

Неоднородность, неодинаковость кооперативной организации дает широкий диапазон типов кооперативного предприятия: от простенькой потребительской лавочки до мощного объединения типа союза сибирских маслодельных артелей или канадского хлебного пула.

С точки зрения социальной, кооперация **не была однородной**. По меньшей мере три слоя бросаются в глаза: идеологи кооперации и руководители всероссийских кооперативных центров, кооперативный аппарат (центральный и местный), кооперированные массы, которые, в свою очередь, подразделялись на различные классы, социальные группы. Все они преследовали различные цели, участвуя в кооперации.

Кооперация активно занималась **культурно-просветительской** деятельностью. В ее орбиту были вовлечены: музеи, народные дома, клубы, издательское дело. Кооператоры были серьезно озабочены постановкой народного образования и предпринимали решительные шаги в этом направлении. Кооперативные организации наряду с земствами стали немногочисленными проводниками культуры дореволюционной России. Культурно-просветительская деятельность, функция кооперации — это еще один штрих, требующий специального рассмотрения.

И, наконец, последнее. В 1917 г. кооперация начинает активно заниматься политической деятельностью, выступает с собственной платформой, и это сближает ее с **политической партией**. Но кооперация не превратилась в таковую, сами же кооператоры являлись членами различных политических партий. В потребительской кооперации преобладали меньшевики, в сельскохозяйственной — эсе-

ры, большевиков во всех видах кооперации было мало. Большевики упустили кооперацию еще до 1917 г.

Итак, многомерность, разнофункциональность кооперации не дает основания оценивать ее однозначно и затрудняет тем самым, увидеть в ней главное, самое сущностное. Это не государственная организация, но, очевидно, недостаточно ее считать только общественной. Но она и не корпоративная организация (хотя бы уже в силу того что ее члены — различных социальных слоев, — преследовали не одинаковые цели). За кооперацией, видимо, как за явлением весьма сложным, следует оставить одной ей присущее определение как организации именно кооперативной⁸.

Наличие собственных принципов работы также говорит в пользу именно последнего заключения.

Все формы кооперативного движения зародились примерно одновременно. Однако сразу же ведущее положение заняла кредитная кооперация.

Кооперативные организации строились на демократической основе. Управление делами кооперативов осуществлялось правлением, избранном собранием пайщиков или уполномоченными от них.

Остов сети кооперативов независимо от изменений во времени все же оставался постоянным. Сеть местных кооперативов одного направления деятельности (например, кредитной) объединял местный территориальный союз (район, губерния, область). Союз всех кооперативов одной специализации объединял всероссийский центр (например, Лыноцентр, объединял кооперативы по заготовке льна, а Центросоюз был центром всех потребительских кооперативов и т. д.).

Таким образом, структура кооперативных организаций строилась по принципу горизонтальных и вертикальных связей. В то время как община имела лишь органическую вертикальную подчиненность: сельских сход — волостной сход.

Область ведения кооперации была ограничена, а тенденция ее развития подчинялась установившейся узкой специализации. В то время как община являла собой многофункциональный организм:

⁸ Интересную попытку собрать своеобразную «коллекцию» определенных понятия «кооперация» предприняла Е. Н. Козлова. Она считает, что слова «кооперативное общество» впервые употребил А. Герцен в статье «Роберт Оуэн», которая была напечатана в 1861 г. в журнале «Полярная звезда». См. Козлова Е. Н. Что такое кооперация? // Кооперация: страницы истории. М., 1991. Вып. 2. Как считает лингвист Ю. С. Сорокин в словарях слово «кооперация» (и его производные) впервые зарегистрировано Ф. Ф. Толем (См.: Необходимый словарь для справок по всем отраслям знания, составленный под редакцией Ф. Толя. Необходимое дополнительное приложение к настоящему словарю. СПб. 1866). Едва ли не первым выражение «кооперативное общество» употребил Н. А. Добролюбов в его статье «Роберт Оуэн и его попытка общественных реформ» в 1859 г. (См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30--90 гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 151).

экономика (во всех проявлениях), самоуправление, поддержка моральных и нравственных устоев членов общества⁹.

Тем самым сфера пересечения общины и кооперации, хотя и была узкой, но все же достаточной и вполне возможной.

Старые русские кооператоры неизменно подчеркивали, что успех и эффективность кооперативной работы многожды повышаются, если нравственный уровень членов коллектива достаточно высок. В противном случае не исключено давление средней серой массы на индивидуальность, подчинение индивидуальности серому большинству. Тогда в кооперативе как бы возрождаются худшие черты общинного сознания.

2. Элементы коллективизма в общине

Обычно, когда хотят выделить в общине предпосылки для возможного создания совместного, общественного хозяйства, то указывают на наличие факта совместного владения землей. Но элементов коллективизма в общине гораздо больше. Из чего они складываются? Таковые находятся, прежде всего, в сфере материальной.

1. На первом месте идет **совместное владение землей** — пахотной (распределенной в индивидуальное пользование), а также мирскими угодьями: лесом, лугами, выгонами и пр. Этот факт достаточно хорошо известен, и я не собираюсь на нем задерживаться.

2. **Общественный капитал.** Он складывался из различных источников. Наиболее стабильным являлось самооблажение¹⁰. Он образовывался также от дохода, полученного за сданные в аренду соседним обществам или частным лицам общинных угодий (дальние, порой за десятки километров от села, участки пахотных земель, т. н. заполье, т. е. заброшенные земли, поскольку их невыгодно было обрабатывать из-за дальности расстояния; часть пастбищ, леса и пр.). В распоряжении общества находились выморочные земли, т. е. земли умерших членов общества, у которых не осталось наследников, либо последние отказывались от права пользования землей. Выморочные земли переходили в запасной фонд общества, либо передавались во временное пользование чле-

⁹ Подробнее см.: Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт Иваново, 1995; Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.

¹⁰ То есть общество само на себя накладывало определенный размер налога, шедший исключительно на потребности самого общества. Принцип самообложения и порядок взимания устанавливало само общество. И все же одна черта прослеживается заметно: это принцип равенства. Некоторые исследователи и политики полагали, что он несправедлив. Может быть. Но есть одно существенное возражение: построенные на эти деньги дороги, мосты, школы предназначались для всех без ограничения.

нам общества, либо, наконец, сдавались в аренду другому обществу

После 1917 г. в аренду сдавались и земли, переданные крестьянству в результате конфискации помещичьих, казенных, церковных и пр. земель. Крестьяне не всегда были уверены в прочности своих приобретений. Слухи о скором возвращении земель бывшим владельцам, постоянно циркулируя, вызывали беспокойство и нервозность. А посему крестьяне не включали такие земли в общий котел общинных земель, осваивали их отдельно, либо сдавали в аренду. И, напротив, там, где господствовала уверенность в надежности революционных преобразований, крестьяне проявляли инициативу по дальнейшей мобилизации некрестьянской земли. В частности, есть сведения о возвращении обществам притчивых земель. Эти земли находились в пользовании духовенства (священники и дьяконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики, дьячки, чтецы и др.) одного прихода. Притчивые земли входили в состав церковных земель, однако были и такие, которые выделялись притчу из состава крестьянских земель. После революции эти земли возвращались в общества. Так, Воронежская Духовная консистория жаловалась местным земельным органам о том, что «Валуйский исполком отобраз у притча всю подцерковную землю»¹¹.

Таким образом, только от сдачи земли в аренду могла набежать некоторая сумма в пользу общества. Например, в 1926 г. отдельные общества сдавали в аренду до 18,5% площади удобных земель, а общая площадь земли, сдаваемой обществами в аренду, составляла 5—6 млн га¹².

Доход в общественный капитал образовывался и от эксплуатации арендованных у казны оброчных статей (т. е. участки таких земель как каменоломни, рыбные ловли и пр.), дохода от продажи общественного имущества, дохода от случки общественного быка, и пр. Нельзя сказать, что этот капитал был велик и постоянен, но все же.

Капитал был неделим. Никто не имел права на долевое участие в нем. Он предназначался на благоустройство села, строительство мостов, дорог, найма специалистов (агрономов, ветеринарных врачей, учителей и пр.), пастухов, сторожей, для снаряжения мирских ходоков¹³ в дорогу, обеспечения провиантом лиц,

¹¹ Правда. 1928. 28 мая.

¹² 1917-й год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928. С. 92.

¹³ Мирской ходок — весьма заметная фигура сельской жизни, необходимый ее элемент. Мирской ходок — это представитель сельского общества (или волости), облеченный полномочиями для улаживания хозяйственных и общественных дел в государственных, общественных и правоохранительных организациях. Ходоки — явление историческое, видимо, генетически связанное с челобитничками феодальной эпохи и поверенными ходатаями по общественным и частным

отряжаемых в «командировку» для отбытия натуральных повинностей (заготовка дров, расчистка железнодорожных путей от снега и пр.), сооружения пожарных сараев, общественных складов, строительства и ремонта школ, изб-читален и пр.

С помощью общественного капитала общество иногда откупалось от разного рода повинностей, например, нанимало соседних крестьян для выполнения гужевой повинности, дровяной и пр.

Большие расходы несли крестьяне на содержание аппарата местных властей. В советское время большинство сельсоветов не имели собственных бюджетов и жили за счет крестьян. В таких случаях волостные и сельские сходы определяли жалованье выборным лицам, в том числе председателям и членам советов¹⁴.

Были и иные расходы обществ за счет мирского капитала¹⁵.

делам более позднего времени. Однако терминологически это явление фиксируется довольно поздно — примерно в середине XIX в. Еще в словаре В. Даля термин «ходок» — в понимании именно мирского выборного по улаживанию дел сельского общества — выражен пока неопределенно (Даль В. Толковый словарь. М., 1955. Т. 4. С. 556). Сохранение (а, может быть, и развитие) этого социального института в период капитализма было обусловлено специфической функционированием российской государственной бюрократической машины, засильем и всевластием чиновничества, слабостью экономических, социальных, культурных, бытовых связей города и деревни, вообще страшной оторванностью деревни от города, ее отсталостью, отсутствием в городе крестьянских представительных организаций. Ходок — необходимое демократическое посредствующее звено между крестьянским миром и бюрократическим государством помимо официальных каналов административно-хозяйственного управления.

После революции значение ходоков и масштабы их деятельности возрастают, что было вызвано как разрушением и без того слабых связей города и деревни в результате войн, разрухи, — с одной стороны, так и перемены в жизни крестьянства, вызвавшими резкое повышение его социальной активности, — с другой. Происходит и дальнейшее развитие термина «ходок», — появляется новое слово — «ходачество». Расширяется и социальная основа «отправителей»: ходоки посылаются уже не только от сельских обществ, но и от крестьянских объединений и организаций, солдат и даже представителей местных властей и различных учреждений. Наконец, ходоки отправляются в путь и по собственной инициативе или по инициативе отдельных групп крестьян. Последнее, пожалуй, наиболее характерна черта ходачества времен революции. Эта знаменательность состоит в том, что в отличие от «доброе старое времена», когда ходоки представляли общество в целом, в послереволюционные годы община, раздираемая классовыми противоречиями, все менее являет собой целостный организм, равным образом выражавший интересы всех членов. Но классовая борьба вовсе не устранила общности интересов членов всего сельского общества, в особенности, когда речь шла о спорных делах с соседними обществами.

¹⁴ По РСФСР к началу 1928 г. из 57 310 сельсоветов имели свои самостоятельные бюджеты только 1720 сельсоветов или 3% (См.: Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959. С. 65).

¹⁵ Принимая во внимание особенности русской природы, следует иметь в виду, что наряду с хозяйственной рачительностью тесно соседствовали безалаберность и раздолбе русской души, готовой навсегда пропить найжтое, вместо того, чтобы употребить заработанные деньги с толком. В деревне Колушкино Финяевской вол. Скопинского уезда Рязанской губ. в 1924 г. успешно осуществляли покос, в числе и общественных лугов, и треть скошенного продали. В резуль-

Не все сельские общества располагали равными возможностями и источниками пополнения общественного капитала. Иной раз в активе значилась весьма ничтожная сумма. Недаром экономистами отмечалась слабая капиталоемкость деревни¹⁶. (И в деле кредитования деревни большую роль могла бы сыграть кредитная кооперация, но для этого она располагала скромными возможностями).

Таким образом, мирской капитал — это не просто случайная, скромная сумма. Да, она была не столь уж значительна, но недаром сельские общества обладали правом юридического лица и фактически, и по закону, например, статья 64 Земельного Кодекса 1922 г.

3. Наличие **общественных запасов**¹⁷, садов, инвентаря и машин, быков-производителей, общественного семенного фонда и т. д.

4. Наличие **общественного труда** в предельно малых формах временного объединения типа супруги, соседской артели и пр. (Об этом см. гл. 3, § 5).

5. Обращение в **общественное использование оброчных статей** после национализации Советской властью казенных земель и имуществ.

6. **Промышленные заведения, инвентарь и техника**, находившиеся в общем пользовании. В период аграрной революции (особенно летом — осенью 1917 г.) участились случаи захвата мельниц у частных лиц и арендаторов, а также принадлежавших казне¹⁸. В ходе аграрной революции в распоряжение обществ передавались инвентарь и техника из конфискованных имений, а общества

тате «вырученные деньги крестьяне пропили на самогоне да переиграли на песнях, пользы никакой нет, А потребовались деньги на ремонт школы, на пожарную дружину, каждый говорит: хоть зарежь — копейки нет» (РГАЭ. Ф. 396 Оп. 2. Д. 16 Л. 38).

Охотно верю. Впрочем, пропивали не все. «Наше общество, — сообщали из деревни Стрельниково, что в Орловской губ., — продало сена 9 куч за 22 руб. и полведра самогона. Деньги были нужны платить за сад. Но не в этом дело, что нужны были деньги, а ...хотелось выпить» (1926 г.) (РГАЭ. Ф. 396 Оп. 4. Д. 27. Л. 237).

Собственно, во всем этом в миниатюре отражено наше общество в целом, вплоть до сегодняшнего дня.

¹⁶ См., например: Чаянов А. Основные проблемы финансирования с.-х. кооперации // Финансы и народное хозяйство. 1927. № 13. С. 8.

¹⁷ Общественные запашки создавались с разной целью: засева пустующих земель, выращивания какой-нибудь трудоемкой, но выгодной для продажи культуры, создания опытных полей. Так, в 1928 г. жители деревни Прямушки (Верхне-Рождественский сельсовет, Саранульский округ, Уральская область) в количестве 20 дворов решили организовать опытное поле, собрали для этого 12 пудов семян и решили в дальнейшем обрабатывать его коллективно (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 61. Л. 11).

¹⁸ См.: Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сб. док-ов и мат-ов. Пенза, 1957. С. 135; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сб. док-ов и мат-ов. Ижевск, 1957. С. 205—206; и др.

уже сами устанавливали порядок их использования. На такой основе могли возникать прокатные пункты машин и инвентаря.

7. Запасы продовольствия, — т. н., **общественные «магазины»**, т. е. склады¹⁹. Из них продовольствие могло выдаваться дорожкам, отправляемым обществом в город либо в поиск новых земель для переселения; лицам, выделенным обществом для выполнения нарядов по гужевой и трудовой повинности; лицам, нанятым обществом по нуждам общества, а также по оказанию помощи пострадавшим от какого-либо бедствия и т. д.

8. **Оказание коллективной трудовой помощи** маломощным хозяйствам (помочи).

Элементы коллективизма мы находим и вне материальной сферы, а именно — в поведенческом проявлении.

1. Прежде всего это **коллективное обсуждение всех вопросов** на сельском сходе и **коллективное принятие решений**.

2. **Коллективная ответственность всех и каждого** — круговая порука — за исполнение принятых сходом решений. Круговая порука, являясь важнейшим принципом жизни общины, проявлялась во всем ее многообразии, в том числе в фискальных целях, при поручительстве за члена общества при получении им кредита и пр., оказания доверия в политической благонадежности и т. д.

3. Другой важнейший принцип — **принцип уравнительности** — является также краеугольным камнем общинной жизни, морали, крестьянского менталитета. Он восходит к христианскому принципу равенства всех перед Богом. Он проявляется во всех сторонах повседневной жизни и главное — в общинном способе наделения крестьянина землей: всем поровну в каждом поле, в каждом коне (гоне), ярусе, куске (отсюда происхождение чересполосицы). Коллективизм и принцип уравнительности проявлялись даже при погромах помещичьих усадеб во время революции. В погром вовлекали всех, даже тех, кто не хотел. При кажущейся стихийности и неуправляемости движения принцип коллективизма здесь выражался не только в коллективных действиях, но и при дележке добычи: всем все поровну²⁰.

Принципы уравнительности и круговой поруки, складывавшиеся веками, впоследствии чрезвычайно импонировали коммунистам.

¹⁹ В 1761 г. Екатерина II повелела учредить хлебные магазины во всех казенных и помещичьих имениях для запаса в них хлеба нового урожая на потребность в продовольствии на один год в количестве, зависящем от числа жителей того или иного селения.

²⁰ Верменичев И. В. Аграрное движение в 1917 г. // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 60; Шестаков А. В. Крестьянские организации в 1917 г. // Аграрная революция. М.: Л., 1928. Т. 2. С. 157; Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971. С. 214; Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981. С. 343—345; Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сб. док-ов. Горький, 1957. С. 314; и др.

Круговая порука по-прежнему «работала» и при большевистском режиме, преимущественно в фискальных целях, а уравнительность вошла в практику т. н. «социалистического», а затем и «коммунистического», строительства как бесконечно воспроизводимая сущность нищей «совковой» жизни — всем знакомая уравниловка. Уравниловка на нищем уровне.

Наконец, необходимо выделить элементы морально-этического свойства. Это коллективная психология, отличающаяся единообразием, одинаковостью мировосприятия, моральных ценностей, социально-экономических устремлений и пр. В свою очередь, крестьянский менталитет обусловлен традиционной замкнутостью крестьянского мирка и строя мышления. Но крестьянин, как это ни странно, тоже, как и пролетарий, был склонен к коллективным действиям. Это проявлялось при погромах и захватах помещичьих имений, а позднее — в массовом «вступлении» в колхозы.

Войны, революционные потрясения в известной мере способствовали выходу крестьян за пределы крестьянского мирка. Но традиционное российское бездорожье, к тому же в условиях необъятных просторов, плохая информационная обеспеченность и пр. ставили пределы расширению возможностей коммуникации деревни с миром. В конечном счете крестьянство по-прежнему замыкалось на самом себе, воспроизводя вновь и вновь коллективизм особого свойства.

Вот, по моим прикидкам, по меньшей мере с десяток элементов общинного коллективизма. Но их наличие отнюдь не означало, что по мере их накопления и упрочения происходит переход количества в качество. Для крестьянина индивидуальный труд и ведение своего единоличного хозяйства оставались незыблемыми устоями всего сущего. И от этого он не собирался уходить. Зачем? Пределом его мечтаний и устремлений оставалось добротное, зажиточное хозяйство — в общине ли, на хуторе ли, но отнюдь не в коллективе.

Зато для теоретиков, приверженцев кооператизма-артельности, коллективистские начала общины давали обильную пищу для размышления и иллюзорных надежд.

Литературная «модель» земледельческой артели во многом уподоблялась общине. И в этом плане обращая внимание на два основополагающих общинных принципа, которые теоретиками переносились на артель: 1) круговая порука членов артели; 2) «справедливое распределение выгод от дела или трудового начала или полного удовлетворения общепризнанных потребностей каждого»²¹. Что касается полного удовлетворения потребностей каждо-

²¹ Португалоу В. Десять лекций по кооперации, читанных на общедоступных курсах в 1913—1918 гг. в Н.-Новгороде. Н.-Новгород, 1918. С. 30.

го, то отбросим сие как явно недостижимую мечту, а в результате останется все та же уравниловка и круговая порука.

Более реалистично выглядели конструкции, основанные на изучении практического опыта промысловых и кустарных артелей, а также на более редких случаях недолговечного существования земледельческих артелей. Но последние образовывались помимо воли и содействия общины.

Все изложенное, однако, может не убедить въедливого оппонента, который оптимистично заявит, что для реализации названных предпосылок еще не было соответствующих условий. На это я возразил бы следующим. А был и есть ли смысл их ждать и надеяться? Не есть ли это еще одна иллюзия из коммунистического идеологического арсенала? Возможно, коммунизм — это отдаленное будущее всего человечества. Но скорее не одно поколение попадет в рай небесный, нежели достигнет рая земного. И может быть наконец прекратить связывать Россию с т. н. социалистическим выбором? Всем своим многострадальным опытом она уже доказала, что ей это противопоказано, и что, кроме трагических последствий, эта затея ничего не дает.

СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИНЦИПЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ КООПЕРАЦИИ И ОБЩИНЫ

1. Сферы хозяйственной деятельности

Как известно, функции общины сложны и многообразны. Основная ее функция находилась в сфере земельных отношений. Общество проводило переделы земли, распоряжалось угодьями общего пользования, решало вопросы о выделении из общества. Оно также решало вопросы о проведении землеустройства и о системе севооборота, определяло начало сельскохозяйственных работ и т. д.

В ходе революции функции общины в этом аспекте расширились, ибо контингент населения, наделяемого землей, определялся исключительно решениями общества. Лишь община могла определить, кто конкретно и в какой очередности получал конфискованную помещичью землю, кто лишился этого права и за кем из временно отсутствующих оно сохранялось. Лишь община решала вопросы о приписке к обществу новых членов из числа горожан и беженцев, о принудительном возвращении в общество ранее вышедших из него хуторян. Община определяла, в каком размере — полном или частичном — наделять землей пришлых. Община решала вопросы о выборе форм землепользования, о выделе из общины на хутора, выселки. Общество выступало истцом или ответчиком по земельным тяжбам между соседними обществами. Сход выносил постановления и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве. Сходу принадлежало определение жалоб и просьб по делам общественным. Жалобы по делам общества практиковались и через особо выборных или ходоков. Сход определял назначение мирского капитала, который расходовался на совместные нужды, например на строительство общественных построек, наем пастухов и специалистов, покупку сложного инвентаря и т. д.¹ При покупке какого-либо товара финансово-ответственным лицом в таких случаях являлось не крестьянство вообще, не деревня, а сельское общество.

Среди многообразных функций общины важнейшие следует отнести к области производства. Община непосредственно не «пахет», за исключением общественных работ, но производственный цикл сельскохозяйственных работ немыслим без участия и непосредственного влияния мира. Сельское общество определяет начало пахоты, сева, сенокоса, устанавливает характер севооборота,

¹ Подробнее см. А. Я. Мирские повинности // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. 1896. Т. 38. С. 522—525.

режим пастьбы скота, порядок пользования общими угодьями, решает вопросы, связанные с землеустройством и т. д.

Деятельность кооперации — это преимущественно область сбыта и переработки сельскохозяйственного продукта, а также иные вспомогательные операции, обеспечивающие функциональность и жизнеспособность крестьянского хозяйства: кредит, закупка товаров городского производства, страхование и т. д. Производственная сторона затрагивается лишь слегка, хотя порой весьма существенно (машинные и мелiorативные товарищества, прокатные пункты и пр.).

Собственно само же производство в, так сказать, «чистом» виде редко удавалось кооперативным путем (артели); к тому же, как правило, это были нестабильные, нежизнестойкие объединения.

Получается, что традиционно община никогда не занималась тем, чем занималась кооперация. Крестьянин без согласования и санкции сельского схода сам продавал продукт своего производства, сам перерабатывал то, что требовало переработки, и сам покупал нужные в хозяйстве товары. Кооперативы же, в свою очередь, тоже никогда не «пахали» и даже не помышляли о том (за исключением артельных мечтаний).

При таком разделении сфер деятельности община и кооперация существовали как бы параллельно, без заметных признаков «перерастания» первой во вторую. При доброжелательности друг к другу они могли сотрудничать, оказывать взаимопомощь без всякой конкурентной напряженности.

И, само собой разумеется, речь идет о кооперации не как о некоем выезжем торговце, — ведь членами кооператива становились те же общинники. Но не все, а часть их. Правда, существенная коррективна: членами кооператива могли быть и крестьяне соседних обществ. Уже этим самым кооперация являлась как бы межобщинной организацией.

Разделение сфер действия и влияния кооперации и общины для меня является принципиально важным моментом, одним из краеугольных камней при нахождении различий между кооперацией и общиной.

Но, может быть, все таки возможно некоторос «уплотнее» сфер деятельности или их сближение, взаимопроникновение и в этом случае — даже «перерастание» общины в артель? Ведь в литературе, напомню еще раз, уже отмечалось, что кооперация как бы продолжала и развивала принципы коллективизма, заложенные в общине, и в этом усматривалось их несомненное сходство и чуть ли не родство.

Вот перед нами довольно простой случай. Этнограф И. В. Власова утверждает: «Артельный способ хозяйствования (т. е. простые формы: соседская артель, помочи, супряги и пр. — В. К.) был использован после 1917 г. при образовании коллективных хо-

зяйств — тозов, совхозов и коммун. В них действовал артельный способ организации работ и распределения продукта. Путем аграрной реформы с 1918 г. предполагалось осуществить кооперирование сельского хозяйства России. Кооперация должна была стать коллективным предпринятием, «плодом народного творчества», формой крестьянской производственной деятельности»². Здесь все не то и не так. Данный опыт не был использован, а кооперирование с 1918 г. не предполагалось. Напротив, с 1919 г. началось повальное разрушение кооперации под видом ее реорганизации. Другое дело, в декабре 1918 г. возник план коллективизации за 3 года, но он не состоялся (Эти идеи вынашивались в декабре 1918 г. на I Всероссийском съезде земельных отделов, комбедов и коммун).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что практически одновременно появляется другая статья И. В. Власовой, где она писала: «В 1920-х [годах] же артельный способ хозяйствования стал применяться в широко распространившихся крестьянских товариществах (тозах), которые как земледельческая кооперация с их общественной формой труда и являлась истинной коллективизацией, каковой не стала коллективизация 1930-х гг. и ее принудительностью»³.

«Истинная коллективизация»... Что это такое? Да возможна ли она? А главное: нужна ли? Зачем?

Большая часть полемики вокруг общины сводится к тому, чтобы установить: способна ли община «перерастать» в артель и если «да», то — при каких условиях?

Однако, как бы хорошо не были развиты навыки и традиции общинного коллективизма, общине все же не суждена такая эволюция. «Перерастание» в артель (колхоз) невозможно (за исключением отдельных случаев) уже хотя бы потому, что крестьянский труд по сути своей индивидуален, а не коллективен. Зачем перерастать?

Это кабинетные люди выдумали, что коллективный труд лучше, выгоднее, прогрессивнее индивидуального. А у крестьянина иное мнение, совершенно другой идеал, и, разумеется, не коллективное хозяйство. Только его никогда ни о чем не спрашивали, ибо лучше самого крестьянина знали, что ему нужно.

Да, он хотел удобства городской жизни, но в город он не стремился. Да, он хотел получать доход не меньший, чем у рабочего, но быть таковым не собирался. Да, он не прочь получать выгоды крупного производства, но он не хотел в колхоз. Все это могла

² Власова И. В. Традиции русской сельской общины в организации хозяйства современной деревни // Российский этнограф. 1993. № 3 С. 39—40.

³ Власова И. В. Коллективные формы труда в крестьянском хозяйстве // Крестьянское хозяйство: История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции Вологда, 1992 Ч. I С. 35

предоставить кооперация, не нарушая деревенского индивидуального хозяйствования и быта⁴.

Гораздо больший интерес представляет мнение очень уважаемого историка, академика Н. Н. Покровского: «Как сейчас выясняется, — писал он, — основу этики крестьянской общины составляли не уравнивательные тенденции (к этому мы еще вернемся — В. К.), а обычаи и нормы трудового права. Честно нажитый, своим трудом добытый достаток всегда уважался в общине. Весьма распространена была трудовая взаимопомощь. Внутриобщинные отношения строились на основах крестьянской этики, крестьянского понимания правды и справедливости. В этом смысле общинные традиции могли бы помочь постепенному и умелому внедрению после революции выгодных для крестьянина форм кооперации, особенно снабженческо-сбытовой. Ведь недаром маслодельческая кооперация делала в дореволюционной Сибири поистине экономические чудеса»⁵.

Итак, позиция Н. Н. Покровского более эластична, — она не напрямую связывает общину и кооперацию, и все же...

Все же, думается, кооперация действовала не благодаря общине, а вопреки ей. И свидетельство тому — различные, порой очень и очень несовместимые принципы организации кооперации и общины.

Коллективизм кооперации принципиально иной природы, нежели коллективизм общины. Он зиждется на личной свободе и инициативе, а посему он **добровольный**. Кооперация — это не столько коллектив, сколько союз индивидуалов. Элементов коллективизма в общине гораздо больше (см. раздел 1).

2. Принципы объединения в кооперации и в общине

Смысл кооперации и общины, пожалуй, одинаков: взаимопомощь. Но способы и формы ее осуществления различны.

Кооперация — это форма **добровольной** экономической самоорганизации мелких производителей и потребителей с целью борьбы с частным посредником в области производства, сбыта и снабжения. В кооперации могут обобществляться некоторые процессы труда в некоторых операциях, средства производства, а также продукты трудовой деятельности для более выгодного их сбыта.

Исходным положением для определения сущности кооперации является следующее: кооперация — это совместное приложение

⁴ Крестьяне сами писали об этом, особенно в 1917 г. когда крестьянские наказы стали поступать на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Письма крестьян 20-х годов в «Крестьянскую газету» значительно расширяют наши представления о крестьянских устремлениях (См.: РГАЭ. Ф. 396, содержащий несколько десятков тысяч писем).

⁵ Покровский Н. Н. Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир 1989 № 9. С. 229

усилий и капитала (присутствует здесь в какой-то мере и организационный момент) для осуществления какой-либо цели. Условно говоря — «работа сообща». Но таковая вообще-то всегда и везде может происходить добровольно или по необходимости. В кооперации — прежде всего выступает принцип добровольности объединения. Хотя «работа сообща» в кооперации может возникать и в силу необходимости противопоставления посредничеству частного предпринимателя, крупного капитала и пр.

Иначе обстоит дело в общине. Принцип объединения общины — принудительный, обязательный для всех, «поголовный», ибо каждый, претендующий на надел земли, должен быть приписан к сельскому обществу⁶ и не вправе выделиться из него без специального на то решения сельского схода. Помимо совместного пользования землей (член общества обязан был соблюдать установленный в обществе порядок ее эксплуатации, вести единый для всех севсооборот и т. д.) общинник имел право на долю в общественном капитале, других видах общего хозяйствования и пр. Равным образом он нес и соответствующие обязанности перед обществом: обязательность для всех самообложения, выполнение установленной очередности несения натуральных повинностей и пр.

Главная же веревка, по рукам и ногам связывавшая крестьян с общиной, была круговая порука.

Естественно, зависимость крестьянина от общины была не везде одинаковой. Скажем, в Сибири принцип уравнительности не играл такой роли, как в центральной России. А на Северном Кавказе крестьянин был подвижнее, предприимчивее, мене связан с общиной, чем казак, которого к станичному обществу, помимо всего прочего, привязывала еще и пожизненная воинская повинность⁷.

Общинник мог овладеть некоторыми навыками коллективного труда, покоившихся на традициях общинного хозяйствования. Но даже простейшие объединения (супруга, соседская артель и пр.) оставались внутриобщинными объединениями. Революция давала возможность более свободно выделяться трудовым объединениям из общины, но этот процесс не получил сколько-нибудь массового развития.

По-разному осуществлялось в общине и кооперации самоуправление. Органом управления обществом являлся сельский сход (сход домохозяев), в кооперации же — собрание всех пайщиков.

По-разному складывались взаимоотношения индивида с организацией в кооперации и в общине. В общине они строились на строгой соподчиненности личности от сельского общества, его полной зависимости от него, соблюдении жесткой регламентации хо-

⁶ Отсюда выделение, к примеру для статистики, таких категорий населения. приписные, неписные, пришлые.

⁷ См.: Ратушняк В. Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в. Краснодар, 1982. С. 56

зяйственных процессов, бытовых устоев, морально-этических норм и пр. В кооперации ничего этого нет. Здесь объединяющее начало зиждется прежде всего на добровольности вступления и лишь в силу этого возникает необходимость соблюдения (в разной степени жесткости) производственной, если можно так сказать, дисциплины. И чем ближе к XX в., тем более взаимоотношения между общиной и индивидуумом приобретали конфликтный характер⁸, ибо консерватизм общины препятствовал развитию почина, самостоятельности и независимости личности.

Суммируя сказанное, можно вывести такую условную формулу отношений индивида в общине и в кооперации. Кооперация — это коллективизм плюс личность, община — это коллективизм минус личность. Именно коллективизм последнего рода был особенно предрасположен к коллективизации сталинского образца и использованию в этих целях.

Такова различная «общность» кооперации и общины. А кроме того была сфера, так сказать, принципиального несовпадения. Кооперация — порождение капитализма, для общины капитализм — начало постоянного разрушения; стихия существования кооперации — товарно-денежные отношения, в то время как общину они разрушают. Зато хозяйственная натуральность, замкнутость — стихия общины, как болото губельны для кооперации.

В заключение, в подтверждение сказанному можно привести слова известного экономиста Б. Д. Бруцкуса из его неопубликованной статьи, хранящейся в семейном архиве. Бруцкус писал: «Очень часто кооперацию хотят связать с первобытными социальными институтами, в первую очередь с сельской общиной, особенно в России, где еще с начала настоящего столетия существовала сельская община с общим пользованиями, принудительным севооборотом и периодическими переделами, очень охотно усматривают в сельской общине основу для развития кооперации. Между подобными образованиями как сельская община с кооперацией существуют принципиальные различия. Сельская община возникла органически, в нее не вступали и обычно даже не могли выделить из нее своего хозяйства. По терминологии недавно скончавшегося германского социолога Тенниеса (Toennies) такое социальное образование как сельская община является общностью (Gemeinschaft). Но кооперация не является органически возникшей общностью. Это сознательно созданное объединение для достижения определенных хозяйственных целей; в такое объединение не враста-

⁸ Данилов В. П., Данилова Л. В. Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы М., 1986, С. 86.

ют, а добровольно вступают, и из него добровольно выступают. По терминологии Тенниса кооперация есть не общность, (*Gemeinschaft*), а общество (*Gesellschaft*)».

3. Точки соприкосновения

Проводившаяся до сих пор мною схема достаточно жестка и не оставляет вроде бы места для соприкосновения интересов общины и кооперации. Но это не так. Точки соприкосновения были.

Прежде всего исходные позиции: и кооперация, и община призывали любовь к труду, приобщали, на свой лад, к культурным ценностям (неодинакового, естественно, порядка), духовной чистоте (романтизм русской кооперации отличался от сугубо коммерческой кооперации Запада). Уже на этой основе в крестьянине могло проснуться любопытство к кооперации и даже более глубокий интерес.

Наибольшая вероятность соприкосновения крестьян и даже всего общества с кооперацией могла возникнуть в области переработки сельскохозяйственных продуктов, например, молока. Соприкосновение вызывает интерес, возникает вероятность вступления в кооператив. Такова природа возникновения некоторых маслодельных артелей. И мы видим даже коллективное членство в кооперации, т. е., когда все общество вступает в кооператив по переработке и сбыту молочной продукции. Такие сведения приводит П. Н. Зырянов. В своей монографии он пишет, что в Московском уезде в 1909 г. возникло два молочных товарищества (Чапчиковское и Сухаревское), объединившие 15 селений. В общей сложности они поставляли в Москву 60—70 ведер молока ежедневно. «Здесьняя община, — заключает Зырянов, — начинала как бы вращаться в систему кооперации»⁹.

Факт и вывод автора весьма примечательны. Факт интересен тем, что дает подсказку: возможно, что в районах хорошего сбыта (близость Москвы) создавались неплохие предпосылки для вхождения крестьян в кооперацию, и, напротив, отсутствие близлежащего рынка, вероятно, затрудняло таковые образования. Вывод же привлекает к себе внимание тем, как Зырянов квалифицирует ситуацию; он употребляет выражение: община «вращается» в систему кооперации. Именно «вращается», а не «перерастает» в кооператив.

Интересный случай описан в кандидатской диссертации Е. Е. Бекбаевой. В 1898 г. в поселке Конюховский Петропавловского уезда Акмолинской области (Степное генерал-губернаторство) местные казаки задумали создать «общественную маслодель-

⁹ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1917. М., 1992. С. 225.

ню». Автор считает, что эта организация имела «предкооперативный характер» на том основании, что участвовали «все домохозяйства сельского общества, сдающие молоко на завод и не сдающие молока», а выручка становилась «мирским капиталом»¹⁰. Я не собираюсь вступать в полемику по поводу выяснения кооператив это или еще нет, для меня важна сама тенденция образования кооператива всем сельским обществом, т. е. здесь обнаруживается то, что мы ищем.

Однако, к сожалению, это все, что пока мне известно.

Академик Н. Н. Покровский высказал мысль относительно сибирской общины в том плане, что «общинные традиции могли бы помочь постепенному и умелому внедрению после революции выгодных для крестьянина форм кооперации, особенно снабженческо-сбытовой. Ведь недаром маслодельная кооперация делала в дореволюционной Сибири поистине экономические чудеса»¹¹.

Среди работ сибирских историков В. Г. Тюкавкина, Л. М. Горюшкина, В. Я. Осокиной, Б. В. Иванова и др. я не нашел прямых фактов наподобие вышеприведенного по Московскому уезду, непосредственно иллюстрировавших бы высказывание Н. Н. Покровского. Скорее всего историки просто не обращали внимания на эту сторону дела. Поэтому я не исключаю такую возможность, тем более Сибирь велика. На такую вероятность наталкивают и высказывания старого русского экономиста Н. П. Макарова, который в 20-е годы утверждал, что в дореволюционной молочной кооперации «среди всех хозяйств находились и хозяйства бескровные»¹². Таким образом, можно предположить о вхождении в молочные кооперативы всех членов сельских обществ.

Но что там делать тем, у кого нет молока? В. Г. Тюкавкин справедливо заметил, что Сибирский союз маслодельных артелей производил масло почти исключительно на экспорт, а потому и требования к качеству молока были очень высокими, что не под силу оказывалось малодостаточным крестьянам¹³.

Да и исследования состава артельщиков показывают, что в артели входили не все крестьяне: от 17,7% всех хозяйств в Томской губ. до 47,4% всех хозяйств в Тобольской губ. (1912 г.)¹⁴.

Подобная картина наблюдалась и по другим видам кооперации, в том числе и после революции, особенно в начале 20-х годов, когда власти еще не столь активно поддерживали и поощряли

¹⁰ Бекбаева Е. Е. Сельская кооперация Степного края в конце XIX — начале XX века (по материалам Акмолинской и Семипалатинской областей). Лист на совск. уч. степени канд. историч. наук. М., 1992 С. 52—53.

¹¹ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 229.

¹² Макаров Н. П. Рыночное малочное хозяйство и кооперация. М., 1926.

¹³ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 425.

¹⁴ См.: Яковлев Я. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924. С. 57—60.

вложение в кооперативы бедноты. В Знаменской волости Тамбовской губ. имелось 4 товарищества по аренде государственной земли. Их обследование (1923 г.) показало, что членами товариществ были многие крестьяне (77% крестьян Софийского общества, 79% крестьян Измайловского общества), но их основную массу составляли средние и зажиточные. На этом основании выводы комиссии были довольно отрицательными: несмотря на то, что товарищества охватывали «очень большую группу крестьян и очень недурно работающих», эти товарищества, якобы, под кооперативной вывеской скрывали «капиталистическое содержание», что ничего, якобы, кооперативного в них нет, что они представляли опасность для всего дела кооперирования¹⁵. (Но подобных сведений за 20-е годы можно без труда привести предостаточно). В этом, собственно, и состояло понимание, а вернее — непонимание, большевиками сути кооперативной работы и их принципиальное расхождение в подходах к кооперации с теоретиками и практиками мирового, в том числе и российского, кооперативного движения.

Кооперация не заинтересована во вступлении в кооператив всех членов общества (т. е. в поголовном кооперировании, на чем принципиально до конца жизни стоял В. И. Ленин), ибо от бесхозяйствующих элементов, равно как и от маломощных, толку нет. Да и сами эти слои не заинтересованы в кооперации.

4. Пути и способы проникновения кооперации в деревню

Естественно, нельзя представлять дело так, что кооперация легко **проникала** в крестьянскую среду. Однако, что значит проникла? Не есть ли кооперация, скажем, сельскохозяйственная кооперация, самоорганизация крестьянства?

В самом деле, если вспомнить работы А. В. Чаянова, то увидим, что в его трактовке кооперация есть как бы продолжение семейного крестьянского хозяйства¹⁶. Следовательно, кооперация есть результат усилий самого крестьянства? Однако, думается, что это сугубо теоретический подход, некая абстракция. На самом же деле инициатива крестьян, если таковая и была, непременно вступала во взаимодействие с внешними факторами, одни из которых оказывали содействие (близлежащие кооперативные организации, земство, прочие общественные организации), другие могли препятствовать (полиция, административные органы, церковь и пр.).

И даже, несмотря на наличие инициативной группы крестьян, гораздо больше было таких, которые не знали, что такое кооперация, для чего она нужна. Сплошь и рядом, и не обязательно в глубинке, идея организации кооператива наталкивалась на глухую

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чаянов А. В. Избранные произведения. М., 1989. С. 196, 214.

стену непонимания и недоверия, порожденные неосведомленностью крестьян, их невежество, инерционность мышления¹⁷. Поэтому крестьяне, желавшие создать кооператив, остро нуждались в организационной и просветительской помощи кооперативных организаций (особенно союзных объединений, где для этих целей существовали специальные инструктора) для разъяснения населению смысла и задач будущего кооператива, становлению его первых шагов, материальной и иной поддержки.

И здесь наиболее эффективным орудием преодоления недоверия к кооперации служило надежное средство демонстрация выгоды от участия в кооперации.

Традиционно считается, что если кооперация, --- то это выгодно. Редко, кто идет дальше абстрактных примеров. Получается на удивление просто: организуй кооператив, а народ, «увидев выгоду и проявив заинтересованность» сам пойдет в него. На деле же все не так. Да, умом мужик может понять эту посылку, а где и в чем конкретно эта выгода? Крестьянин **конкретен**.

Впрочем, крестьянин может осознать и «сверхвыгоду», т. е. возможность получить выгоду и без всякой кооперации. («Было бы лучше, если советское правительство... снабдило бы крестьян продуктами городских изделий и гораздо дешевле, нежели в кооперации») ¹⁸.

Иной раз выгоды, ну напроць, не светится никакой. Так вроде бы было при организации до революции вологодских молочных артелей. Так почему же они возникли? А единственно с целью преодолеть ненужного крестьянам частного посредника. Так, может быть, в этом и была выгода?

Но, наверное, самым главным при организации кооператива являлось решительность. Решится, наконец, сделать шаг не как все, а по собственной воле и разумению, преодолеть косые или насмешливые взгляды односельчан. Решится, наконец, преодолеть чувство, близкое, может быть, к ощущению предательства по отношению к обществу. Все же легче, когда огулом затевается нечто. Возможно, все было проще, тем не менее это обстоятельство нельзя сбрасывать со счета.

«Посягая» на крестьянина, кооперация не затрагивала права и прерогативы общины в традиционных сферах ее действия. Прежде всего, в сфере производства, включая и традиционные технологии. (Кстати, в этой области с начала XX в. активизировалось влияние участковой агрономии, в которой, в свою очередь, намечались интересные связи с кооперацией). Проникновение кооперации в деревню шло через самые, так сказать, уязвимые для общины места, т. е. в тех точках, где влияние общины на крестьянина было

¹⁷ См., например, Ивановский В. В. На кооперативной работе // Народная жизнь Самара 1919. № 1—4 С. 31

¹⁸ РГАЭ Ф 396 Оп 5 Д 30 Ч II Л 1079 об

наиболее слабым или такового вообще не было. Это сфера сбыта произведенного продукта. Здесь крестьянин оказывался предоставленным сам себе и распоряжался своим продуктом по своему усмотрению: продавал его, когда хотел, кому хотел, и где хотел. Вот этим-то и «воспользовалась» кооперация, взяв на себя сбытовые функции крестьян. Точно также свобода выбора оставалась у крестьянина и в сфере приобретения необходимых ему для производства и быта товаров городского изготовления. Возможность проникновения предоставлялась и в области кредита, ибо мирской капитал для названных целей не годился, ему уготовлено было другое назначение.

Постепенно эти «лазейки» могли расширяться и опять же в тех областях, где община ничего не могла серьезно противопоставить или была слаба: переработка готовой продукции, организация мелиорации, случайных пунктов, страхования скота и т. д.

Для успешного рождения и функционирования кооператива все же недостаточно личной решимости, благожелательного патронажа заинтересованных организаций, включая общину, наличия минимума капитала, важным является необходимость наличия и ряда благоприятных условий: удобных путей сообщения и коммуникации, близость рынка (местного или более общего), уровня товарности района и пр. На голом месте при самом горячем энтузиазме участников ничего не добьешься.

Особенно важным являлось знание рынка, спроса на наиболее ходовые товары и продукты, знание сильных и слабых сторон конкурентов, в первую очередь частных посредников. Таким образом, необходимо было знать тот исходный комплекс вопросов, которые мы нынче включаем в модное понятие «маркетинг». Об этом неоднократно напоминали теоретики и практики кооперативного движения, в частности много писал об этом А. В. Чаянов¹⁹.

Восприятие крестьянами кооперации зависело от характера, особенностей сложившегося типа общины. Так, в губерниях Центрального Черноземья преобладали многодворные селения, что вело к чересполосице, многополосице и дальнотемелью. Выделение на хутора и отруба в годы столыпинской аграрной реформы было гораздо менее активным, чем в других губерниях, например, в западных. Это обстоятельство связано с неразвитостью капиталистических отношений в ЦЧО, а также с тем, что в условиях частых засух, нехватки пастбищ и пр. вести полностью автономное хозяйство было затруднительно. Поэтому, если крестьяне и решались выйти из общины, то предпочитали отруб, а не хутор.

¹⁹ См.: Евдокимов А. А. Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. Харьков, 1911; Кулыжный А. Е. Кооперативный сбыт продуктов мелкого хозяйства. М., 1913; Макаров Н. П. Очерк кооперативного сбыта зерна. М., 1914; Чаянов А. В. Основные условия успеха кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства. М., 1917, и др.

Частые переделы земли в ЦЧО объяснялись не столько особенностями и качеством земли, сколько были выражением более чем где-либо уравнивательных тенденций.

После погрома хуторян в период аграрной революции 1917—1918 гг. наблюдался процесс восстановления и укрепления общины. Наиболее наглядно он проходил в ЦЧО. Участковое землевание заметно сократилось, а общинное охватило 98—99% всех крестьянских земель.

Для многодворных селений ЦЧО было характерно значительное число бедняцких хозяйств. Община служила для них своеобразным социальным защитным механизмом, поддержкой мало-мощных хозяйств от разорения²⁰.

В этих условиях кооперации работать было непросто, но все же легче, чем в Центральном Промышленном районе.

Большим препятствием для организации кооперации являлось отходничество. Наиболее развитым оно было в Центрально-Промышленном районе. Как правило, отходник, неплохо зарабатывая на стороне, «является домой «с мощной», отлично справляется с налогом, одевает, обуваете свою семью и даже остается на выпивку». Это неоспоримый факт и никакие декреты, никакие льготы не заставят его идти в коллектив». Свое же хозяйство такими крестьянами ведется спустя рукава. Поэтому им никакие кооперативы не нужны. Так писал крестьянин П. В. Белов деревни Полу-братово Быковской волости, Тверского уезда и губ. 6 марта 1928 г. в «Крестьянскую газету»²¹.

Итак, часть крестьян таких районов находили выход из положения в постоянных заработках на стороне²², остальные же «коренные» землеробы оставались из-за малоземелья в тяжелом положении. И лишь с расширением их землепользования (частично за счет отходников) могло бы слегка улучшиться их положение.

Сибирская община, где идеи и традиции уравнительности были не столь сильны, как в Европейской России, представляла большие возможности индивидуальным действиям, а следовательно, и возможность более легкого проникновения кооперации в крестьянскую среду. Недаром здесь быстро и успешно проявилась маслодельная кооперация.

Многое зависело от успешных действий или, наоборот, бездействия самой кооперации. Из одной деревни Титовской волости Нижне-Ломовского уезда Пензенской губ. 6 мая 1926 г. сообщали:

²⁰ Подробнее см.: Степанова О. В. Место и роль общины в истории крестьянства Российского крестьянского Черноземья // Тезисы докладов второй республиканской научной конференции «История Советской России: новые идеи, суждения». Тюмень, 1993. Ч. 1. С. 25—26.

²¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 61. Л. 155—156.

²² Разумеется, далеко не везде даже в ЦПР имелся побочный заработок (см., например, Данковская волость и уезд Ярославской губернии, РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 61. Л. 29).

«У нас даже кооперация получила ругательную поговорку, например: «Меня кооперация кругом опоясала» и не дает, значит, вернуться. Мы лично, например, состояли в кооперации членами 5 лет, и в 5 лет мы не получили пользы на 5 коп.»²³.

Другой случай. Письмо крестьянина В. А. Белова из дугоров Бяковских Селезневской волости Слободского уезда Вятской губ. от 23 ноября 1927 г.: «Теперь помощь можно получить только языком сколько хочешь да газетой, а пошел просить ... в кредитное товарищество, там ответ: «Мало ли что написано, а у нас нет разрешения». С тем и уходишь...»²⁴.

Разумеется, для 20-х годов приходится принимать во внимание широко развившийся бюрократизм кооперативного аппарата и, стало быть, отрыв его от кооперированных масс, вырождение самой кооперативной сущности этой организации, угасание кооперативного духа. Особенно примечателен отрывок из второго письма. Он выдержан в сугубо советском духе.

Конечно, важное значение имело и доброжелательное или, по крайней мере, не враждебное отношение местной администрации, содействие земства, местной интеллигенции (если таковая была), различных общественных организаций и т. д. Но главное, повторяю, — поддержка со стороны уже существовавших кооперативов. Вот почему приходится говорить не о **самовозникновении** кооперации в деревне, а о ее **проникновении** туда.

Многое зависело от энтузиастов кооперативной работы, их квалификации, навыкам и умению в избранной специализации. Так, возникновение первых молочных артелей в России связано с энтузиастом молочного дела Н. В. Верещагиным (брат известного художника). Прежде чем наладить артельное молочное производство в России, Верещагин и увлеченные его идеями соратники Бландов и Бирюлев изучали техническую сторону молочного производства в Германии, Англии, Франции, Голландии, Швейцарии, Дании, Швеции. В 1866 г. Верещагин организует первую общественную крестьянскую сыроварню в Тверской губ., а затем были запущены еще несколько. Работа первых сыроварных артелей показала острую необходимость их поддержки со стороны земств, общественных организаций, заинтересованных лиц сразу по нескольким параметрам. Прежде всего проявилась потребность в мастерах и организаторах сыроваренного дела, далее, конечно же, деньги и, наконец, третье — это материально-техническое обеспечение (сепараторы, цедилки, мыло, марля и пр.). И артелям оказали помощь земства, Вольное экономическое общество и др.²⁵.

²³ РГАЭ Ф 396 Оп. 4 Д. 27. Л. 328.

²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 30. Ч. 2. Л. 82—83 об.

²⁵ Подробнее об этом см.: Кишкин А. С. Николай Верещагин — отец молочной кооперации России // Кооперация: страницы истории. М., 1991. Вып. 1 С. 28—31.

Русские кооперативные деятели прекрасно понимали необходимость подготовки для кооперации квалифицированных организаторов и специалистов. До революции в этом направлении удачно зарекомендовали себя кооперативные курсы при московском народном университете им. А. Л. Шанявского, Там преподавали лучшие кооперативные силы: А. Е. Кулыжный, П. А. Садырин, С. Н. Прокопович, В. Н. Зельгейм, М. И. Туган-Барановский, А. В. Чайнов и др. А сразу после победы Февральской революции в Петрограде и Москве открылись кооперативные институты.

И все же главное зависело от властей, их отношения к кооперативным начинаниям. Возьмем элементарный случай. Исходным шагом образования кооперативов является явочный принцип организации, т. е. без предварительного на то разрешения властей. В годы т. н. перестройки советские историки с гордостью отмечали наличие этого принципа образования кооперативов в годы нэпа. Но этот принцип впервые был введен первым законом о кооперации принятом еще при Временном правительстве, в марте 1917 г. Да, он сохранялся в годы нэпа, но всемогущая бюрократическая машина нашла-таки способ торможения. Так, 17 апреля 1925 г. Сибирский революционный комитет сообщал в СНК РСФСР, что согласно законодательству возникающие первичные кооперативы обязаны регистрировать свои уставы в губземуправлениях. Однако громоздкость уставов делала их малопонятными для крестьян и не отвечала простейшим задачам первичного объединения, препятствуя тем самым кооперированию даже передового крестьянства. Огромные сибирские расстояния, малограмотность населения, крайне подозрительное отношение к многословным обязательствам, сложным «обрядностям» и пр. отпугивали крестьян. Время диктовало торопиться со всеми видами сельскохозяйственных работ, не оставляя возможности для преодоления бюрократических рогаток. Поэтому в Сибири насчитывалось единицами бычьи, случные, семенные, машинные и др. кооперативы, несмотря на осознание населением их большой полезности. Такая ситуация не только сдерживала рост соответствующих отраслей сельского хозяйства, но и парализовывала развитие сельскохозяйственного кредита, так как в состав кредитных товариществ не могли вступать объединения лиц, не имевших надлежаще утвержденных уставов, а посему и не признанными лицами юридическими.

Еще более сложной ситуация представлялась для сезонных артелей, созданных для временных целей: лесные для углежжения, смолокурные, дегтярные, сплавные и др.²⁶.

Известный русский экономист Н. П. Огановский ставил в свое время очень важный вопрос: «Может ли кооперация являться выразителем интересов народа, в частности, деревенская коопера-

²⁶ См. РГАЭ Ф. 478 Оп. 1. Д. 1834 Л. 159.

ция — крестьянских интересов?» И отвечал: «Нет, не может. И вот почему. В кооперацию входят не все крестьянство в целом, а только часть, притом более зажиточная. Правда, с течением времени, по мере развития кооперативного движения, в него все более и более вовлекаются массы рядового, среднего крестьянства.... Но, если, быть может, во многих местах теперь преобладает крестьянин-середняк, то до нижних слоев крестьянской массы — малоземельных и безлошадных — кооперация до сих пор не докатилась... А потому даже и теперь кооперация не может служить представителем всего крестьянского населения в его целом»²⁷.

Огановский был, безусловно, прав. Эти слова были опубликованы в 1917 г. Но они оказались справедливыми и десять лет спустя. И напрасно Советская власть вела классовую кооперативную политику, направленную на подъем беднейших слоев деревни. Кооперация им не была нужна, а деньги, предназначенные для втягивания бедноты в кооперацию, уходили как в песок.

Попутно следует заметить, что данное обстоятельство еще раз демонстрирует нам невозможность одновременного «старта» в кооперацию всех членов общины: и богатых, и средних, и бедных. Таким образом, община не могла, не разрушаясь, целиком трансформироваться ни в артель, ни в сбыто-снабженческие формы кооперации.

Однако, видимо, не стоит абсолютизировать это положение. Крестьянское сообщество в форме общины, особенно на рубеже XX в., не следует рассматривать изолированно, как некую абстракцию. Все большее количество связей (экономических, политических, культурных и иных) втягивало общину в общенациональную жизнь. С приближением революционных событий 1917 г. нарастала политизация деревни. Рождались, если можно так сказать, определенные зачатки и навыки политической культуры.

5. Выгодна ли кооперация фермеру?

Выступившая с докладом на международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» (Москва, июнь 1994 г.), Н. Л. Роголина о 20-х годах XX в. говорила: «Центральным, базовым противоречием российской деревни оставалось противоречие между уравнительными установками общинного крестьянства, ориентированного на моральную экономику и этику выживания и шагами новизны, связанными с механизмами частной собственности и хозяйственной свободы... Способы разрешения данного противоречия представители ведущих аграрных школ — организационно-производительной и либеральной — видели по-разному. Пер-

²⁷ Огановский Н. П. Аграрный вопрос и кооперация. М., 1917. С. 27.

вые в развитии кооперации как массового и приемлемого для общинного крестьянства, вторые — в создании фермерства, как точек экономического роста и трудовой напряженности»²⁸.

Вызывают сомнение два положения Н. Л. Роголиной. Во-первых, противопоставление «кооперация — фермер» надумано и неуместно. Фермеры (а в России это потенциальные хуторяне, ибо не каждый хуторянин фермер) в равной мере, если не в большей, заинтересованы в кооперации, особенно на первых порах своего хозяйствования. Общинники, выделившиеся на хутора, остро нуждались в финансовой поддержке, и они довольно быстро вступали в кооперативы. Процент их кооперированности повышался заметно. К тому же община уже не связывала их инициативу.

Что касается общинников, то община в целом не была заинтересована в кооперации. В ней нуждались лишь хозяйствующие элементы. Кстати, ведущий представитель организационно-производственного направления А. В. Чайнов как раз на это обращал внимание²⁹. Он показал, что социальной базой сельскохозяйственной кооперации являются прежде всего капиталистически развитые, товарные хозяйства. Бедняку в кооперации делать было нечего.

Во-вторых (и здесь мы несколько отходим от темы и вторгаемся в проблему путей эволюции сельского хозяйства), равным образом вызывает недоумение выделение, как якобы «базового противоречия», противоречие, грубо говоря, между общинной и частной собственностью на землю. Да, таковое было, но не всегда центральным и не везде. А как быть, например, с государственной собственностью на землю в Сибири, где таковая была преобладающей и вполне устраивала крестьян? А как быть с идеей общенародной собственности на землю, которую крестьяне активно выдвигали в 1917 г.?

Как показали последние исследования Н. Ф. Иванцовой, крестьяне Сибири вовсе не были сторонниками частной собственности (создается впечатление, что они были в вопросе о собственности индифферентны, ибо крестьян устраивало то, что было), напротив, многие поддерживали общенародную собственность (как трансформированную государственную). Проанализированный Иванцовой материал (в частности; анкеты делегатов крестьянского съезда Барнаульского уезда в 1917 г.) свидетельствуют о том, что идею общенародной собственности поддержали 77,1% делегатов, за общинную собственность высказалось 6,7%, за частную и госу-

²⁸ Роголина Н. Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 230—231.

²⁹ Чайнов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 96—98.

дарственную — 9,5%; 6,7% передали мнение своих избирателей о том, что земля должна быть коллективной³⁰.

За общенародную собственность на землю стояли не только крестьяне Сибири, но и большинство крестьян Центральной России. Как показал «Крестьянский наказ» (а затем это утвердил декрет «О земле») именно эта форма собственности была признана наиболее целесообразной.

Менее всего мне хотелось бы быть заподозренным в категоричности моих наблюдений и выводов. Россия велика и пестра. И крестьяне были разными. Тамбовский мужик рассуждал иначе, чем, скажем, вятский, и совсем не так, как сибирский. Последний же, кстати, вовсе даже и не считал себя русским мужиком (почитайте хотя бы Гарина-Михайловского). Своеобычен был казак (а их было 7 войск). Я уже не говорю о якутах, туркестанских дехканах и пр.

В свете сказанного как-то нелепой представляется сама мысль о модном ныне изучении «менталитета» российского крестьянина «вообще», о «бинарности» его сознания и прочих высоких материях. Особое недоумение вызывает вторжение в эту сферу (совершенно загадочную) иностранцев. Они так «насобачились» в понимании «менталитета» русского мужика, словно всю жизнь ходили в онучах, пили самогон и ели лаптем щи³¹.

Необозрим диапазон мнений, настроений. Величайшей ошибкой было бы все усреднять. Взять хотя бы вопрос о земле. Общеизвестно традиционное: крестьянин хотел земли. Но... Какой крестьянин? Вообще? Среднестатистический?

Конечно же, необходимо различать: сибирский крестьянин или переселенец в Сибирь, казак Дона и Кавказа или ниогородец тех же мест, орловский мужик или вологодский. И все вместе разве не хотели земли **вообще**? Какой же дурак откажется от земли? Вспомним рассказ Льва Толстого «Сколько человеку земли надо?». Жадность людская границ и меры не знает. Таким образом речь может идти о **разумной** мере желанья. Но можно ли провести грань между объективной потребностью и субъективным желанием? Желанием, которому нет предела!

В свою очередь, как определить количество объективно необходимой земли для каждого хозяйства? Очевидно, в качестве признака можно взять наиболее жизнестойкий для данной местности тип хозяйства и сделать расчеты наподобие расчетов А. В. Чайнова. (Оптимальные размеры хозяйства). Когда же есть возможность беспредельно расширять землю, тогда не возникает органической потребности к интенсификации хозяйства. Зачем? От доб-

³⁰ Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 г. Дисс. на соиск. уч. степени док. историч. наук. М., 1992. С. 121.

³¹ См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996.

ра добра не ищут. Правда, это одно из условий, но, видимо, главное.

Революция совершилась в огромной, дикой (но не нишей!), слабо коммуникабельной стране, чрезвычайно пестрой в географическом, этническом, экономическом, культурном и пр. отношениях. Стране, где одинаковое революционное сознание, большевистская идеология внедряла повсеместно, и в городе, и в деревне, и в метрополии, и в колониях. Дикие меры в дикой стране. Преодолеть дикость не просто. За 70 с лишним лет она обогатилась кочивчанством, самодовольством, невежеством.

*
*
*

В свое время я выступил в печати относительно возможных путей аграрного развития России в XX в.¹² Я отмечал, что кооперативная эволюция — один из возможных путей, в котором найдется место и фермеру. Но Россия велика и пестра, и ее нельзя ограничивать одним-двумя вариантами. Учесть возможности всех — дело безнадежное.

Все ожидали разумного, — случилась же революция.

6. Кооперированный и некооперированный крестьянин

Крестьянин-общинник зависел от общества во всем. И прежде всего его зависимость проявлялась в производстве. В обществе издавна был установлен порядок: начинать работать вместе и одновременно, т. е. пахать, возить навоз, сеять, косить, жать. В этом было не только следование устоявшимся обычаям и порядкам (что неоднократно отмечалось в литературе), но и практический смысл. Например, приходилось строго следить за соседом, чтобы он не выехал раньше косить свою полосу лугов, иначе будут «закосы». Или: не пришлось посеять хлеб во время, когда сеяли все, то и получится, что ко времени уборки урожая, твои посевы оказались недозревшими. Но общество это не касается, и оно приказывает убрать поле, поскольку оно уже предоставлялось под пастбище для скота. Поэтому спел или зелен твой хлеб, а убирай, иначе скот всего села его съест. Так что запаздывать нельзя, но и торопиться негоже, — если раньше уберешь свою полосу, то «побьют» убранный хлеб. Надо добавить наличие принудительного сенооборота. Да уже перечисленного достаточно, чтобы понять, насколько, не то, что трудно, а невозможно и даже бессмысленно, проявлять свою инициативу в чем-то, скажем, в попытках улучшения плодородия своих наделов.

¹² Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2; Он же. Без альтернатив // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. I.

Вот и остается крестьянин со своей вечной проблемой: череполосица, узкополосица, дальнотемелье. Узкополосица доходила до смешного: суженная до трехаршинной ширины, она даже не вмещала борону.

А вечные переделы! Говаривали: крестьянин не столько работает, сколько проводит время в дележках. Дележка покосов, дележка ярового клина, озимого. И не только земли. И все это со спорами, драками, тяжбами.

Хорошему, рачительному хозяину в таких условиях невозможно проявить инициативу по улучшению своего хозяйства; рано или поздно все его попытки в этом направлении увенчаются крахом. И вот он живет по принципу: «Живи как все, не высывайся».

В этих условиях вступать, допустим, в кооператив, — смелость. А что скажут люди? А как сосед? А как... Много еще всяких «как».

Я коснулся немного производственной сферы. А ведь еще есть общественное мнение, мораль, быт, семья, обычаи, которые тоже пропитаны общинными установлениями.

Да, община блюла своего члена в строгости и моральной чистоте. Она строго наказывала своего «порочного» отщепенца. Община могла перекроить твою судьбу, если считала, что есть необходимость ее серьезного вмешательства.

...Мужуку преклонных лет, одинокому, бесхозному сельское общество рекомендовало жениться на женщине, имевших восьмерых детей. И вот по этому поводу в харчевне у него состоялось такое объяснение:

«— Так это ты для ребят?»

— Сказывают так, что для ребят, а по мне хошь бы я не жениться; потому как я домою никогда не живал, мастерства никакого, окромя лаптей, не знаю; да вот на той неделе призывает меня помощник, «Беспрременно тебя, — говорит, — надо женить и водворить». Я было просить его зачал; нельзя ли, мол, ваше благороди, как-никак ослобонить? «Ну, нет; я, — говорит, — не могу; как мир». Кликнули на сходку. Сейчас говорит мне старшина: «Дается, — говорит, — Киндюшка, тебе земля, сколько-то там земли; ну и жениться тебе, — говорит, — надо: потому, — говорит, — что тебе так болтаться?» Я и у стариков-то отпрашиваться стал; нету, загалдели, загалдели, — женить! Ну, делать нечего. С миром-то нешто сговоришь?»³³

Не станем выяснять, чем обернулось мужицкое счастье, какое приобретенье получила женщина и как долго радовались дети-сиротки. (Опустим также без комментариев весьма примечательный обычай «водворения»). В данном случае я обращаю внимание на сам принцип, вернее — на его живучесть.

³³ Слепцов В. А. Ночлег // Слепцов В. А. Избранное. М., 1984. С. 259.

Данное происшествие случилось в 1863 г. Похожее наблюдаем и в 20-е годы XX в. На сей раз, используя право наказания «порочного» члена общества, «прикрепляют» девку к мужику. Случай описан И. Соколовым-Микитовым: «В Кочанах сосватали «спрокудившую» девку Проску... в соседнюю деревеньку Кручу. Отдают потому, что в этой семье единственный придурковатый сын: «Двор не станут ломать!»³⁴.

Хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Нас ни в коем случае не должно волновать: справедлив ли данный общинный обычай. Во-первых, ответить однозначно невозможно, каждый случай нес свой ответ. А, во-вторых, и это главное, в этом обычае своеобразной социальной защиты одних и наказания других просматривается все то же вечное стремление крестьян по своему пониманию справедливо решить тот или иной вопрос, а именно: восстановить нарушенный баланс семьи и хозяйства как ячейки общества. И в этом также усматривается принцип уравнительности (разумеется, не впрямую).

Община сформировала особый социально-психологический тип крестьянина с весьма стойкими традиционалистскими установками, переходящими из поколения в поколение. Мелочная опека мира культивировала безинициативность и иждивенчество, личная ответственность растворялась в коллективной. Л. В. Данилова и В. П. Данилов на Международной конференции, посвященной ментальности крестьянства (Москва, июнь 1994 г.) справедливо отметили: «Крестьянская ментальность — ментальность общинная. Она формировалась в рамках замкнутого локального сообщества — сельской соседской общины, выступавшей как социальный институт, регулировавший жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, как хранитель и транслятор производственного и социального опыта, всей системы ценностей крестьянских миров. На общине замыкались основные проявления жизнедеятельности крестьянина и его сознания, естественно, не могло быть иным, нежели групповым, общинным»³⁵.

Кооперация, вторгаясь в крестьянский мир, принципиально ничего не меняет. Но исподволь накапливает в крестьянине элементы нового. Поэтому появляется и разница между крестьянином кооперированным и некооперированным. Обычно историки, экономисты, публицисты не анализировали сути и значения происходивших в кооперированном крестьянине изменений и уж, тем более, не пытались осмыслить вероятные последствия этих перемен.

А между тем с кооперированным единоличником происходила определенная трансформация (разумеется, не на глазах, ибо про-

³⁴ Соколов-Микитов И. Избранное. М., 1970. С. 348.

³⁵ Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская община и ментальность // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 22.

цесс этот продолжительный). Кооперация, вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, постепенно и исподволь разрушала его натуральную замкнутость, втягивала в рыночные отношения, приближала к нему внешний мир.

Через кооперацию крестьянин уже зависит не только от общества, но и от рынка. И чем дальше, тем больше. Какие-то изменения претерпевала и личность самого крестьянина. Возникают новые интересы. Расширяются представления о взаимоотношениях людей. Богаче становится картина мира.

Кооперация стимулировала необходимость умения читать и считать, желание быть грамотным в экономике и агрономии и пр.

В свою очередь, освобождающийся от влияния общины, кооперированный крестьянин сам начинает оказывать воздействие на общество, внося в него нечто новое, приобретенное на кооперативной работе, например, деловую хватку. Однако всегда ли бывало так? Похоже, что я беру идеальный случай. Согласен.

В самом деле, даже будучи кооперированными, крестьяне в значительной своей части оставались пассивными, воздействие кооперации на них оказывалось незначительным. Кстати, В. И. Ленин прав, когда писал о предпочтительности активного, сознательного участия народа в кооперативных делах³⁶. (Только, разумеется не на основе выдвинутого им принципа поголовного кооперирования).

Все это так. Но в данном случае речь идет о принципиальной возможности влияния кооперации, которая не всегда обязательно превращается в реальность. Это другой вопрос. Тем не менее имеется достаточно много фактов, свидетельствующих о непосредственной заинтересованности крестьян в кооперации. Лишь только пассивное участие не дало бы такого мощного кооперативного движения, которое развернулось в России с начала XX в. Поэтому, несмотря ни на что, незаметно и постепенно под воздействием кооперации, община не укреплялась (и тем более не перерастала в кооперацию!), а разрушалась. Именно исподволь, а не резко и насильственно, как при столыпинской аграрной реформе.

Община и кооперация оказывали различное влияние на человека. Здесь, видимо, все построено на противоположностях: кооперация и община «тянули» крестьянина не однонаправленно, а в разные стороны.

Община держала человека в рамках старых представлений. Кооперация решительно рвала с ними. Она была заинтересована в новом человеке: инициативном, грамотном, рисковом, смело преодолевающим рутину и консерватизм. Общине, напротив, ближе был человек, вобравший и сохранивший обычаи, традиции, культуру предков, их жизненный опыт, ориентиры, ценности. «И деды

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371—372.

со вшой жили — худого не было». Вот реакция на нововведения и критику старого, устоявшегося быта, неприятие ее. Вот она — вечная загадка русской природы. (Иностранцы, изучающие ныне т. н. «менталитет» русского мужика, поставили для себя непосильную задачу)

Очевидно, неверно говорить о том, что община «вгоняла» крестьянина в темноту, но она держала его в ней, «консервировала» невежество; кооперация же вырывала крестьянина на свет божий

Но было нечто, объединявшее усилия: и община, и кооперация прививали любовь к труду, культурным ценностям (неодинакового порядка), духовной чистоте (романтизм и гуманистические идеалы русской кооперации всегда отличали ее от кооперации Запада, хотя, понятно, благородные цели и коммерция — вещи трудносовместимые, но возможные).

Тем не менее, именно многовековая община, а не кооперация формировала русский характер и его загадочность. И даже тогда, когда уже не было ни общины, ни кооперации. Общинные традиции оказались сильнее. Да это и понятно: классическая кооперация в России не просуществовала и сотни лет, в то время как община насчитывала свою многовековую историю.

Советский коллективизм, видимо, черпал свою силу в далеком прошлом, сам не отдавая в этом отчета.

Собственно, рудименты этого института дают повод публицистам, писателям, историкам вновь уповать на общину, надеяться на возрождение в русском человеке некоего общинного духа.

Кооперация, разрушая общину и натуральную замкнутость хозяйства, трансформировала в этом процессе и самого крестьянина в работника иного типа (путем постепенного отщепления одной за другой различных отраслей хозяйства, обобществления отдельных хозяйственных операций, предоставления свободы выбора вариантов выгоды, привития навыков коммерции и т. д.) Кооперация разрушала крестьянина как универсального сельскохозяйственного работника (сам пахал, сам сеял, сам собирал, сам продавал и т. д., словом — все сам). Тем самым стратегически она действовала в направлении раскрестьянивания (А. В. Чаянов, похоже, был неправ, когда надеялся с помощью кооперации сохранить традиционного крестьянина?). Но это была цивилизная и безболезненная форма раскрестьянивания.

И община, и кооперация являлись, можно сказать, постоянно сопутствующими факторами эволюционного воздействия на крестьянина. Однако, в XX в. он претерпел воздействие таких чрезвычайных факторов, которые определили по-новому всю его дальнейшую судьбу. И мы никоим образом не можем обойти этот сюжет.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ КООПЕРИРОВАНИЕ ВНУТРИ ОБЩИНЫ

1. Опыт производственного кооперирования в дореволюционной России

Общинные традиции коллективизма привязывались социалистически настроенными деятелями только к производительным формам — промышленным и сельскохозяйственным артелям. Однако последних до революции было немного. А те, что появлялись, оказывались не общинного происхождения. Их привносили в крестьянство со стороны народнического толка земские деятели типа Н. В. Левитского, Федорова. Крестьяне воспринимали такие артели как своеобразный «костыль» к своему пришедшему в упадок индивидуальному хозяйству. Поэтому такие артели были непрочны и распадались, как только крестьяне становились «на ноги».

Более живучими оказались артели на арендованной или купчей земле. Здесь возникали два типа хозяйств. 1) совместная аренда; 2) совместная аренда и совместная обработка арендованной земли.

Встречались, правда редко, артели, образованные на землях, выделенных из общины нескольким вышедшим членам. Такова, например, Кузнецовская артель в Нижегородской губернии (об этом ниже).

Особенно крепкими оказались артели сектантов и духоборов. Но опять же здесь обошлось без общины.

Все названные типы сельскохозяйственных артелей организационно не были связаны с кооперативной системой, организационное строительство которой в 1917 г. стало увенчиваться отраслевыми кооперативными центрами.

Земледельческие артели можно рассматривать как разновидность производительной кооперации. Это наиболее сложный, но часто и наиболее привлекательный вид кооперации. Кооперативное движение нередко зарождалось из идеи создания именно производительных форм кооперации, потому что они представлялись социалистическими по своему содержанию. Именно с ними были связаны надежды социалистов-утопистов и социалистически настроенных кооператоров. Однако производительные артели получили наименьшее распространение. Их строительство не было удачным, но оно дало известный опыт, который если не давал ответа на вопрос, как нужно организовывать земледельческие артели, то, во всяком случае, уже показывал, как не нужно этого делать.

В чем причина недолговечности артелей Левитского и других строителей конца XIX в.? Ответ искали дореволюционные кооператоры и экономисты. Исследователь земледельческих артелей В. Е. Зюрюкин объяснял их гибель народным невежеством и темнотой, экономической «маломочностью» крестьянства, его неподготовленностью к кооперативной работе, крайне тяжелым правовым положением, отсутствием кредитных организаций. Неблагоприятное влияние, по мнению Зюрюкина, оказали благотворительные ссуды, которые завлекали крестьян в артели не в целях совместного коллективного хозяйствования, а с намерением каким-либо способом обзавестись собственной лошадейкой и «вылезти в самостоятельные хозяева».

То, что артели организовывались не самими крестьянами, а пришлыми людьми, не вырастали изнутри собственной жизни деревни, быта и сознания крестьян, также обрекало их на гибель. «Совокупность этих причин, — заключал Зюрюкин, — создавала такую неблагоприятную для развития земледельческих товариществ и артелей атмосферу, при которой они, зарождаясь и появляясь там и сям на белый свет, нередко как самобытное явление, как продукт народного творчества, через год, два, три умирали»¹.

С. Л. Маслов придавал первенствующее значение следующему обстоятельству: переход к артели в крестьянском хозяйстве может вызываться только назревшей потребностью к интенсификации хозяйства. «Если такая потребность существует, — писал он, — и если она признана земледельцами, то имеется налицо главное условие для организации производственного товарищества. Для того, чтобы почувствовать нужду в производительной кооперации, земледелец должен признать недостатки своего мелкого, но привычного ему механизма одиночного производства сравнительно с крупно-кооперативным. Для этого он должен предварительно испытать в своем одиночном хозяйстве все доступные ему усовершенствования»². Такой потребности в 90-х годах, по мнению С. Л. Маслова, не было.

С. Н. Прокопович не видел в артелях ничего артельного. «Артель может организоваться только там и тогда, — писал он, — где по техническим условиям производства необходим коллективный труд. В псевдоартелях гг. Федорова и Левитского этой необходимости не было. Инициаторы артелей выдавали ссуды только на условия коллективной ответственности и ведения артельной запашки; ссуда была нужна крестьянам; ничего не поделаешь, приходилось им связывать себя круговой порукой и заводить артельные запашки. Артельная организация была ненужной, стеснитель-

¹ Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества России. Пг., 1918 С. 19—20.

² Маслов С. Л. Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственная кооперация. Пг., 1919 С. 63.

ной формой, под которую крестьяне вынуждены были делать очень нужный им заем средств на обзаведение рабочим инвентарем. Где артельная форма соответствует артельному содержанию, там попечители не нужны, артельщики сами соблюдают артельные условия. Напротив, в искусственных насаждениях гг. Федорова и Левитского попечители играли роль насадителей и охранителей артельных принципов, внешней силой, заменявшей внутреннее убеждение артельщиков»³.

Конечно же, Прокопович был прав. (Между прочим и после революции роль «насадителей» стало играть государство, недаром широкое хождение получил термин «насаждение» коммун и артелей — с тем же результатом). Прокопович был прав и применительно к нашей теме, по части критики вечного и главного принципа общины — круговой поруки, механически перенесенного в среду, по природе своей долженствующей быть кооперативной, в которой этому принципу не должно быть места.

Кстати говоря, и сами устроители были не на высоте. При всей своей доброжелательности они были весьма наивны, иногда — до чрезвычайности. В начале XX в. такие доброжелатели писали множество различных брошюр, в которых рекомендовалось устройство земледельческих артелей, с помощью которых они составляли крестьянам «как надо устраивать крестьянское хозяйство, чтобы не было нужды и голода». Так, один из них, известный сторонник общинно-артельного хозяйства А. Модестов, свои рекомендации завершал таким пассажем: «Дело, как видно, вершится очень просто: собрались крестьяне, поговорили, послушали, что говорят дельные люди, порешили, составили приговор и договор, подписали, засвидетельствовали подписи в волости — и баста, все кончено — начинайте, с Божьей помощью, доброе, могучее, разумное артельное дело»⁴.

Если бы все так было просто! Поэтому и неудивительно, что артели к концу XIX в. распространялись весьма слабо. Но, видимо, все же что-то было в них, иначе бы артели не возникали вновь и вновь на юге России, особенно в Полтавской и Черниговской губерниях, в Сибири, в казачьих областях⁵. И не только в России.

В начале XX в. производственная кооперация в земледелии была связана с коллективной арендой земли, возникшей как один из способов борьбы с малоземельем и получившей распространение также в Германии, Англии, Италии, Бельгии, Румынии.

Коллективная аренда земли сама по себе еще не является производственным объединением, но на ее основе появляется совмест-

³ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1918. С. 55.

⁴ Модестов А. Как надо устраивать крестьянское хозяйство, чтобы не было нужды и голода. М., 1913. С. 37.

⁵ Мятинский В. Земледельческие кооперативы // Известия. 1918. 3 мая.

ная обработка земли. Известно несколько таких артелей, образовавшихся в России. В селе Песочном (Полтавская губ.) на арендованной земле образовалась артель, где все полевые работы велись сообща по плану. Работа каждого члена считалась как наемная, учитывалось, сколько работал каждый и на какой работе. Расценка труда производилась по местным рыночным ценам. После продажи товариществом урожая и вычета необходимых расходов чистый доход распределялся между членами артели соответственно работе каждого: по числу рабочих дней и по зарплате⁶. Любопытно, что артель продолжала существовать и после октября 1917 г. О ее успехах рассказывалось на съезде волостных земельных комитетов Полтавского уезда 29 января 1918 г.⁷

Подобные артели возникли в селе Зазирках Черниговской губ. и в селах Воргол и Березовское Оренбургской губ., а также в селах Вятской, Пермской и др. губерний.

В это время возникают артели, образованные на купленной земле, и даже на надельной. Товарищество Дедовское приобрело при селе Доховичи Черниговской губ. 40,5 дес. земли. Она не была разделена и обрабатывалась совместно, причем участок был куплен вместе с инвентарем, который предназначался для нужд всего товарищества. 10 крестьян села Ломакينو Нижегородской губ. с 50 душевыми наделами при жеребьевке свели землю к единому участку и образовали товарищество для совместной обработки земли⁸. В Бессарабской губ. артель вела хозяйство на купленной и на надельной земле⁹.

В 1905—1906 гг. восставшие крестьяне образовывали в некоторых случаях артели на землях, отобранных у помещиков. Крестьяне Черниговского уезда заявили помещице Концевич, чтобы она уехала из имения. В 1906 г. по приговору всего села ее земли и имение перешли в общественное владение крестьян¹⁰.

С подавлением революционных выступлений, естественно, артель была разогнана.

Имелись случаи образования артелей на выселках. В 1910 г. в Нижегородской губ. из деревни Борцово выселилась группа крестьян в количестве 8 семей. Община выделила им дальние и самые худшие земли. «Отщепенцы» образовали поселок, завели общественную обработку земли. Хозяйство окрепло, продолжало существовать после 1917 г. Обследованием 1920 г. Кузнецовская

⁶ Зюрюкин В. Е. Указ. соч. С. 44—45.

⁷ Рубач М. А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине. Киев, 1956. С. 382. 393.

⁸ Зюрюкин В. Е. Указ. соч. С. 44—45.

⁹ Голос трудового крестьянства. 1918. 12 июня.

¹⁰ Там же.

артель была признана «самой сильной в губернии» и «служащей очень хорошим примером» окрестным крестьянам¹¹.

Для ранних коллективных хозяйств характерно разнообразие типов, отличавшихся уровнем обобществления средств производства, труда, многофункциональной направленностью. Информации о коллективных хозяйствах мало, поэтому трудно, скажем, с уверенностью заявить, какие из них чисто земледельческие. Есть основания полагать, что не все хозяйства, которые мы относим к земледельческим артелям, имели устойчивые элементы обобществления. Некоторые из них представляли собой не что иное, как кооперативное товарищество без признаков обобществления, носили потребительский характер, а производство являлось подсобным, занимая незначительный удельный вес.

Поэтому имеющуюся в литературе динамику развития земледельческих артелей будем принимать с известной долей допустимости. В 1901 г. земледельческих артелей насчитывалось 13, в 1903 — 28, в 1905 г. — 78¹². В 1916 г. насчитывалось 107 артелей, из них — 56 машинных товариществ, 47 земледельческих артелей и 2 арендных товарищества¹³ (2 — неизвестно).

Коллективные хозяйства возникали и на протяжении всего 1917 г. Возникшие до революции коллективные хозяйства можно отнести к разновидности кооперативного предприятия, ибо они были основаны на кооперативных началах, хотя и не были связаны с кооперативной системой. Коллективистское движение в земледелии и вообще в сельском хозяйстве зарождается в недрах капитализма и, следовательно, колхозы не являются изобретением большевиков.

Данный экскурс свидетельствует об отсутствии связи между общиной и артелью. Таким образом, несмотря на наличие известных элементов коллективизма, потенциально могущими якобы стать предпосылками образования производственных коллективов на основе общины, таковые не привели до революции к образованию артелей. И сколько бы не теоретизировали о возможностях трансформации общины в артель, практика не обнаружила заметной тенденции в этом направлении.

¹¹ Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии (1917—1927 гг.). Док-ты и мат-лы. Горький, 1980. С. 66, 73.

¹² Лихачев П. Земледельческие артели // Кооперативный мир. 1918 № 3—6.

¹³ Сапожников И. З. Об артелях в России // Вестник кустарной промышленности. 1916. № 3. С. 19.

О коллективных хозяйствах, возникших до 1917 г., в современной литературе см.: Кабанов В. В. Самые первые (О возникновении и численности сельскохозяйственных коммун и артелей в 1917 г.) // История СССР. 1984. № 2; Кондакова О. Н. Попытки организации народниками коллективных и индивидуальных хозяйств в деревне // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы Тезисы. М., 1994.

Правда, отдельные случаи показывают, что община вроде бы пока не препятствовала выделу в артель отдельным своим членам (что намного обострилось сразу после революции), но при этом поступала не лучшим образом, отводя им худшие земли. Следует заметить также, что в дальнейшем, в 20-е годы, тенденция к выделу из общины с целью образования сельскохозяйственных коллективов, как увидим из последующих разделов, получит распространение, особенно в Сибири.

Опыт организации артелей не вышел за пределы экспериментов и отдельных удачных попыток. Но не в этой плоскости вырисовывался путь аграрной эволюции России¹⁴.

2. Общественная обработки земли

Пропаганда общественной обработки земли как формы ведения совместного хозяйства объяснялась довольно простой ее организацией, с невысоким уровнем обобществления средств производства. (Следует различать эту форму организации хозяйства от общего понятия — общественная обработка, — означающего коллективное земледелие вообще). Некоторые местные органы Советской власти выносят даже решения об организации общественной обработки земли. В резолюции III Вятского губернского съезда Советов (22 ноября 1918 г.) было записано: «Переход уже с будущей весны к общественной обработке земли во всех деревнях и селах, где сельские сходы вынесут об этом постановление, и снабжение таких сел и деревень в первую очередь сельскохозяйственными машинами, отборными семенами, искусственными удобрениями и всем необходимым для усовершенствования хозяйства»¹⁵.

Работники Наркомзема приходят к выводу, что коммуна как форма коллективного хозяйства пока трудна для крестьян. Необходимо нечто более простое, например, общественная обработка, которая стала рассматриваться как переходная форма к более сложным¹⁶.

В телеграмме народного комиссара земледелия С. П. Середы Рязанскому уездному съезду земельных отделов (благодарность за приветствие) от 28 октября 1918 г. говорилось: «Проводите повсюду как переходную меру к коммунизму, общую обработку земли»¹⁷. Однако рязанцы в пылу усердия стали вводить общест-

¹⁴ Об этом см. Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в // Вопросы истории. 1993. № 2.

¹⁵ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Сб. док-ов М., 1954 С. 493.

¹⁶ Известия 1918. 4 окт.

¹⁷ Борьба за установление Советской власти в Рязанской губернии. Рязань. 1957. С. 238

венную запашку как обязательную для всего сельского общества¹⁸. Также поступили руководители Княгининского уезда Нижегородской губ., Елецкого уезда Орловской губ.¹⁹.

«Опыт» рязанцев обсуждался на I Всероссийском съезде земледелов, комбедов и коммун и был признан «аракчеевским» методом. На созданной съездом подкомиссии по общественной обработке земли (в секции коллективных хозяйств) обсуждался вопрос о выработке «Положения об общественной обработке земли». Таковой проект подготовили члены коллегии Наркомзема В. И. Кураев, А. К. Берзин и делегат от Воронежской губ., член Лиги аграрных реформ П. Н. Першин. По замыслу «Положение» не должно было жестко лимитировать организационное оформление общественной обработки, ибо невозможно было учесть, как справедливо полагали авторы, многообразия ее проявления. Задача заключалась лишь в том, чтобы «бросить идею и наметить в общих чертах организационные рамки». Кураев предлагал делегатам уделить внимание возникающим типам общественной обработки в зависимости от количества земли, поступающей под обработку, системе организации труда, характеру и уровню обобществления средств производства, принципам распределения и пр.²⁰

Важное значение имел исходный принципиальный момент: должно ли приступать к общественной обработке все сельское общество в целом или же такая обработка будет возможной и выделенной частью его. В итоге речь сводилась к вопросу о степени применения принуждения при переходе к общественной обработке. Кураев говорил, что совершенно отрицать принцип принудительности было бы нецелесообразно. При этом он ссылаясь на сообщения с мест, где производились опыты организации общественной обработки, и этот опыт свидетельствовал, как подчеркивал Кураев, о том, что «элемент принудительности не только целесообразен, но и необходим», поскольку приходилось преодолевать косность крестьян. Правда, крайности, названные «аракчеевскими», одобрения не получили²¹. Несмотря на то, что высказывались предложения за «декретирование общественных запашек»²², большинство получила поддержку та точка зрения, согласно которой к общественной обработке земли могло приступить по усмотрению и решению общества либо все общество, либо часть его.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 15. Л. 198—199. Важнейшие пункты инструкции о коллективной запашке, принятой Рязанским губерньским земельным съездом см. там же: Д. 11. Л. 98—100.

¹⁹ Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии. Сб. док-ов. Горький, 1980. С. 42; Гиппельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 390.

²⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 15. Л. 228.

²¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 15. Л. 228.

²² Там же. Д. 12. Л. 84.

Съезд принял «Положение об общественной обработке земли»²³. Соображения, высказывавшиеся на съезде относительно общественной обработки земли, были законодательно оформлены в третьем основополагающем законодательном акте периода аграрной революции — «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», утвержденном ВЦИК 14 февраля 1919 г. Там был раздел — «Об общественной обработке земли»²⁴.

Один из принципиальных вопросов, а именно: вопрос о добровольном или принудительном переходе общины к общественной обработке статьей 94 «Положения» трактовался следующим образом: «Общественная обработка земли производится целым обществом или отдельными группами членов общества путем совместного приложения труда и общего использования средств и орудий производства при запашке и засеивании земель, уборке урожая и т. д.».

Советские органы на местах взялись за организацию общественной обработки. Крестьянам, пожелавшим перейти к новой форме хозяйствования, предоставлялись различные льготы. Так, Ельнинский уездный землеметр (Смоленская губ.) 16 апреля 1919 г., рассмотрев порядок распределения посевного материала, постановил, что в первую очередь наделять семенами, наряду с нуждающимися коммунарами и артелями, и «граждан, приступивших к общественной обработке земли целыми обществами или отдельными группами членов общества»²⁵.

Конечно же, вновь не обошлось без перегибов. Кое-где общественная обработка вводилась декларативно. IV съезд Советов Очаковского уезда Пермской губ. по вопросу о реорганизации земледелия постановил: «Чтобы навсегда избавиться от пагубной чересполосицы, ввести всеобщую совместную запашку полей»²⁶. Решительно покончить с «чересполосными владениями» и активизировать «насаждение общественных запашек» призывал Мологский земельный отдел (Ярославская губ.)²⁷.

Однако энергичные действия земельных органов не встретили энтузиазма у крестьян. Известно совсем немного фактов перехода к общественной запашке всем обществом. Такие случаи наблюдались в Ладужском уезде Петроградской губ., Епифанском уезде Тульской губ., в Гомельской губ.²⁸. Единичный случай зафиксирован в Тамбовской губ. (село Алексеевка Козловского уезда)²⁹.

²³ Труды I Всероссийского съезда земельных отделов, комбедов и коммун. М., 1919. Вып. 1. С. 24.

²⁴ Аграрная политика Советской власти. С. 426—431.

²⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1016. Л. 72.

²⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 24. Д. 41. Л. 330.

²⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1015. Л. 71 об.

²⁸ Экономическая жизнь. 1920. 30 июля.

²⁹ Красный пахарь. 1920. 15 июля; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 22. Л. 126.

Практика порождала типы общественных запасок несколько иные, чем предусматривалось законом. Во-первых, общественная запашка возникала как временная производственная связь участников, например, лишь на один сезон. Во-вторых, практиковалось применение трудовой повинности. В-третьих, более распространенным оказались случаи перехода к общественной запашке лишь части общества. Наконец, в-четвертых, под общественную запашку пускались преимущественно пустующие земли. Так, на съезде земельных отделов Бологовского уезда (19 февраля 1919 г.) для совместной обработки рекомендации касались исключительно пустующих помещичьих земель³⁰.

В некоторых местах под общественную обработку пускалось земли совсем немного, как это было, например, в Знаницкой волости Тихвинского уезда Череповецкой губ. Здесь сельское общество, включавшее в свой состав несколько сел, постановило обрабатывать обществом по 1 дес. при каждом селе³¹.

На основании всех описанных случаев трудно делать категорические выводы. Слишком мало материала для характеристики таких форм хозяйствования. Неизвестна их судьба. Невозможно сказать даже, сколько времени они просуществовали.

Хотя попытки внедрения общественной запашки обнаруживаются и в 1920 г., и в последующие годы.

В своей записке в ЦК РКП(б) в марте 1920 г. Л. Д. Троцкий предлагал в качестве одной из мер, подходящих для применения в разоренных центральных губерниях «дополнить принудительную разверстку по сыпке хлеба принудительными мерами по запашке и вообще обработке земли»³².

Типичная мера для эпохи «военного коммунизма». Самое же любопытное из всей этой истории, так это то, что ни Троцкий, ни большевики в целом, не были оригинальными в этой затее.

На общинных землях еще со времен Екатерины II в обязательном порядке вводилась коллективная (общественная) запашка. На землях Собачеевского общества (Мордовия) в 1828 г., например, была введена общественная запашка, доходы с которой употреблялись на обеспечение продовольствием крестьян в неурожайные годы, устройство больниц, школ. Общественная запашка занимала приблизительно 2,8% земли от общей площади, которой располагала община. Однако общественные запашки не пользовались популярностью среди крестьян. Как правило эти работы вызывали у крестьян недовольство. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что нередко доход с участка шел по усмотрению местных чиновников не на крестьянские нужды.

³⁰ РГАЭ. Ф. 478 Оп. 6. Д. 1015. Л. 308.

³¹ Беднота. 1919. 4 июля.

³² Троцкий Л. Сочинения М.; Л., 1926 Т. 17. Ч. 2. С. 543—544.

В 60-е годы XIX в. продолжала существовать земская общественная запашка, урожай с которой ссыпался в общественные амбары, а доход от излишков использовался на содержание земских больниц, школ. По норме, установленной в Алаторском уезде под общественную запашку должно было выделяться по 0,07 дес. земли в каждом поле на одну ревизскую душу. В действительности же крестьяне выделяли земли меньше и неохотно. Так, в том же Сабачееве под общественной запашкой вместо положенных 32,7 дес. в озимом и яровом полях, всего было отведено 23,3 дес., т. е. по 0,05 дес. на ревизскую душу. В последующие годы сокращения продолжались³³.

После революции общественная запашка не получила повсеместного и стабильного распространения. Но как-то исподволь она уже вошла в арсенал общинных трудовых традиций, и там и тогда, когда крестьянин в ней был заинтересован, она проявлялась более активно.

Что изменилось в этом плане после перехода к нэпу? В целом можно сказать, что общественные запашки не получили значительного развития и в 20-е годы. Земельный кодекс 1922 г. предоставлял крестьянам право образования участков общественной обработки, которые служили бы дополнением к единоличным хозяйствам. Община обязывалась произвести для этого выдел участка к одному месту и сохранять его при переделах в прежних размерах³⁴. Как показал В. П. Данилов, удельный вес участков общественной обработки земли «первоначально не был велик». Они заводились главным образом для производства продукции, имеющей какое-то целевое назначение (покупка для общества машины, оплата кредита и т. д.). Из этого факта Данилов делал вывод, что «без этой возможности было бы сильно затруднено возникновение семеноводческих, машинных, мелиоративных товариществ и их перерастание в социалистические, коллективные хозяйства»³⁵.

Далеко идущий вывод. Он связывает общину с кооперацией и далее — с колхозами. Главное в триаде община — кооперация — колхоз первая связка. Данилов делает ее очень осторожно, не напрямую: общественная запашка — всего лишь как условие, как возможность возникновения машинных и прочих товариществ.

Однако развить это положение, подтвердить или опровергнуть его пока не представляется возможным из-за отсутствия фактического материала.

³³ Маринкин О. Исторический очерк с. Сабачеево Атяшевского района республики Мордовия. Саранск, 1994. С. 39; Еферица Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX века — 30-е годы XX века). Дисс. на соиск. уч. степенн канд. историч. наук. Саранск, 1995.

³⁴ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954 (далее — СДЗЗ). С. 166—167.

³⁵ Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 120.

Что касается идеи «перерастания» низших форм в высшие, то она, конечно, имела место, в какой-то мере реализовывалась, но часто это делалось искусственно: либо директивным порядком, либо приманиванием крестьян в колхоз более лучшим снабжением товарами, нежели в кооперации..

В 20-е годы имели даже место случаи перехода всем обществом в артель. Так, в дер. Смыгаловка Александровской волости Раненбургского уезда Рязанской губ. в августе 1927 г. крестьяне собирались несколько раз, чтобы обсудить возможность организации земледельческой артели. С разъяснениями выступал специально присланный в деревню «товарищ». В результате, «несмотря на протест со стороны ... 2—3 глотов, граждане общества безо всяких колебаний вынесли постановление организовать артель»³⁶.

Хочу обратить внимание на очень важное обстоятельство. Обсуждение проходило с участием присланного организатора, который, видимо, агитируя за колхоз, не скупился на обещания, вселял в крестьянах уверенность в том, что государство им поможет. Поверив и осмелев, крестьяне запросили Алневское кредитное товарищество выдать им в рассрочку трактор, волисполком — отпустить им две сеялки и две жнейки, а также фосфорит для удобрения полей. Кроме того крестьяне постановили «просить правительство о помощи, т. к. подобная организация есть поднятие сельского хозяйства, укрепление обороны СССР и единственный путь к коммунизму»³⁷.

Была ли оказана вновь испеченной артели какая-либо поддержка, сказать трудно. Но вне всякого сомнения, крестьяне вряд ли бы пошли на организацию артели, практически единодушно, если бы им не была дана столь солидная посула. Пока шел 1927 г. При организации колхозов «объективной надобности» в применении насилия еще не было — срабатывал обман. И, видимо, подобных случаев было немало.

3. Товарищества по совместной обработке земли

При несогласии большинства членов общества перейти к общественной обработке земли общество обязано было выделить землю меньшинству, выразившему такое желание, в одном месте.

Государство старалось поддержать общественную запарку. В октябре 1918 г. Наркомзем подготавливает проект декрета «Об образовании специального фонда по развитию сельского хозяйства», который был утвержден Совнаркомом 2 ноября³⁸. Согласно декрету «в целях улучшения и развития сельского хозяйства и ско-

³⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1. Л. 71.

³⁷ Там же.

³⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 88; *Аграрная политика Советской власти. Док-ты и мат-лы.* М. 1964. С. 415—416.

рейшего переустройства его на социалистических началах» образовывался специальный фонд в размере 1 млрд. руб. Декрет расширял круг возможных пользователей нового денежного фонда, по сравнению с прежними правилами кредитования. Если по правилам кредитования от 24 августа 1918 г. ссуды выдавались исключительно коммуна, то по новому декрету пособия и ссуды могли выдаваться: «а) сельскохозяйственным коммуна и трудовым товариществам, б) сельским обществам или группам при условии перехода их от единоличной к общей обработке и уборке полей». Тем самым декрет стимулировал развитие коллективного земледелия, не стесняя в то же время его какими-то конкретными формами³⁹.

С этой же целью проводились (наряду с обслуживанием совхозов, коммун, артелей) первоочередные землеустроительные работы. Однако масштабы их оказались невелики. На 1 сентября 1919 г. государственным землеустройством по отводу земли под общественную обработку значилось всего 35 дел на площади 1065 дес. по 32 губерниям Европейской России. Для сравнения укажу, что в пределах тех же губерний значилось 2223 дела по совхозам на площади 835.593 дес., 1286 дел по коммуна на площади 201.423 дес., 1644 дела по артелям на площади 186.341 дес.⁴⁰.

Примерно такие же пропорции были и по отдельным губерниям. Так, в Симбирской губ. план землеустроительных работ на 1919 г. в числе первоочередных 167 дел предусматривал 57 дел по отводу земли совхозам, 23 — коммуна, 5 — артелям и лишь 1 — для общественной запашки⁴¹.

В 1920 г. Центроколхозом было зарегистрировано лишь 90 объединений по общественной обработке земли⁴². Таким образом, переход сельских обществ к общественной обработке земли широкого распространения не получил. Вопреки надеждам наркомземовских работников общественная обработка не смогла разрушить общину.

При переходе части общества к общественной обработке земли возникала возможность образования, как это и предусматривало «Положение» (ст. 97, примечание 1), артели или товарищества по совместной обработке земли. Переход к ним получил более широкое распространение (несколько сотен в 1920 г.). Известны даже случаи перехода к товариществу или артели всем обществом. 14 августа 1918 г. в Орловской губ. была зарегистрирована 1-я Чернавская трудовая артель, объединившая всех граждан Никольского общества Чернавской волости Елецкого уезда. 18 февраля 1919 г. сход домохозяев деревни Банниково Доскинской во-

³⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1696. Л. 1—2.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1696. Л. 1—2.

⁴¹ Там же. Оп. 5. Д. 275. Л. 45.

⁴² Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 4085. Оп. 9 а. Д. 26. Л. 135.

лости Павловского уезда Нижегородской губ. единогласно высказался против единоличного владения, за организацию товарищества⁴³. В Борцово (Нижегородская губ.) вошло все Поддунинское общество, состоящее из 64 семейств⁴⁴.

Делалось это и в корыстных целях: не порывая с наделными участками, крестьяне записывались в артель, дабы иметь землю и там, хотя и в общем пользовании и с общей обработкой (Мосальский уезд, Калужская губ.; Подольский уезд, Московская губ.)⁴⁵.

Нет смысла считать все эти образования, возникавшие и позднее в 20-е годы. Ну стало больше. И что? О чем-нибудь это говорило?

Во-первых, очевидно, о том, что товарищества, как, впрочем, и иные коллективные формы, возникали благодаря аграрной политике государства, поощрявшей всякого рода коллективы в земледелии (реальная поддержка, либо посулы).

Во-вторых, эти коллективы рождались по инициативе энтузиастов, активных сторонников власти, и части бедноты, которой, собственно, некуда было деваться.

В-третьих, товарищества не были, да и не могли быть, направлением хозяйствования для основной массы крестьян. Для чего? Благополучного крестьянина устраивало то, что он имел, и то, как он работал. Да, конечно, хотелось бы лучшего, но в рамках совершенствования своего единоличного хозяйства.

Исключение, видимо, составляют случаи, когда, как уже упоминалось, крестьянам было выгодно объединиться на какое-то время с целью получения дополнительного дохода от выращивания культур, пользовавшихся повышенным спросом (сортовые семена, например).

4. Выделиться, — чтобы объединиться

От отношения общины к коллективам зависело образование последних. Идея выдела из общины с целью образования коллектива из группы общинников вольно или невольно сопутствовало разрушению общины. Не напрямую, конечно. Здесь вроде бы все должно было обстоять иначе, чем при столыпинской реформе. И чем массовее будут добровольные образования, тем интенсивнее пойдет разрушение общины. Но добровольность обернулась прак-

⁴³ Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг. Сб. документов. Орел, 1957 С 234, Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии 1917—1927. Док-ты и мат-лы Горький, 1980. С 37—38.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5 Д 8. Л 67 об.

⁴⁵ Аграрная политика Советской власти С 341; РГАЭ. Ф 1562. Оп. 9 Д 58 Л 224

гикой «насаждения» коммун. Правда, в 1917—1920 гг. она не приняла широких масштабов.

Согласно закону общество должно было выделить в отдельный отвод землю тем своим членам, которые желали объединиться в коммуны или артели. От своевременного выделения им земли, от отношения общества к выделившимся членам зависела жизнеспособность коллективов. Известно, однако, что как раз с землеустройством коллективов, враждебного отношения к ним крестьянства, которое не хотело выделять землю коллективам, дело обстояло неважно. Так, коммуна, образовавшаяся в апреле 1918 г. в селе Цепочкино Уржумского уезда Вятской губ. просила выделить землю, по возможности, в одном месте, соглашаясь даже на худшую, но население не хотело об этом и слышать⁴⁶.

Из воспоминаний организатора колхозов на Алтае А. М. Торопова узнаем, как проходило на сельском сходе обсуждение вопроса об отводе земли, образовавшейся в 1920 г. коммуне: «На очередном сельском сходе коммунары обратились с заявлением об отводе им угодий. И тут закипел бой! Один из подкулачников... хрипло вскрикнул:

— Общество не дает согласу на выдел земли откольникам!

— Наша воля! Не может коммуна стоять супротив общества! — вторил ему дружок.

Заорали и другие подкулачники:

— Где такие права, чтобы с обществом идти на раздерягу?

— Землю на отруб не дадим! И вся тут! Баста!»⁴⁷.

На I Всероссийском съезде земледельческих коммун и артелей (декабрь 1919 г.) делегат от Рязанской губ. сообщал, что в 1918 г. многим коммунам и артелям земли отведено не было, а у некоторых ее не было и весной 1919 г.⁴⁸.

Обследование колхозов 1919 г. зафиксировало, что в Симбирской губ. земля еще не была отведена 4 из 17 коммун, 9 из 19 артелей⁴⁹. Из 99 коллективов Ярославской губ. с неотмежеванной землей было 55%, причем в Ярославском уезде из 40 колхозов с неотмежеванной землей было 80%⁵⁰. О серьезных трудностях в связи с задержкой в отводе земли колхозам сообщалось в 1920 г. из Вятской, Северо-Двинской, Курской, Симбирской, Тамбовской и др. губерний⁵¹.

Масштабы конфликтов по этому поводу были значительны, ибо Наркомзем постоянно получал сведения о том, что сельские обще-

⁴⁶ Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. док.-ов. Киров, 1957 С. 495—496

⁴⁷ Первая борозда. М. 1981 С. 59.

⁴⁸ Красный архив. 1939. № 5. С. 29.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 11 Л. 265—266

⁵⁰ Там же. Ф. 478. Оп. 5. Д. 523. Л. 1—198

⁵¹ Там же Оп. 1 Д. 460 Л. 60, 177 об., 198 204, 218 и др.

ства препятствуют выделу земли группам членов общества, пожелавшим перейти к коллективному землепользованию⁵². Письменные заявления с мест подтверждали и опрос посетителей Наркомзема⁵³.

Выдел из общины затруднялся тем обстоятельством, что общинники во время революции как бы брали реванш за разрушение общины в годы столыпинской реформы. Годами накапливавшиеся обиды на столыпинских удачливых хуторян (да и постоянная деревенская зависть и враждебность любому благополучию ближнего) выплеснулись на «обидчиков». Их громили, жгли, заставляли, порой насильно, вернуться в общину. Торжествовала вроде бы нехитрая премудрость бытия: живи как все, «не высывайся». Да и куда ты денешься без общества, дуралей? Община и поможет в случае беды, и защитит; как-никак, а и самого захудалого в обиду не даст. А посему иной просто боялся выйти из общины, какие бы блага ему не сулили. В отчете Мосальского уездного земотдела Калужской губ. (ноябрь 1918 г.), в частности, говорилось, что беднота не идет в коллективы, между прочим, и «боясь порвать с общиной»⁵⁴.

Нерудно заметить, однако, что предельно простая формула «живи как все» выражает в сущности-то извечную философию общинной жизни — уравнительность. Точнее — это одна из ипостасей уравнительности⁵⁵.

Естественно, в этих условиях опять поднимать вопрос о выделе, хотя бы и в товарищество, было и неразумно, и даже опасно. Правда, скоро настроения в некоторых местах будут меняться. В Смоленской, Гомельской, Витебской и др. губерниях крестьяне уже в 1918—1919 гг. проявят настойчивое желание выйти на хутор. И, поскольку власти не проявят сочувствия им, то люди пойдут на хитрость и будут выделяться с целью образования, якобы коммун⁵⁶.

Выдел земли из общины во многом зависел также от того, что земля нередко предназначалась для лиц пришедших; правда, имела ввиду бывшая помещичья земля, а не надельная крестьянская, но все равно крестьяне землю «своего» помещика считали своей или почти своей. И уж, во всяком случае, на претендентов даже части такой земли смотрели враждебно.

⁵² РГАЭ. Ф. 478 Оп. 4. Д. 60. Л. 7.

⁵³ Там же. Л. 11—20 об.

⁵⁴ Аграрная политика Советской власти С. 340.

⁵⁵ В. П. Булдаков в факте выступления крестьян против хуторян и отрубников усматривает, помимо всего прочего, и «реанимацию уравнительных инстинктов». (См. Булдаков В. П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация. История одной страны? М., 1993. С. 22.

⁵⁶ Подробнее см. Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988 С. 75

Конечно же, многое зависело и от поворотливости чиновников советских учреждений. Наркомзем неоднократно разъяснял местным земельным органам, чтобы они при отводе земли коллективам неукоснительно соблюдали ст. 97 «Положения» о социалистическом землеустройстве и инструкцию по его применению от 11 марта 1919 г.⁵⁷

По расчетам И. А. Конюкова в 1920 г. коллективов с неотъемлемой от крестьянского общества землей насчитывалось: коммун 35%, артелей 44%, товариществ 45%, всего — примерно 42%, т. е. чуть ли не половина всех существовавших тогда колхозов⁵⁸.

С переходом к нэпу тенденция к выделу из общины усилилась. Местные архивы хранят тысячи дел о восстановлении и выделе новых хуторских участков, о разверстании на хутора земель целых обществ.

Однако выделиться из общества было не всегда просто. Мешало само общество. Крестьянин П. Ерастов из деревни Куприяново Лихурговской волости Буйского уезда Костромской губ. 16 октября 1924 г. сообщал в «Крестьянскую газету» о следующем факте. «Гражданину Смирнову, — писал он, — невтерпеж стало переносить общественные неурядки — частые потравы скотом посевов от неисправной изгороди у нерадивых хозяев, от распушенности скота, уничтожение лугов свиньями, голодовка скота на подножном корму от неустройства выгона по беспечности общества, бесполезные потери рабочих дней на частые собрания общества, захват одним у другого заготовленных дров и лесных материалов и много других недостатков от общинного землепользования, препровождающих гражданам к улучшенной культуре, и вот он решил выделиться из среды общества на хутор с целью завести высококультурное хозяйство и избавиться от общественных пут, но сельское общество встретило заявление Смирнова враждебно и выдел на обособленный участок не разрешило»⁵⁹.

Ограничивали выход из общества и центральные власти. Неоднократные разъяснения Наркомзема (август 1918 г., март 1919 г., май 1921 г.) в связи с запросами земотделов и отдельных граждан о возможности разбивки земли на хутора и отруба показывают, что наркомат относился к этим формам землепользования как к явлению нежелательному⁶⁰. Об этом же свидетельствует и циркулярный запрос Наркомзема от 14 октября 1920 г. о мерах борьбы губземотделов с выходами на хутора⁶¹.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 60. Л. 7.

⁵⁸ Конюков И. А. Коллективное земледелие. Из итогов четырехлетнего опыта. М., 1923 С. 32, 90.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 18. Л. 366—367.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 724. Л. 38, Д. 1119. Л. 57—58; Д. 1821. Л. 43.

⁶¹ Там же. Д. 2010. Л. 1. Подробнее см.: Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма».

В 20-е годы ограничение хуторского и отрубного землепользования осуществлялось преимущественно мерами экономического порядка. Закон 1928 г. подтверждал право свободного выбора форм землепользования. Однако землеустройство хуторов и отрубов должно было производиться в последнюю очередь. Выделение зажиточных хозяйств прекращалось повсе⁶². С 1929 г. по директиве Наркомзема единоличное участковое землеустройство было прекращено совершенно, и на протяжении 1930-х годов происходила ликвидация ранее созданных хуторов и отрубов. Окончательная точка в этом вопросе была поставлена постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от расхищения», согласно которому ликвидировались приусадебные хуторские участки колхозников и единоличников⁶³.

5. Предельно малые и временные формы трудового объединения внутри общины

При переходе к нэпу не увеличилось шансов для появления на основе общины сравнительно больших земледельческих коллективов: артелей и товариществ. Но до сих пор мы не обращали внимания на предельно малые формы временного обобществления средств производства и труда.

В общине всегда имелись маломощные хозяйства, а также категории людей, неспособных к земледельческому труду (бобыли, бобыльки, одиночки преклонного возраста, больные, инвалиды и пр.). На помощь им приходила традиционная крестьянская взаимопомощь, когда общество брало на себя обязательства оказывать подмогу безлошадным хозяйствам, хозяйствам без работников, инвентаря и т. д. С этой целью организовывались помочи, толоки, когда всем миром или частью его работали на нуждающихся.

Маломощные хозяйства могли также временно объединять свои средства и усилия, создавая супряги, соседские артели и пр.

Супряги объединяли на сезон 2—5 малонинвентарных и малолошадных дворов и были преимущественно трудовыми. Хотя случалось, что супряги носили кабальный характер. Это бывало, когда объединялись хозяйства, имевшие орудия производства и хозяйства, не имевшие таковых и располагавшие только рабочей силой. До революции супряги получили наибольшее распространение в Поволжье, в заволжских уездах (Николаевский, Новоузенский).

⁶² Собрание Законов и Постановлений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (Далее — СЗ) 1928. № 69 Ст. 642.

⁶³ СДЗЗ С. 658.

Супруги создавались на один сезон и на определенные виды работ. Такие объединения не имели динамического развития, т. е., если, к примеру, в селе возникали одна-две супруги, то это не значит, что на следующий год их становилось больше, а затем еще больше, и что на этой основе возможны были какие-то более крупные и прочные объединения.

Да, выгода, конечно, была, но на супругу шли не от осознания выгоды объединения, а от нужды, т. е. отсутствия, того или иного инвентаря, нехватки рабочих рук или рабочего скота. При недостатке всего крестьянин предпочитал работать единолично, используя труд своей семьи либо наемных работников.

Другой тип объединения, близкий к супруге, — **соседская артель**. Она отличалась от супруги тем, что крестьянские хозяйства (2—3), обычно находящиеся в хороших отношениях, соседи, сообща приобретали для совместного пользования инвентарь либо рабочий скот. Это обстоятельство предопределяло и более продолжительное, нежели в супруге, в течение многих сезонов, сотрудничество. Такие объединения возникали, например, в Поволжье⁶⁴.

Совместный артельный труд практиковался и на таких, обычно объемных работах, где **выгода** объединения усилий, хотя бы и временная, была очевидной. Такие объединения можно бы назвать **временными или сезонными артелями**. Последние были характерны для отходнических промыслов (например, в строительстве).

Обычно создавались артели, в которые крестьяне приходили со своими лошадьми и телегами и работали на покосах в арендуемых угодьях или вывозили снопы и сено с общих угодий, а плату делили по числу выставленных каждым лошадей и по количеству проработанных дней.

Совместные земледельческие работы производились артельно на землях, снятых обществом в аренду (у владельца или соседнего общества).

Была известна также, возникшие в конце XIX — начале XX в. артельная молотба хлеба: объединялись 2—3 семьи и по очереди молотили друг у друга. Это больше походило на супругу. Много общего у названных артелей было и с помочами.

Традиционной формой крестьянской взаимопомощи были **помочи**. Артельная работа здесь выглядела более броской, но не долгой. Общество по решению схода определяло нужное число работников (по жребию, очередности, добровольности и т. д.) с целью оказания производственной помощи кому-либо. Чаще это были малоимущие хозяйства. Вполне определенным был и вид работы. При необходимости выделялись также инвентарь, лошади и пр. Общество могло при желании заплатить этим работникам

⁶⁴ Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919 гг.) Саратов, 1974. С. 226.

из общественного капитала, но чаще работающие за их труд в дни работы угощались обедом и водкой или самогоном. Эта традиция прочно вошла в нашу жизнь до сего дня, с ней знаком практически каждый не только сельский, но и городской житель. Исстари наибольшее распространение помочи получили в земледельческих, строительных и домашних хозяйственных делах.

В исторических документах остались многочисленные свидетельства о крестьянских помочах в разных русских регионах. Их принципы и механизм действия хорошо изучены исторической и этнографической науками, особенно на материалах XIX в.

Самыми распространенными видами помочей были (почти повсеместно) работы при пахоте, бороновании, вывозке навоза на поля, сенокосение, жатве, в льноводческих районах — при выращивании и обработке льна, в таежных районах — при сборе дикого хмеля и кедрового ореха, в новых осваиваемых районах — при расчистке лесов, разработке целины и залежей. Помочи при строительных работах устраивались для вывоза леса и других строительных материалов, для постройки изб, для перевозки срубов на новые места.

Принцип работы на помочах мог отличаться в пределах волости и отдельных деревень. Устраиваемые жителями одного селения они чаще являлись помощью и одновременно взаимными отработками («за долг друг другу»). Зажиточными крестьянами они устраивались на другом основании: работа за взятые в долг хлеб, молоко или деньги. Помочи у разных должностных лиц, у церковного притча включали обычно полный цикл сельскохозяйственных работ — от обработки земли и сева до жатвы, молотбы. Тем самым они напоминали отработки на барщине.

Помочи, как правило, происходили в воскресные дни или в праздники, когда люди были свободны от своих дел. На них приходили мужчины и женщины, молодые и старые, родственники и соседи. На отдельные помочи собиралось до 70—100 человек⁶⁵. В сущности такие помочи уже напоминали скорей **толоку**.

Еще боле скоротечно, но в то же время еще более массово проходила **толока**⁶⁶ или работа «всем миром», т. е. всем обществом. Она напоминала наши недавние субботники. (Вернее — субботники напоминали толоку). Людей работало много, работа со-

⁶⁵ Подробнее см.: Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Обычаи помочей у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советский этнограф. 1981. № 4. 5; Власова И. В. Традиции русской сельской общины в организации хозяйства современной деревни // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 3.

⁶⁶ Слово «толока» употреблялось раньше и в других значениях: 1) Вытопанное место; толочные земли — заброшенные, захоженные, вытопанные скотом или людьми; 2) Толчая, давка; 3) День окончания работ, связанных с вывозом навоза в поле; он приходится на 23 июня (и. с.).

проводилась шутками, смехом, приподнятое настроение не покидало работников. Толоки устраивали, например, с целью построить в кратчайший срок — 1—2 дня — дом для молодоженов или погорельцев.

Помочи и толока сохраняли и впитывали в кровь с измательства лучшие общинные традиции, чем всегда отличался наш народ: готовность прийти на помощь, бескорыстие, забота о ближнем, коллективизм.

Крестьянская трудовая взаимопомощь (в различных ее проявлениях) высоко оценивается в литературе. Именно в ней усматриваются важнейшие черты общинного коллективизма (после факта совместного пользования землей), возможность ее трансформации в более сложные и развитые формы, близкие к кооперации. Но при этом забывается одна существенная особенность. В трудовой взаимопомощи наряду с чувством товарищества всегда соседствует железная необходимость: связанные круговой порукой, члены общества отвечали за неплатежеспособного общинника и должны были либо платить за него, либо помочь ему так, чтобы он смог сам заплатить налоги и иные сборы и натуральные повинности.

Я отдаю себе отчет в том, что намеченная мною классификация работ с применением совместного труда довольно условна. Так, некоторые исследователи относят общественные запашки к обычаю работать «всем миром». Я думаю нет смысла спорить к какой разновидности общественных работ ее отнести: толока ли это, разновидность помочей, или, наконец, нечто, имевшее самостоятельное значение. Важно другое. Так, И. В. Власова считает, что некоторые хозяйственные работы, осуществлявшиеся всеми сообща («всем миром», «общественная запашка») стали исчезать к концу XIX в.⁶⁷ Вероятно это так, ибо я уважаю мнение специалиста. Но вот что любопытно. Общественная запашка возрождается после революции 1917 г., вначале, правда, с активной помощью государства, а в 20-е годы у крестьян появляется и реальный интерес к такому виду работ.

Среди разнообразных форм объединения встречаются хутора-общины. Их члены были связаны коллективным владением выпасами, водоемами, некоторыми видами инвентаря. В уставе хутора-общины «Красный луч» Новоторжского уезда Тверской губ. указывалось, что объединение образуется на следующих началах: на отведенной ему территории организуется многопольное хозяйство; обработка полей, хотя производится самостоятельно каждой семьей, имея, однако перспективу перейти к общественной запашке; каждая семья имеет не более одной полосы в каждом поле; все

⁶⁷ Власова И. В. Традиции русской сельской общины в организации хозяйства современной деревни // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 3. С. 38.

хозяйства имеют общий сад, огород и выгон; скот содержится в отдельных дворах, но высказывалось пожелание найти средства для постройки общего двора; хутор-община строит одно общее гумно, машинный сарай, покупает и сообща пользуется молотилками, веялками и прочими сельскохозяйственными машинами. Впоследствии члены этого хутора-общины перешли к общественной обработке полей и приняли устав артели⁶⁸.

Перед нами, очевидно, случай выдела из общины группы хозяйств, пожелавшей в дальнейшем жить не разобщенно (по хуторам), а поселком, «единым хутором», своеобразной мини-общиной (отсюда и двойное название, вобравшее в себя и идею выдела и идею сохранения в этом выделе единства). Но это уже образование не на подобие прежней общины, — здесь несомненны элементы обобществления более высокого порядка, что, собственно, и поспособствовало переходу хутора-общины на устав артели.

Вопрос об отношении к хутору-общине обсуждался на Тверском губернском съезде заведующих земельными отделами 7—8 ноября 1919 г. Наряду со сторонниками хутора-общины, считавшими эту форму «преддверием коммуны», выявилось и немало противников, полагавших, что эта форма хозяйствования не имеет отличия от прежнего хутора, поскольку главное средство производства — земля не обобществляется. В результате съезд вынес решение «признать, что хутор-община является тем же замаскированным столыпинским хутором и в ряду форм социалистического землеустройства ему не должно быть места»⁶⁹.

Такая жесткость и ортодоксальность подхода к народной инициативе глушила ростки нового. Думается, утери организаторы из своего заковыристого названия слово «хутор» и назови свое объединение как-то иначе, начальство отнеслось бы к нему иначе. Позиция земельных органов, конечно же, повлияла на то, что широкого распространения хутора-общины не получили, за исключением нескольких объединений в Новоторжском уезде.

Видимо, разновидностью хутора-общины были **хутора-артели**. Старо-Нагальинская волость Новоузенского уезда с населением в 6490 человек была разбита на 16 хуторов-артелей. Вся земля и покосы были разделены по душам (от 6 до 8 дес. на душу). Земля семей красноармейцев обрабатывалась обществом⁷⁰.

Распространение такой формы объединения именно в Новоузенском уезде, наверное, было предопределено известными предпосылками. Как отмечалось выше, именно в этом уезде были хорошо известны и сугряги, и соседские артели. Именно в этом уез-

⁶⁸ Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961. С. 217.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1581. Л. 215 об.

⁷⁰ Беднота 1919. 4 сент.

де в 1918 г. возникла гигантская коммуна, охватившая весь уезд; коммуна состояла из нескольких сотен артелей.

После революции любые объединения крестьян (кроме пугающих своим названием, вроде хутора-общины) поощрялись властью, им оказывалась поддержка. Их спешили зачислить в разряд коллективных хозяйств и часто именовали коммунами. Более же близкое знакомство с некоторыми из них обнаруживает нередко знакомые черты традиционных крестьянских малых объединений. Так, причиной образования Кужадонской коммуны (дер. Кужадон, Теплеевской волости, Нижегородской губ.) явилась покупка жнейки и молотилки⁷¹, т. е. как и в случаях образования соседской артели. В этой связи у меня возникла мысль посмотреть материалы обследования первых коллективных хозяйств. Обнаружилось, что средние показатели покрывают значительное число карликовых объединений.

Материалы обследования коммун, проведенного в сентябре 1919 г.⁷², показывают, что в 19 обследованных коммунах Вологодской губ. состояло 200 членов, что дает в среднем 10 членов на коммуну. Максимальное число членов не превышает 41, минимальное — доходит до 2. И таких хозяйств, состоящих от 2 до 8 членов насчитывается 9 из 19. К тому же в 6 таких хозяйствах оставлен в индивидуальном пользовании скот, инвентарь и в одном случае даже посев. В 60 артелях той же Вологодской губ. насчитывалось 754 члена, в среднем на артель приходилось, стало быть, чуть более 12 членов. Несколько артелей было относительно крупных — 33, 35, 37 и даже 52 члена. Но наряду с этим — масса мелких. 28 артелей из 60, т. е. почти половина, насчитывали от 2 до 8 членов. Причем в 30 артелях либо скот, либо инвентарь, либо и скот, и инвентарь оставались в индивидуальном пользовании.

Много мелких артелей зафиксировано в Тульской губ. Из 38 артелей 27 насчитывали менее 10 членов: две — 9, одна — 8, две — 7, четыре — 5, девять — 4, три — 3, одна — 2, и, наконец, одна — 1 члена! Из 20 обследованных коммун Тверской губ. только одна насчитывала более 10 членов, в одной коммуне был всего 1 член. В Ярославской губ. от 3 до 8 членов насчитывалось в — 8 из 10 обследованных коммун и в 20 из 30 артелей.

Здесь мы сталкиваемся со своеобразным, чисто крестьянском пониманием коллективного хозяйствования, когда колхоз строится по принципу традиционной, хорошо известной крестьянской взаимопомощи, типа супруги, объединявшей 2 — 3 — 5 хозяйств. Как и у сопрягавшихся в таких карликовых хозяйствах также отсутствовали: в одном хозяйстве — рабочий скот, в другом — инвентарь, в третьем — рабочие руки и т. д. Простое сложение средств производства давало выход из положения. А если принять во внима-

⁷¹ РГАЭ Ф 478 Оп. 5 Д 8 Л 68

⁷² Там же Ф 1562. Оп. 56 Д 1 а Л 2—8

ние тот факт, что некоторые такие хозяйства не обобществляли скот, инвентарь, а то и посев, то перед нами по существу остается та же супруга.

В годы революции широко известен был плакат Демьяна Бедного, разъяснявший выгоды коллектива на примере трех мужиков, из которых у одного есть конь, но нет плуга, и семян, у другого есть плуг, но нет коня и семян, а у третьего есть семена, но нет ни коня, ни плуга. Этр был агитационный плакат. Он призывал к простому сложению средств производства и труда, т. е. к созданию той основы, по которой, как утверждали впоследствии теоретики колхозного движения «только и могло идти массовое строительство колхозов» того периода ⁷³.

Позднее этот период, правда, хронологически расширенный, в историографии назовут «мануфактурным» периодом колхозного строительства ⁷⁴.

Имели ли такие карликовые хозяйства будущее? Не распались ли они, как только жизнь несколько улучшалась, и появлялась возможность вести самостоятельное хозяйство? А, может быть, это были колхозы лишь по названию, на бумаге, а на самом деле — обычные супруги?

Можно ли их рассматривать как некую разновидность кооперации? Вряд ли. Ведь община по-прежнему, если не происходило выдела, не давала возможности таким объединениям «выпрыгнуть» из мира. Они оставались в сфере общины, были зависимы от нее во всем. Различные обследования показывают, что очень многие первые колхозы оставались на земле, не выделенной из общества. И, наконец, показательно, что все эти мельчайшие объединения не входили в сферу действия кооперативной системы. И последнее. Мы не располагаем достаточным материалом, чтобы судить о первых коллективах, особенно на протяжении сколько-нибудь значительного времени, вполне определенно.

Малые формы обобществления имели место и в 20-е годы. Кое-где они пользовались популярностью. Так, в ноябре 1928 г. Свеклоцентр сообщал о распространенности супруг в южных районах. По Северо-Донецкому кооперативному союзу в 1927 г. образовалось 808 супруг, которые, работая по глубокой пахоте, охватили 50% посевной площади свеклы. По Ракитянскому союзу супруг было еще больше — 1821. Они охватили 53% всей посевной площади свеклы.

Обращает на себя внимание качественно новое явление: супругами заинтересовалась кооперация, чего раньше не наблюдалось. Факт этот объясняется тем, что острей кооперативной политики

⁷³ См., например, Карпинский В. Колхозное строительство и политика партии. М.; Л. 1930. С. 6—7.

⁷⁴ См. Данилов В. П. Изучение истории крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР М., 1962 С. 473

Советской власти было направлено на вовлечение в кооперацию прежде всего бедноты, на подъем бедняцких хозяйств. В супряги же входили по-прежнему преимущественно бедняцкие слои деревни. Поэтому кооперативное руководство, местное и центральное (состоявшее уже в значительной своей части из коммунистов) стремилось использовать все формы самоорганизации крестьян с целью дальнейшего их вовлечения в более развитые — кооперативные.

Популярность супряг натолкнула кооперативное руководство на мысль о внесении планового начала в организацию супряг. В 1928 г. в Касторнском свеклосоюзе было запланировано и затем создано 111 супряг, в которые включалась беднота. Условия создания супряг были разными, привлекались, естественно, лошади тех, у кого они были, кроме того выделялись средства за счет дополнительных доплат из фонда Свеклосоюза (из добавочного аванса). В этих супрягах участвовало 157 безлошадных хозяйств. Было засеяно 514 дес. свеклы (т. е. почти 30% всей площади свеклы было охвачено супрягами, организованными союзом). Обычный тип супряги здесь был таков: в супрягу включалось 9 лошадей, 2 культиватора, 1 борона, 1 сеялка, 1 каток при 7 человеках обслуживающих. Кое-какие попытки организации супряг были предприняты и другими местными свеклосоюзами (им. Либкнехта, Дерюгинским и др.)⁷⁵.

Практика направленной, плановой организации супряг получила еще большее распространение в послевоенные 1945—1947 гг. на новых территориях, вошедших в состав СССР, когда призрак коллективизации там еще не маячил на горизонте.

Много супряг возникло в Правобережной Молдавии. Молдавские историки определяли супрягу «специфической и широко распространенной формой простейшей производственной кооперации»⁷⁶.

Более того, авторы «Истории Молдавской ССР» супряги ставят в один ряд с садово-виноградарской кооперацией и социалистическим соревнованием как «элементы социалистической реконструкции»⁷⁷.

В конце концов, Бог с ними, считают, ну и пусть считают, хотя сегодня, наверное, думают иначе. Но ведь подобная позиция служила исходным элементом более сложной конструкции: от простейших форм — к более сложным формам производственного кооперирования — к колхозам. И все это, якобы, кооперация.

⁷⁵ РГАЭ Ф 3983 Оп. 20. Д. 20. Л. 155—156.

⁷⁶ Сытник М. К., Брысякин С. К. Общее и особенное в осуществлении в Правобережной Молдавии ленинского кооперативного плана // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 165; Коваль Н. Г. Страницы истории колхозного строительства в Молдавии, Кишинев. 1971. С. 98.

⁷⁷ История Молдавской ССР. Кишинев, 1968. Т. II. С. 547—548.

А ведь ничего кооперативного здесь не было. Молдавские супруги полностью напоминали традиционные российские ⁷⁸.

Образованные в 1945 г. 72 407 супруг обслужили 161 100 хозяйство, — это значит, что в среднем каждая супруга обслужила 2—3 хозяйства, т. е. хозяйства, вошедших в нее крестьян. В 1946 г. супруг образовалось больше, а обслужили они хозяйств меньше — 118 640 ⁷⁹. Теперь на каждую супругу статистически приходилось менее 2 хозяйств! И ничего общего с простейшими формами производственной кооперации.

Еще более широкое распространение супруги получили в западных областях Украины. В 1946 г. здесь действовала 251 тыс. супруг, которые обслужили 540 тыс. безлошадных хозяйств ⁸⁰. Эти данные, а также данные по отдельным областям свидетельствуют, что и здесь, как и в Правобережной Молдавии, супруги представляли объединения 2—3 хозяйств.

Украинские историки были далеки от признания за супругами того значения, которое им придавали их молдавские коллеги. Предметом особого интереса украинских историков стали земельные громады (общины, общества), которые, по их мнению, представляли собой «первичную форму кооперирования крестьянства» ⁸¹. Эти громады, якобы, сыграли большую роль в подготовке крестьян Западной Украины к коллективизации.

Любопытно же здесь следующее обстоятельство: земельные громады создавались по инициативе сверху, ибо в западноукраинской деревне не было традиционного института общины. Земель-

⁷⁸ Вот описание одной из них. Из корреспонденции об организации супруг в Роскопинском районе Молдавии от 12 марта 1946 г. узнаем как образовывалась супруга: «Так крестьянин села Тыршице Н. Гырля, имеющий лошадь и плуг, вошел в супругу с односельчанином Рейляном, у которого есть лошадь и повозка. Совместно будут обрабатывать поля Я. Пучбере, Цуркан и Г. Пучбере. Двое из них имеют тягла и инвентарь, а третий — запас кормов для пары коней. Организовали супруги крестьяне В. Ходорожа, Г. Ходорожа и Кукуш». Таких супруг — по 2—3 хозяйства — в этом селе оказалось 54, а в соседнем — 24 (См.: Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР. Сб. док-ов. Кишинев, 1970. С. 102, 110).

При знакомстве с конкретным составом той или иной супруги выявляется еще один принцип образования супруг. В нее входят родственники и, очевидно, человек, пользующийся доверием в данной «тройке». Обратите внимание в двух случаях из трех вышеприведенных встречаются одинаковые фамилии. Значит, хоть и несомненное объединение, но все же дело требует доверия и надежности партнеров.

⁷⁹ Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР. С. 102, 110.

⁸⁰ Івасюта М. К. Нариси Історії колгоспного будівництва в західних областях Української РСР. Київ, 1962. С. 93.

⁸¹ Там же. С. 79; Богодист Н. Ф. Коммунистическая партия — организатор социалистических преобразований в западных областях УССР (1945—1950 гг.). Автореф. Дисс. на соиск. уч. степени канд. историч. наук. Харьков, 1965. С. 36—38; Он же. З приводу ролі земельних громад у соціалістичній перебудові західноукраїнського села // Український Історичний журнал. 1962. № 3; и др.

ные громады или общества (общины) согласно постановлению СНК УССР от 14 марта 1945 г. создавались во всех селах западных областей Украины, в Измаильской, Черновицкой и Закарпатской областях с целью быстрого восстановления сельского хозяйства и вовлечения широких масс трудового крестьянства к решению различных вопросов сельскохозяйственного производства. Согласно примерного устава земельных обществ, подготовленного в марте 1945 г. Наркомземом УССР, руководящим органом земельных обществ было общее собрание крестьян, в промежутках между ними — совет земельной общины, состоявшей из трех человек, избравшихся общим собранием. Община отвечала за организацию правильного пользования общественными землями, за благоустройство сел, их противопожарное состояние, оказывали общественную помощь в обработке земли безлошадным хозяйствам, защищая их от кулацкой кабалы, создавали общественные случные пункты, организовывали содержание и ремонт дорог, мостов, мелиоративных сооружений⁸².

В 1947 г. в западных областях Украины было 7919 земельных обществ. Они организовали 246 344 супряги, которые оказали помощь 573 793 безлошадным хозяйствам, создали 12 592 зернохранилища, 7185 зерноочистительных пунктов⁸³.

В конструкции украинских историков линия «земельное общество — кооперация — колхоз» выстраивалась предельно прямо. Но в создании земельных обществ и их работе первейшая роль принадлежала государству. И создававшиеся по его инициативе союзы «вольных хлеборобов» менее всего оказывались таковыми. Возможно, что в 1945 г. они мыслились, действительно, как «органы», помогающие восстановлению сельского хозяйства. Но затем их задачи были переориентированы, и они стали активно способствовать развернувшейся по инициативе сверху коллективизации.

К проблеме суррогата общинной организации в западных областях Украины мы еще вернемся.

Итак, небольшой экскурс в историю общинного коллективизма показывает отсутствие прямой сопряженности общины со складывавшимися формами сельскохозяйственной кооперации. Помимо всего прочего, о чем уже шла речь, надо, видимо, принять во внимание и такой фактор, не способствовавший «совпадению путей» кооперации и общинного коллективизма. Кооперация и община «работали» как бы на разных уровнях: деятельность общины, ее суть, положение определялись преимущественно производством, в то время как те же качества кооперации обуславливались главным образом сферой обращения.

⁸² См.: 3 Історії колективізації сільського господарства західних областей Української РСР. Київ, 1976. С. 48—51.

⁸³ Тетерян О. Соціалістичні перетворення в сільському господарстві західних областей України. Київ, 1955. С. 21.

СУДЬБЫ КООПЕРАЦИИ И ОБЩИНЫ ПОСЛЕ 1917 г.

Община и кооперация в революциях 1917 г.

В свое время я рассматривал эти сюжеты в специальных работах¹. Естественно, они написаны с позиций того времени, а поэтому ряд их положений нуждается и в корректировке, и в коренном пересмотре, что и предполагается сделать по ходу данной работы.

Деревня встретила Февраль 1917 г., можно сказать, никак. Но постепенно, разбуженная революцией, она стала проявлять дремавшие в крестьянстве силы. Борьба за землю вновь обретает смысл, и к осени 1917 г. в деревне разворачивается мощное крестьянское движение, которое выливалось нередко в такие острые формы как изъятие имущества землевладельцев, вплоть до конфискации имений и взятия их на учет земельными комитетами и сельскими обществами.

Организованное взятие имений на учет удавалось не всегда. Многие из них подверглись разгрому. В литературе установился взгляд на разгромы, как на беспорядочный грабеж. Безусловно было и так. Разгромы — это наиболее острая форма борьбы, отвечавшая крестьянским представлениям об их борьбе с помещиком вообще и с конкретным, возможно, ненавистным владельцем имения, в частности. Изучение погромов на уровне отдельных селений дает возможность несколько по-иному взглянуть на характер погромного движения, на его оценку как проявления лишь стихии и анархии.

Обнаруживается, что некоторые общества проводили **организованный** разгром имений. Санкции о разгромах выносились на сельских сходах и иногда на волостных земельных комитетах и затем организованно проводились в жизнь. На наличие таких акций еще в 20-е годы указывали И. В. Верменичев, А. В. Шестаков², а из современных исследователей — Н. А. Кравчук, А. Д. Малявский³.

Так, 10 октября 1917 г. в телеграмме председателя Лукояновской уездной земской управы о разгромах помещичьих имений в

¹ Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация. М., 1973; Он же. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки, М., 1984. Т. 111.

² Верменичев И. В. Аграрное движение в 1917 г. // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 60; Шестаков А. В. Крестьянские организации в 1917 г. // Аграрная революция. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 157.

³ Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март — октябрь 1917 г.). По материалам великорусских губерний Европейской России. М., 1971. С. 214; Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. Март — октябрь. М., 1981. С. 343—345.

Шутиловской волости (Нижегородская губ.) говорилось: «Громят организованно»⁴. Под организованными действиями крестьян надо понимать, очевидно, наличие определенного порядка, сознательных решений, осмысленного тактического плана в действиях. Имуущество имений в таких случаях не растаскивалось по принципу «на шарал», а собиралось воедино и делилось по едокам или по жребью, или поровну, или продавалось, а вырученные деньги делились опять же по едокам, поровну или между домохозяевами и т. д. Трудно определить инициаторов разгромов. В крестьянстве сильным было чувство мирской солидарности, круговой поруки, стремление возложить ответственность за подобные выступления на весь «мир». Бывали случаи, когда инициаторы разгромов силой понуждали всех односельчан участвовать «в деле», заявляя: ... «отвечать — так всем»⁵.

Комиссия по проверке состояния помещичьих имений в Кортунском уезде Симбирской губ. (5 декабря 1917 г.) констатировала: «В имении Арапова при селе Марьяновке погром и самовольные захваты начались с 15 ноября жителями Марьяновки, Федоровки и Березняков, части Арапова, которые делили все на две части, половину марьяновским, а половину федоровским и березняковским, все три общества продавали с аукциона живой и мертвый инвентарь, а также и постройки, каждый в отдельности в своем селе, а домашняя обстановка разграблена. Вырученные деньги разделили между собой по едокам»⁶. Точно также поступили крестьяне общества села Починок с имением Шкарина, общества Б. Березняков с имением Пукалова. В имении Бельгарда при селе Мариуполе имущество, живой и мертвый инвентарь было захвачено двумя обществами Мариупольским и Петровским и разделено между собой, а постройки проданы с торгов⁷.

Документ интересен тем, что констатируя факты разгромов имений, комиссия усматривает в этих актах деяния не крестьян вообще как скопище отдельных лиц или групп, а действия общества, т. е. действия не столько стихийные, сколько организованные. Причем анархия затрагивала лишь домашнее имущество, не представлявшее интереса для крестьян, а, главное, не имевшее для них практического значения (впрочем, всегда ли?).

Перечисленные подобных фактов можно продолжить. Они содержатся в упомянутых работах Н. А. Кравчука, А. Д. Малявско-

⁴ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сб. док-ов. Горький, 1957. С. 314.

⁵ Русское слово. 1917. 10 окт.

⁶ Установление Советской власти в Мордовии. Док-ты и мат-лы. Саранск, 1957. С. 204.

⁷ Там же. С. 205—206.

го, а также Е. А. Луцкого, М. А. Рубача⁸, в прессе того времени⁹, в различных документальных сборниках. Например, крестьянин Т. Мелешко из села Творишено, что на Брянщине вспоминал, как в августе 1917 г. на заседании крестьянского революционного комитета было решено отобрать у помещика Сурина землю и разделить ее по душам, забрать также скот, инвентарь. «Это решение, — писал крестьянин, — вынесли на обсуждение сельского схода. Большинство крестьян, конечно, его поддержало. Были и такие, которые восстали против него, но мы их быстро угомонили»¹⁰. Стремление к единогласному решению, видимо, продиктовано все тем же соображением: нести коллективную ответственность всего общества за свершенное. Любопытно и другое. Как явствует из документа, по крайней мере, в данной местности решения революционного комитета, каким бы важным не представлялся этот орган, должны были быть обсуждены и санкционированы сельским сходом.

Крестьянин И. А. Лавришев (деревня Кирилловка, Становлянская волость, Елецкий уезд, Орловская губ.) вспоминал, как крестьяне боролись за землю накануне октября: «После передела земли был избран комитет. Крестьянский комитет, избранный самим обществом являлся руководящим органом деревни и всецело отстаивал интересы самих крестьян, самого беднейшего населения. Неподалеку от нашей деревни жили на отрубке занимавшиеся торговым промыслом два крестьянина... Крестьяне добрались до торгашей: шумной организованной толпой отправились однажды к торговцам; торговцы начали сопротивляться, и в результате разъяренные крестьяне начали забирать все то, что находилось в подвалах и лавках торговцев, и свозить в один крестьянский дом, а потом все поделили поровну между собой»¹¹.

Оставим в стороне вопрос о справедливости и необходимости описанных выше действий крестьян (да материала для этого, видимо, не хватит); очевидно, все же была у них большая обида на торгашей, иначе бы не возникло это дружное и, главное, организованное, выступление, на что я и обращаю вновь внимание читателя.

⁸ Луцкий Е. А. Экопедия Митроновича и Годуна // Учен зап МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1947. Т. 2. С. 174; Мельникова М. И. Крестьянское движение в ЦЧО в период подготовки октябрьского вооруженного восстания (сентябрь — октябрь 1917 г.) // Учен зап. АОН при ЦК КПСС М., 1957. Вып. 29. С. 14; Рубач М. К истории крестьянских восстаний накануне Октября 1917 г. (Материалы по Украине) // История-марксист 1934 № 3 С. 47.

⁹ Голос народа. 1917. 27 сент; Русское слово. 1917. 7 окт.

¹⁰ К 40-летию Октября на Брянщине. Сб док-ов и воспоминаний Брянск, 1957. С. 211.

¹¹ 1917 год в деревне. М., 1967. С. 39.

Следовательно, крестьянская борьба за социальную справедливость в 1917 г. отличалась известной организованностью¹². Такая организованность отвечала крестьянскому пониманию классовой борьбы, она была способна, во-первых, втянуть в борьбу, на основе мирской солидарности, практически все население того или иного общества, во-вторых, придать ей даже в погромной форме определенный, крестьянского понимания, порядок. Сдерживающие, дисциплинирующие факторы такой организации были непрочны, и эта борьба порой выплескивалась в неуправляемую разрушительную силу.

Тем не менее для нас важно отметить сам факт проявления организованных крестьянских выступлений. И такими они становились не благодаря действиям каких-либо политических партий, а вследствие самоорганизованности самого крестьянского населения. И это качество могла внести лишь община, а не отдельные, повторяю, партии, не отдельные выборные крестьянские организации, возникшие в 1917 г.: начиная от различных комитетов (земельных, крестьянских, революционных, спасения и пр.) вплоть до низовых Советов. Значение их явно преувеличивалось в советской историографии, особенно по сравнению с традиционным значением, авторитетом и властью общины. В действительности же, все они находились в положении подотчетном, в положении вторичности, зависимости перед ней.

И последнее. Историографические традиции оставили нам в наследие, казалось бы, очевидную констатацию того факта, что крестьянская организованность была слабой, явно уступающей пролетарской консолидации. Может это не так, а может и нет. Никто не сравнивал. В пользу крестьянской организованности свидетельствует хотя бы мощное повстанческое движение на протяжении 1918—1920 гг., силу и значение которого мы не дооценивали, называя его к тому же кулацкими мятежами.

*

* * *

Кооперативные принципы мирной эволюции, взаимопомощи и самоусовершенствования предполагали отказ от революционной борьбы. Тем не менее кооператоры приветствовали Февральскую революцию. В этом не было ничего удивительного. Царизм душил многие кооперативные начинания, инициативу, осуществляя мелочный контроль и полицейский надзор за кооперацией. Поэтому они и встретили Февральскую революцию как очистительную силу. Но

¹² Уместно заметить, что такая борьба проходила не только по отношению к помещикам, но и к хуторянам, торговцам, ростовщикам, как позднее — и против советской власти в 1918—1920 гг., когда сельские и волостные сходы созывались набатным колоколом церквей, а решения о неповиновении властям и активного выступления против них получали одобрение сходов. На основе этих решений создавали и вооружали повстанческие отряды.

как разрушительный шквал оценивали они события после октября 1917 г.

Однако в кооперативном движении 1917 г. следует различать поведение кооперативного руководства, кооперативного аппарата от поведения самих кооперированных масс, прежде всего рабочих и крестьян. Они могли независимо от, так сказать, «кооперативной принадлежности» принимать самое активное участие в революционной борьбе. Эту тему я здесь развивать не буду, поскольку ее сюжеты так или иначе будут встречаться в последующих разделах.

2. Попытки «социалистической» перестройки общины и кооперации

После октября 1917 г. произошло нечто странное. Кончилось время споров о роли общины в грядущих социалистических преобразованиях общества. Вроде бы наступило само время этих преобразований. Но никто не вспоминает о социалистической миссии общины за исключением продолжателей идей народничества. Но у власти не они (Кратковременный блок большевиков и левых эсеров — не в счет). Все шло «беззвезда» общины. Да, разумеется, роль общины в перераспределении земли оказалась исключительно важной. Но в этих преобразованиях, по признанию самих большевиков, пока не было ничего социалистического.

Правда, стали появляться коммуны, артели. Но это было больше революционное поветрие, нежели вызревшая изнутри крестьянства потребность. «Наше время артельных и коммунистических иллюзий», — справедливо заметил в 1918 г. Алексей Герн, один из исследователей артелей и коммун того времени¹³.

Однако, несмотря на все старания большевиков осуществить в 1918—1919 гг. курс на «насаждение» коммун, план этот провести в жизнь не удалось. Почему? Все было предельно просто. По этому поводу П. П. Огановский писал: «В данный исторический момент земледельческие артели с универсальным стремлением обобществить все стороны сельскохозяйственного производства, вряд ли будут способны привлечь к себе миллионы рядовых крестьян, привыкших к индивидуалистическому типу хозяйств. Не нужно забывать, что социализация производства представляет из себя длительный эволюционный процесс, который не может быть закончен сразу, на другой день после самой удачной политической революции. Ускорить этот процесс возможно лишь длительной, систематической подготовкой соответствующих благоприятных условий и мероприятий переходного характера, которые мы мыслим, с одной стороны, в виде планомерной земельной и землеустрои-

¹³ Герн Алексей. Рецензия на кн. В. Е. Зюрюкина «Земледельческие артели на Западе. Пг., 1918 // Вестник сельского хозяйства 1918. № 49—52 С. 20.

тельной реформы..., с другой — в виде широкой организации производительно-подсобных кооперативов»¹⁴.

Другие экономисты, такие, как А. В. Чаянов, Н. П. Макаров также относились довольно скептически к коммунам и артелям, полагая, что в данных исторических условиях артели «вряд ли будут способны привлечь к себе миллионы рядовых крестьян, привыкших к индивидуальному хозяйству» «Кажется нет нужды говорить о том, — писал Н. П. Макаров, — что все эти условия в настоящее время отсутствуют. Поэтому нет никаких оснований надеяться, что на месте прежних помещичьих хозяйств в ближайшем будущем появятся земледельческие артели трудового крестьянства»¹⁵. А. В. Чаянов допускал возможность некоторого развития артельного земледелия, но все же полагал, что «главное течение прогрессивной эволюции земледелия пойдет не по артельному, а по кооперативному руслу»¹⁶.

Политики, стоявшие у власти предполагали одно, экономисты же прогнозировали совершенно иное.

Советское государство не рассчитывало на сколько-нибудь эффективное использование общины в своем переустройстве деревни. Здесь важнейшая роль отводилась классовым организациям бедноты, самому государству. В частности, большую роль государство должно было сыграть в регулировании земельных отношений, в организации и проведении землеустроительных работ.

«Социалистическое» землеустройство первоначально, как показывают подготовительные материалы I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун (декабрь 1918 г.), должно было начаться с раскола общины, ее уничтожения и создания общины новой «на принципе единого хозяйственного управления»¹⁷. И эта новая хозяйственная единица, в отличие от старой общины, которая объединяла крестьянство «не столько хозяйственно, сколько административно», должна была «объединиться на принципе хозяйственном, и это создавало бы условия, при которых скорее можно будет перейти к общественной обработке земли»¹⁸.

С этой целью предполагалось многодворные общины (порядка 1000 хозяйств), многоземелье которых не отвечало требованиям рационального ведения хозяйства, разделить на более мелкие, а вновь возникающим общинам предоставлялось право «организовываться на принципе хозяйственного объединения». Эта новая хозяйственная единица, новое общество имело право перенести свои

¹⁴ Огановский И. П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 50.

¹⁵ Народное дело. 1918. 15 июля.

¹⁶ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 301, 311.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1 Д. 12. Л. 43.

¹⁸ Там же.

постройки на новое место. Предполагалось, что тем самым будет нанесен «удар, хотя и косвенно, той безхозяйственной общине, которая существует».

Новое землеустройство влекло за собой и новые правила пользования землей в новых общинах. Частые переделы земли — в среднем через три года, — тормозившие развитие сельского хозяйства, предполагались быть твердо фиксированным минимальным сроком, равным, примерно, 12 годам, в течение которых не могут быть допущены переделы. Это время должно гарантировать возможность полного использования, вкладываемых в землю труда и капитала.

Следующим шагом к упорядочению общинного землепользования должно было стать ограничение узкополосицы. Предполагалось закрепить как обязательное правило установление определенного максимального количества полос, которое допускалось бы в каждом поле. Определять их количество предоставлялось местным организациям, ибо ограничение числа полос в каждом конкретном случае обуславливалось почвенными, экономическими и пр. условиями данной местности¹⁹.

Все эти нововведения служили не для того, чтобы подправить, сохранить или приспособить общину к новым условиям, а для того, чтобы подготовить мелкое индивидуальное крестьянство, на которое устанавливался взгляд как на отживающее явление, к переходу на совместную, общественную обработку земли. Общественная обработка должна была стать одним из важнейших средств разрушения общины.

Проект чуть ли не административного разрушения крестьянской общины иначе как авантюрным не назовешь. Хотя он с виду и прост, но в нем многое не продумано, а, главное, — рвать живую ткань социального организма, — задача непосильная и трудно предсказуемая в случае ее реализации.

Помимо наркомземовского проекта по землеустройству на I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун было представлено также несколько проектов с мест. А. К. Берзин, руководитель отдела землеустройства Наркомзема, на заседании 13 декабря 1918 г. заявил, что в Наркомземе учли все предложения с мест и внесли их в окончательный текст проекта, который в этот день и выносился на обсуждение. Обсуждение было постатейным. Наряду с деловыми поправками высказывались и довольно «крутые» предложения. Так, один из делегатов Матюхин говорил: «Необходимо установить точный курс политики землеустройства, при котором должна быть исключена возможность образования единоличных хозяйств, отрубов и хуторов»²⁰

¹⁹ Там же. Л 44—45.

²⁰ Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1917—1922 Док-ты и мат-лы. М., 1990. С 79

В таком же тоне выступил делегат Соколов: «Цель проекта должна быть проникнута духом коммунизма»²¹. В ходе дальнейшего обсуждения прямолинейность этих предложений была смягчена.

Проект «Положения о социалистическом землеустройстве» после бурных прений на секционных заседаниях сравнительно гладко прошел на пленуме съезда земотделов, коммун и комбедов. Один из руководящих работников Наркомзема Владимир Кураев, оценивая работу съезда и принятого «Положения», выделил три главных, характеризующих его момента: «поравнение земли между единоличными хозяйствами, разрушение общины и землеустройство коллективных хозяйств»²².

Однако в процессе доработки «Положения» после съезда и до утверждения его во ВЦИК вопрос о разрушении общины был снят. Принятое в феврале 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» ломку общины не предусматривал²³.

Насильственному разрушению общины, очевидно, помешало наметившееся в конце 1918 г. некоторое изменение курса аграрной политики Советской власти. Новая ориентация была направлена на «союз» со средним крестьянством, что и было отражено в решениях VIII съезда РКП(б). В самом деле, разрушение крестьянской общины и одновременный призыв к союзу со средним крестьянством оказались вещами взаимоисключающими.

Однако, если прямого удара по общине и не последовало, то он наносился косвенно: «Положение» было насквозь пронизано идеями перехода к социалистическому земледелию, а все виды единоличного хозяйствования рассматривались как «преходящие и отживающие».

Непоследовательная и непродуманная политика власти (или, напротив, последовательная с социалистической точки зрения) обернулась и иными бедами для крестьян: в январе 1919 г. была введена продразверстка, а в марте 1919 г. был принят декрет о кооперации, который послужил началом разрушения крестьянской кооперации, завершившийся полным ее разгромом декретом, принятым в январе 1920 г.

Таким образом, три «кита» аграрного законодательства начала 1919 г. («Положение о социалистическом землеустройстве, декрет о введении продразверстки, декрет о потребительских коммунах) свели на нет все обещания Советской власти, данные крестьянству.

²¹ Там же

²² Правда. 1918. 28 дек.

²³ Аграрная политика Советской власти, 1917—1918 Док-ты и мат-лы. М. 1954 С 417—437

3. А ведь община выгодна государству...

В то время как большевистская доктрина была направлена на разрушение общины, каждодневная практика показывала выгоду ее сохранения в интересах государства. Рассмотрим хотя бы один аспект в этом плане.

Во-первых, в отсутствие налаженной службы землеустройства ничто не могло заменить общинный переделный механизм по перераспределению конфискованных земель.

Во-вторых, государство довольно скоро убедилось в том, что общину по-прежнему с превеликой пользой можно привлечь к выполнению фискальных задач. Советские историки утверждали, что после 1917 г. были «окончательно сняты с общины фискально-полицейские обязанности», что происходило «превращение общины в свободный союз равноправных пользователей национализированной землей»²⁴. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Советская власть активно использовала фискальные функции общины²⁵, прежде всего в таком важном деле как продразверстка. Действительно, кто конкретно разверстывал причитающуюся крестьянину долю повинности и доводил ее до сведения каждого хозяйства? Раскладку продразверстки по дворам осуществлял сельский сход (сход домохозяев), он же был ответственным за ее выполнение (продотряды всего этого не делали, они выполняли роль «катализатора», устрашали строптивых, карали виновных, охраняли собранное).

Тот факт, что на общину падала главная тяжесть обеспечения выполнения продразверстки, несомненно, был выгоден государству, ибо община гарантировала относительную стабильность и надежность изъятия хлеба. Но, с другой стороны, такое изъятие не отвечало принципам большевиков с точки зрения проведения т. н. классовой линии, т. е. — с богатых много, с середняка — умеренно, с бедных — ничего. Община никогда так не действовала. В ее раскладке всегда были иные принципы: по душам, по трубам, по наделу и т. д.

По утверждению Н. Осипского, когда продразверстка попадала в руки сельского схода или Совета, она превращалась в подуш-

²⁴ Колесников П. П. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 34; Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Там же. С. 102.

²⁵ Странным выглядит утверждение В. Я. Осокиной о возможности использования т. н. «позитивных» потенциалов общины. Она пишет, что В. И. Ленин считал необходимым использовать позитивные возможности общины в интересах развития производительных сил сельского хозяйства (См.: Осокина В. Я. К вопросу о судьбах русской поземельной общины // Ежегодник... С. 135). Не ясно, что понимать под «позитивными» возможностями. И уж если есть «позитивные», то, стало, быть, видно, есть и «негативные». А коль так, то куда прикажите отнести круговую поруку, фискальные функции, которые советское государство активно использовало?

ную, подесятинную раскладку. «Мир не хотел учитывать, что данная «душа» на своем уравненном наделе может быть вовсе не сеяла того продукта, на который получена разверстка. Во многих случаях разверстка производилась не с посевной площади, а с общего количества земли, числящейся за крестьянином. При таких обстоятельствах, конечно, не могла учитываться большая урожайность на лучшей земле»²⁶. Таким образом, традиция сельских сходов на деле притупляла остроту политической задачи разверстки, снижала ее «классовую» направленность.

Сход же определял порядок и очередность выполнения нарядов по трудовой, гужевой и иным повинностям (а их было много) и нес ответственность за их выполнение.

Советы сами стремились переложить ответственность за расклад и выполнение продразверстки и иных повинностей на общество, используя традиционные качества общины: во-первых, общинный разверсточный механизм, и, во-вторых, коллективную ответственность при исполнении фискальных функций. Как отмечалось в отчете Череповецкого губземотдела в октябре 1920 г. община «ныне, как и прежде, продолжает служить основой для круговой поруки в фискальных целях»²⁷.

Советская власть активно использовала эти качества общины. Так, круговая порука даже вменялась сельским обществам органами Советской власти. В приказе губисполкома и губпродкома Тамбовской губ. (1 октября 1920 г.), подписанном председателем губисполкома А. Шлихтером, говорилось: «Отвечает за исполнение разверстки каждый, подлежащий обложению, домохозяин в отдельности и все общество в целом»²⁸. То же самое предусматривалось и в отношении мешочничества: «К ответственности за допущенное мешочничество привлекать каждого домохозяина и все общество в целом»²⁹.

Надо полагать, круговая порука при изъятии продовольствия применялась довольно широко. Документов на сей счет, к сожалению, немного, но они выразительны. Помимо названных выше, можно назвать также решение СТО в декабре 1918 г. о создании комиссии о круговой поруке³⁰, а также декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки», в котором специально оговаривалось, что за выполнение налога круговая ответственность отменяется³¹.

Круговая порука применялась и при поимке дезертиров. Дезертирство из Красной Армии в годы гражданской войны приняло

²⁶ Осинский Н. Главный недостаток нашей разверстки // Экономическая жизнь. 1920. 2 июля.

²⁷ РГАЭ, Ф. 478. Оп. 6. Д. 2010. Л. 99 об.

²⁸ Советы в эпоху военного коммунизма. М.; Л. 1929. Ч. 2. С. 321.

²⁹ Там же. С. 321.

³⁰ Ленинский сборник. XVIII. С. 243—244.

³¹ Советы в эпоху военного коммунизма. С. 50.

значительные масштабы. Власти принимали различные меры против дезертиров. В частности, за их поимку община была связана круговой порукой и несла ответственность за сокрытие дезертиров. Лишь к концу гражданской войны появился декрет ВЦИК от 6 ноября 1920 г. «Об амнистии к 3-ей годовщине Октябрьской революции», в котором говорилось: «Сложить наложенные на сельские общества на основе круговой поруки имущественные взыскания за укрывательство дезертиров...»³².

Круговой порукой крестьяне были связаны и при поимке «бандитов», т. е. повстанцев крестьянских восстаний. Поощрялось доносительство. В секретной инструкции «по искоренению бандитизма» в Тамбовской губ. от 12 мая 1921 г., подписанной М. Тухачевским говорилось, в частности: «4) Имущество этих семей (т. е. не сдающихся повстанцев — В. К.) конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами. Это внесет расслоение в крестьянство и на это может опереться Советская власть»³³.

В период осуществления политики государственного регулирования сельского хозяйства (конец 1920 г.) и создания во исполнение ее реализации, в частности, посевкомов также применялась круговая порука. Так, приказ тульского губпосевкома предписывал «в качестве способа бронирования семян» избрать подписки с применением круговой поруки и ссыпку зерна в общественные амбары под контролем сельсовета и селькома³⁴. Согласно постановлению Рязанского губисполкома, принятому 15 января 1920 г., сдаваемые населением семена заготавливались путем ссыпки в общественные амбары. Только в исключительных случаях разрешалось бронировать семенной материал с хранением у его владельца на дому, но в таких случаях общество ручалось за сохранность семян, а их владелец давал личную расписку в этом. У общества, не выполнивших круговой поруки, земля должна была изыматься и передаваться в общегосударственный фонд. Крестьяне, не исполнившие обязательства по хранению семенных запасов, подвергались в административном порядке конфискации всех продуктов, семенного материала, живого и мертвого инвентаря, лишались надела и заключались в концлагерь на принудительные работы³⁵.

³² Собрание Указаний Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР (далее — СУ). 1920. № 88. ст. 450.

³³ Типографский экземпляр (напечатано в виде листовки).

³⁴ Материалы Тулгубземотдела по проведению производственной пропаганды в деревне. Тула, 1921. С. 53.

³⁵ Вронский О. Г. Крестьянство губерний земледельческого центра России: от «военного коммунизма» — к энну (1920—1923 гг.). По материалам Орловской, Рязанской, Тульской губерний. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. М., 1994. С. 202.

Факты применения круговой поруки не ограничивались перечисленными выше. Круговая порука применялась также при взимании единого чрезвычайного революционного налога, при наложении на общество контрибуций за неисполнение натуральных повинностей, за восстания и т. д. Некоторые из них отменялись с переходом к нэпу. Но возникали новые, такие, например, как коллективная ответственность всего общества за арендованную им землю у соседнего общества или государства.

Община оказалась полезной государству и в прочих целях, в частности, для установления новых форм товарообмена.

Коллективной ответственности общества за сданный продукт по продразверстке соответствовал и установленный коллективный товарообмен. Общество сдавало совместно продукты, общество же и получало на всех его членов тот возможный минимум товаров городского производства, которым располагали продорганы. О том, как регламентировался порядок коллективного товарообмена, видно из доклада уполномоченного ВЦИК по реализации урожая в Самарской губ. А. П. Галактионова о выполнении продразверстки в губернии от 2 декабря 1919 г.: «На все сдаваемые крестьянством продукты установлен коллективный товарообмен... Как только крестьянское общество выполнит предъявляемые ему обязательства, оно немедленно должно получить товар; причем те общества, которые выполняют хлебную разверстку в количестве 30% до 1 ноября получают 60% товара. Распределение должно производиться через многолапочные общества под контролем и по приказам райпродкомов. Большая часть, имеющихся в распоряжении губпродкома товаров, двинется в деревню и через многолапки разверстана по отдельным обществам»³⁶. Аналогичный порядок устанавливался в Московской губ.³⁷, Саратовской губ.³⁸ и др.

Немаловажным являлось и то обстоятельство, что община вплоть до своего исчезновения с исторической арены выполняла многие функции сельских Советов, ибо те, оставаясь без бюджета, фактически теряли свой авторитет и власть среди населения.

4. Проблема власти

Кооперация никогда не стремилась к власти. Хотя в 1917 г. она развила необыкновенно бурную политическую деятельность и даже выступила со своей самостоятельной платформой на выборах в Учредительное собрание, потерпев, правда, неудачу. Но в теоретическом плане находилось немало кооперативных идеологов, которые

³⁶ Самарская губерния в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Док-ты и мат-лы. Куйбышев, 1958. С. 100.

³⁷ Андреев В. М. Под знаменем пролетариата: Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981. С. 68.

³⁸ РГАЭ Ф 1943 Оп. 3. Д. 225. Л. 224.

рассматривали возможность создания в обществе мирным путем некоей кооперативной системы, близкой по своему характеру к социализму (т. н. социалисты-утописты, а из русских — М. И. Туган-Барановский, К. А. Пажитнов, Е. Д. Максимов и др.).

В. И. Ленин в своих исканиях, в частности в 1917—1919 гг., отводил кооперации важное место в построении нового социалистического общества. Он полагал, что первичные кооперативы, в частности потребительские, могли бы стать ячейками будущего общества — государства-коммуны³⁹.

Собственно под этим углом зрения — создания всенародного кооператива трудящихся — проводилось революционное преобразование кооперации на протяжении 1917—1920 гг. Не расстался с мыслью о поголовном кооперировании населения Ленин и перед смертью (что запечатлено в его последних работах⁴⁰).

На фоне этих «глобальных» надежд весьма скромно и даже приземлено выглядит роль общины.

Практика показала, что община выгодна государству в фискальных и иных целях. Возможно, это обстоятельство заставило власти повнимательнее присмотреться к ней и на предмет использования для создания общественного хозяйства?

На этот счет существует простой, но чрезвычайно любопытный документ: поселенный бланк сельскохозяйственной переписи 1920 г.⁴¹. О интересен тем, что объектом его описания является сельское общество. Оно выступает как ответственный коллективный землепользователь; соответствующие графы должны были охватывать, помимо всего прочего, размеры общественной запашки, общественных садов, снокосов, количество общественного скота, инвентаря, построек, величину общественных доходов и расходов и пр.

Этой программой фактически проверялся коллективистский потенциал общины во всех сферах хозяйствования. Программа как бы прошупывала возможности безболезненного перевода общины в коллективную форму хозяйствования. Без всякой ломки ее основных устоев, а за счет поддержки и развития коллективистских начал. Ну прямо, как по замыслу К. Маркса. Если подобный путь и впрямь рассматривался в верхах власти, то он был, безусловно, реалистичнее изначального варианта Наркомзема уничтожения общины.

К сожалению, документов на этот счет не найдено, также как и не обнаружено заполненных бланков. В конечных, опубликованных данных переписи 1920 г. таких сведений тоже нет.

В 1917—1920 гг. община не стала орудием социалистического эксперимента. Изначальный курс на создание коммун, артелей, то-

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36 С. 206—210; Т. 37 С. 346, 469, 471

⁴⁰ Там же. Т. 45. С. 540.

⁴¹ РГАЭ Ф 1562. Оп. 9. Д. 94 Л. 1.

вариществ не на основе общины, а путем выделения из нее части членов сельского общества, в свою очередь, не привел к разрушению общины. Массового движения в коллективные хозяйства не получилось. Зато была определенная тяга к выделу на хутора и отруба, выселки и поселки. Процесс ломки общины пошел бы гораздо быстрее и интенсивнее, если бы государство пошло навстречу пожеланиям крестьян. Однако законодательство не поспевало за жизнью, а землеустроительные работы к концу 1920 г. не доходили до селенного уровня, да и в целом в аграрной политике власть лишь на словах обещала возможность свободного выбора любой формы землепользования, а на деле препятствовала выходу на хутора.

Советам в 1917—1920 гг. не удалось ни разрушить общину, ни использовать ее в целях создания «социалистического» хозяйства.

Зато исправно действовал традиционный общинный разверсточный механизм, в постоянной готовности и действии находились фискальные функции, и фактически — функции управления.

Община не превратилась вопреки утверждениям некоторых историков в «союз свободных земледельцев». Она по-прежнему оставалась принудительным объединением. И, хотя община в 20-е годы формально не представляла, как до революции, административную единицу, фактически оставалась в системе государственного устройства.

Сельский сход вершил абсолютно все дела деревенской жизни. Сход собирался летом на улице, где-либо в центральном месте деревни, зимой — в школе, общественной избе, если таковая имелась, или у кого-нибудь на дому. Было тесно, накурено, шумно. Председательствовал староста, или в соответствии с революционными веяниями, выбранный председатель, его помощник, или товарищ, как его называли и секретарь. Были и упрощенные варианты⁴².

Собираться крестьянам не мешали даже бурные революционные события, напротив, они побуждали крестьян к проявлению большей активности. Крестьянин села Шахтино Рязанской губ. писал: «Все, что бы мы не делали, мы строго обсуждали на наших народных собраниях, так и на наших сельских сходах»⁴³. По воспоминаниям члена Камского волисполкома Нижегородского уезда С. Аверина летом 1918 г. «несмотря на страдную пору (сено-

⁴² Был даже такой. В одном из сибирских сел, где боевые действия воюющих сторон делали обстановку особенно не стабильной, и власть попеременно переходила из рук в руки, крестьяне, дабы не утруждать себя, выбрали одновременно сельского старосту и председателя сельсовета и, в зависимости от ситуации, власть представлял либо тот, либо другой.

⁴³ Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 244

кос), крестьяне каждый день проводили сельские и волостные собрания»⁴⁴.

Нередко сходы завершались всеобщей попойкой, особенно в случаях удачного разрешения «персональных» дел, т. е. связанных с чьей-либо просьбой. Например, кто-то настойчиво добивается от общества разрешения на выдел в отруб или на хутор. В случае удачного для него разрешения дела он ставит обществу самогон и закуску. Причем, количество самогона порой являлось решающим аргументом просителя. Подобный случай описан И. Соколовым-Микитовым: если при обещанных полутора ведрах мужики еще колебались, то три ведра решили все⁴⁵.

Драки — тоже весьма распространенное, можно сказать, даже неизменное явление деревенского схода. «Крестьянские сходы... всегда происходили беспорядочно, кричат до десяти человек сразу, беспрекословно выкрикивают «тише» и тому подобное»⁴⁶, — описывал сход крестьянин П. С. Бабичев (Село Вишнево Беловской вол. Курской губ.).

А. М. Большаков, изучавший тверскую деревню, также писал, что сходы «были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой»⁴⁷.

О бурных и продолжительных деревенских сходах по поводу раскладки продрозверстки, о спорах до хрипоты писал в своих воспоминаниях продотрядник В. А. Потапенко⁴⁸.

Но эти бурлящие сходы сосредотачивали всю полноту власти. И в условиях нэпа авторитет схода был велик. Известный исследователь деревни 20-х годов М. Я. Феноменов писал: «Сельский совет имеет право вести все текущие дела управления собственной властью, не созывая схода. Однако председатель и члены сельсовета вовсе не склоны брать на себя ответственность за такие решения, как раскладка налогов, наряд подвод и распределение других повинностей. Они действуют по «старинке», т. е. созывают сход и здесь с согласия односельчан поганавливают то или иное решение. Авторитет схода настолько прочен, что и все должностные лица, приезжающие из волости по фискальным делам, неизменно обращаются со своими заявлениями и предложениями к сходу, а не к сельсовету»⁴⁹.

Такое положение складывалось еще со времен Февральской революции 1917 г.

⁴⁴ Октябрь в Нижнем Новгороде и губернии. Сборник воспоминаний Горький, 1957 С. 253

⁴⁵ Соколов-Микитов И. Избранное М., 1970 С. 292

⁴⁶ 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян) М., 1967 С. 36

⁴⁷ Большаков А. М. Деревня 1917—1927 М., 1927 С. 91

⁴⁸ Потапенко В. А. Записки продотрядника 1918—1920 гг. Воронеж, 1973 С. 72.

⁴⁹ Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни М., Л., 1925 Ч. 2 С. 34

Традиции крестьянства не требовали создания Советов крестьянских депутатов на самом низшем уровне — деревня обходилась в 1917 г., как и раньше, более привычными ей органами самоуправления — сельскими и волостными сходами.

В этом плане чрезвычайно показательны решения I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (май 1917 г.). Тогда съезд принял рекомендации относительно порядка образования крестьянских Советов и желательной структуры всей системы крестьянских Советов. Так вот, согласно этим рекомендациям, сельские Советы не предусматривались. Естественно, там, где они все же возникали, они не запрещались, но в целом ориентация съезда была на общину.

При укреплении на добровольной основе общинного строя потребность в повсеместном создании сельских Советов отсутствовала, поскольку имелись сельские сходы, а также сходы волостные. Общины вписывались в систему крестьянских Советов, выполняя роль низовых Советов⁵⁰.

Поэтому к лету 1917 г. организация волостных Советов крестьянских депутатов шла гораздо медленнее, чем в уездных и губернских центрах. Тем более еще медленнее шла организация сельских Советов. И уже совсем невозникало, как рекомендовал В. И. Ленин, Советов бедняцких и батрацких депутатов⁵¹.

Отсюда в историографии возникали затруднения. Сначала историки пытались установить поступательную динамику возникновения низовых деревенских Советов. Но, если с волостными еще что-то получалось, то сведений об образовании сельских Советов было совсем мало. И это обстоятельство ставило историков в неловкое положение. Факт нужно было объяснить, но он не объяснялся, вернее, не поддавался объяснению. Из этого положения выходили отчасти за счет признания влияния на деревню городских Советов рабочих депутатов, но это была явная натяжка, и отчасти за счет признания выполнения функций Советов различными комитетами, которых на селе в ту пору возникало немало.

Такая мысль настойчиво стала пробивать себе дорогу в годы т. н. перестройки, когда появилась возможность свободной критики. Не боялись критиковать современные Советы и, тем более раскрепощеннее отнеслись к Советам далекого 1917 г. И вот уже

⁵⁰ Небольшая аналогия. Тогда же, весной 1917 г. для подготовки и проведения земельной реформы Временное правительство образовало Главный земельный комитет, а на местах — губернские и уездные земельные комитеты. Организация волостных комитетов признавалась необязательной. Сельские же комитеты и вовсе не предусматривались. В историографии этот факт оценивался как недемократический шаг правительства, якобы, ущемлявший интересы крестьян. См., например Кострикин В. И. Указ соч. С. 130.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31. С. 115.

А. В. Седов утверждал, а он «подбирался» к своей идее долгие годы, что в деревне главенствующую роль сыграли не Советы, а различные крестьянские комитеты. В одной из последних работ А. В. Седов писал: «Соотношение крестьянских Советов и комитетов искажено в нашей исторической литературе изначально, с момента создания этих организаций. Исходя из приоритета Советов, долгое время господствовала предвзятая теория повсеместного и первоочередного создания Советов всюду и везде, в городе и деревне. Но когда присмотрелись к революционным событиям в деревне, то оказалось, что до Октябрьской революции волостных и сельских Советов было немного, массовое их создание развернулось после Октября». Все правильно, с автором можно согласиться (за исключением последней фразы, требующей серьезного уточнения). Но вот из изложенного следует вывод Седова: «Самыми распространенными крестьянскими организациями в 1917 г. были не Советы, а комитеты различных наименований: исполнительные, продовольственные, земельные и пр.»⁵².

В действительности же, повторяю, деревня в большинстве своем не нуждалась в Советах ли, комитетах ли, либо в каких-то иных организациях. Зачем, когда были свои авторитетные сельский и волостной сходы? Естественно, это обстоятельство не исключало возможности образования различных комитетов или Советов, особенно в случаях острого классового размежевания, роста политической культуры крестьянства, или когда крестьяне чисто внешне, зараженные энтузиазмом города или в подражание ему, создавали нечто подобное городским политическим и общественным структурам.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что земельные комитеты создавались официально, сверху. Крестьяне возлагали на них большие надежды в видах на получение земли и в начавшемся овладении помещичьей землей придавали своим действиям, опираясь на земельные комитеты, как бы вполне законный характер.

Но главной, авторитетной силой деревни оставалась община и ее высший орган — сельские и волостные сходы.

К идее о необязательности, а по существу — ненужности низовых деревенских Советов, особенно сельских, приходят современные исследователи. Например, А. В. Попов пишет: «Создание Советов крестьянских депутатов было вызвано объективной необходимостью революционного времени. Однако демократические традиции крестьянства центральной России не требовали создания СКД. Поэтому их организация здесь началась сверху со среднего и вер-

⁵² Седов А. В. Крестьянские Советы и комитеты в 1917 г. // Общественные организации в политической системе России, 1917—1918 годы. М., 1992. С. 14. См. также, Седов А. В. Крестьянские комитеты в 1917 г. Идея, организация, статус. Саратов, 1990.

кушечного звена — с уездов и губерний. Само крестьянство вполне удовлетворяли существовавшие традиционные формы — волостные и сельские сходы, а также образовавшиеся ВИКи. Это объясняет причину слабого распространения низовых волостных СКД и отсутствие в дооктябрьский период сельских Советов вовсе»⁵³.

Другое дело, после октября 1917 г. Организация Советов стала повсеместно обязательной (функции же земельных комитетов согласно «Основному закону о социализации земли» были также переданы Советам), ибо Советы реорганизовывались в органы местной власти. Но и тогда община выходит из положения: стали образовываться, вопреки рекомендациям центральной власти, т. н. «общественные советы», т. е. общинные, — избранные не всем населением деревни, а на сельском сходе, — сходе домохозяев⁵⁴.

Попытка укрепления Советской власти в деревне с помощью комбедов привели к хаосу. Тогда большевики восстановили Советы, но они не пользовались популярностью. Так, на выборах Советов в 1924 г. выявилась чрезвычайно низкая активность избирателей и в ряде мест пришлось провести повторные выборы. Именно тогда коммунистам пришлось для укрепления Советской власти в деревне выдвинуть лозунг «лицом к деревне», бороться разными средствами за придание Советам реальной силы. Но власть сама была виновата в слабости Советов: низовые Советы не имели своего бюджета и к тому же при малом своем авторитете уступали по всем позициям сельскому сходу.

Материалы обследования 108 сельских Советов 12 губерний, проведенного в конце 1926 г. показали, что «весьма многие сельсоветы получают средства от земобществ и покрывают свои нужды» Очень важный вывод, последовавший из результатов обследования сводился к тому, что «сход более всего приближается по типу своему к дореволюционному сельскому сходу, который являлся органом управления сельского общества и который, повидимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции»⁵⁵.

Можно привести слова наиболее, вероятно, компетентного в аграрном вопросе большевика Я. А. Яковлева из его книги, написанной по материалам обследования Знаменской волости Тамбовской губ. в 1924 г. Он писал: «Налоговая и чисто административная работа заедает волисполкомы и сельсоветы. Сельсовет или правильнее — председатель сельсовета, логикой административной машины превращается в агента по исчислению налогов. Председатель... получающий три целковых в месяц жалованья, физиче-

⁵³ См.: Понов А. В. Советы крестьянских депутатов Московской области в 1917 — начале 1918 гг. Дисс. на совск. уч. степ. канд. историч. наук. М., 1993. С. 74, 324.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. Т. 111.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 347. Оп. 6 Д. 214 Л. 1—47.

ски ни к чему более не способен. Этим определяются в значительной мере все вопросы, которыми занимаются и Совет, и сход. Мы проверили по ряду сходов вопросы, которые ими обсуждались. В Знаменке до января сельсовет не собирался, и все вопросы решались на сходе... Немногим отличается Ивановский сельсовет... Сельсовет, как организация, не существует... И у Измайловского сельсовета основными вопросами, обсуждавшимися на сходах, были вопросы налоговые»⁵⁶.

О силе и авторитете сельского схода свидетельствуют многочисленные данные прессы, а также имеющиеся на этот счет аналитическое обозрение С. Н. Прокоповича, составленное по материалам советских газет. В частности он писал: «То место, которое предназначалось сельским Советам, оказалось фактически занятым возродившимися из пепла (а, может быть, никогда не умиравшими) сельскими сходами. Вокруг этих сельских сходов, а не сельских Советов, течет как оказывается жизнь русской деревни. При этом, как отмечается в советской печати, активность сходов растет»⁵⁷.

Обращаю внимание на то важное обстоятельство, упомянутое в материалах обследования, в котором говорится о том, что община «невредимо» прошла сквозь эпоху революции. Можно перечислить многие старые функции и свойства общины, которые сохранились за ней, но я остановлюсь лишь на одной важнейшей стороне дела. Речь идет о круговой поруке.

Круговая порука, веками державшая целостность и единство общины также сохранялась. Сохранялась как незыблемая традиция коллективной ответственности общества за своих членов. Ее конкретное проявление выражалось во многом, например, при поручительстве (в случаях получения кредита кем-либо, в спорных судебных делах и пр.), при уплате налога за несостоятельного хозяина, при замене административного наказания взятнем на поруки «порочного» члена общества и т. д.

Круговую поруку государство вовсе не навязывало крестьянам. Круговая порука являлась имманентно присущим свойством общины и выражало собой одно из проявлений норм обычного права. В ней заключалась и своеобразная жизненная философия, и мораль.

Поэтому круговая порука использовалась не только государством, например, в фискальных целях, но и самим обществом исключительно для своих внутренних задач. Можно привести примеры безупречных действий этого механизма, порой странных или даже вовсе непонятных горожанину. Так, в конце 20-х годов на

⁵⁶ Яковлев Я. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924. С. 141—142.

⁵⁷ Национальный архив США. Госдепартамент. 1—8—58. Л. 1. Сведения любезно предоставлены Е. А. Тюриной.

страницах многих газет прогремело т. н. лудорвайское дело. Газеты клеймили кулаков деревни Лудорвай (Удмуртия), которые, якобы, выпороли своих менее состоятельных односельчан. В этом газетчики усмотрели проявление классовой борьбы в особо изощренной форме. В действительности же все обстояло иначе и проще. Началось это дело с чисто бытового явления: с потравы посевов крестьян из-за неисправных изгородей. Удмуртские крестьяне вплоть до 30-х годов не имели пастухов, а скот выпускали на выпасы, огороженные по всему периметру. Специальные выборные строго следили за неисправностью прясел, которые имели родовые знаки, показывающие какому крестьянину они принадлежат. Однажды произошла крупная потрава. Крестьянский сход (удмуртская община, хоть и опиралась на традиции, силу и обычаи языческих канонов, имела очень много сходных черт с русской православной общиной) решил по приговору наказать виновных по старому методу — розгами. Наказание бесхитрое и привычное. Правда процедура выглядела несколько экзотично: каждый выпоротый, всюю очередь, затем сек порющего. Эзекуции подверглись все: и мужики, и бабы. Все буднично и никакой классовой борьбы.

Но весть о случившемся дошла до Москвы, и весьма оперативно было принято решение: над организаторами устроить показательный судебный процесс, так как по установке, полученной от секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова значилось, что «местное кулачье противодействует коллективизации», хотя коллективизация здесь еще и не развертывалась.

Суду было предано 10 человек. В стране развернулась крупномасштабная пропагандистская кампания по осуждению «злостных врагов Советской власти» по 58 ст. УК РСФСР. Вслед за этим началась чистка в партийных и советских органах⁵⁸.

Сохраняя и укрепляя за собой традиционные функции община обретала и новые. Так, упомянутые обследования работы сельских Советов в Татарии обнаружили, что община являлась серьезным препятствием к оживлению деятельности советского аппарата. Обследование констатировало расширение круга компетенции общины. Так, в Заинской и Кузайской волостях сход не только устанавливал время поднятия пара, сева и т. д., но и решал все вопросы общественной жизни (ремонт зданий, их эксплуатация, ремонт школ, дорог, мостов и пр.) и даже вопросы нравственного порядка («о дурном поведении солдаток»). Бывало, что сход использовал сельский Совет, как свой исполнительный аппарат.

⁵⁸ Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии // Удмурты: Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1990. Вып. 4. С. 100; Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917—1937 гг. Дисс. на соиск уч. степени доктора историч. наук в виде научного доклада Екатеринбург, 1993. С. 48.

В Пензенской губернии отмечалось, что «политическая погода» на селе делается не сельским Советом, а сходом. Работы сельских Советов, как таковых, нет. Все дела решает сход. Есть села, где сельский Совет игнорируется вовсе.

В Московской губернии (Ягуинская волость) граждане не доверяли решение вопросов Совету. Подобных сообщений в различных материалах было немало.

Что же получалось? Своеобразное «двоевластие», где реальная власть (сход) сочеталась с властью формальной (совет)?

5. Правовое положение общины и кооперации

Бесправое положение общины и кооперации — очевидно. Но могло ли наличие каких-то прав сыграть свою роль? В неправовом государстве и провозглашенные права — фикция. Как и конституция.

Основная функция общины находилась в сфере земельных и хозяйственных отношений. Особенностью общинной системы землепользования являлась ее связь с мирской организацией, крестьянства. В период революции община не только активно отстаивает свои права как организации крестьянского самоуправления, но и включается в политическую жизнь.

Революционное законодательство не регламентировало правовое положение общины, равно как и ее внутреннюю жизнь, которая по-прежнему основывалась на нормах обычного права⁵⁹, традициях и законодательных актах дореволюционного времени, в частности, «Положении о сельском состоянии». Разумеется, революция вносила свои коррективы, но они более касались содержания, нежели формы и юридической стороны дела.

Согласно ст. 57 «Положения о сельском состоянии» (Свод законов. Т. IX) «Сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества и, кроме того, из всех назначенных по выбору лиц. Не воспрещается домохозяину в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход, присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства; с дворов же многотяговых допускается присылать на сход двух или более крестьян, если сие согласно с местными обычаями». Таким по существу оставался сход и после революции.

В документах того времени часто встречается слово «собрание», что вроде бы должно означать состав участников более широкий, чем традиционный сход. Так было. Однако сплошь и рядом «собрание» означает все тот же сход.

⁵⁹ Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 91—101.

В крестьянских наказах важное место занимала идея расширения прав общины. В постановлении собрания крестьянских депутатов от волостей Гдовского уезда Петроградской губ. от 19 апреля 1917 г. говорилось: «Права самоуправления общинных единиц должны быть расширены, только общегосударственные вопросы решаются центральной властью». Право на самоуправление общины выдвигалось в различных крестьянских документах: наказах, резолюциях собраний и съездов самых различных районов России⁶⁰.

Тенденция к самоуправлению нашла отражение и в «Примерном наказе», составленном на основании 242 крестьянских наказов.

Революционное законодательство, повторяю, не регламентировало правовое положение общины. Правда, Крестьянский наказ, включенный в декрет «О земле», предусматривал довольно активное использование общины как правовой единицы: ей передавались местного значения земельные участки с высококультурными хозяйствами, конские заводы, племенные скотоводства и птицеводства, живой и мертвый инвентарь конфискованных имений⁶¹. Но уже с изданием в феврале 1918 г. «Основного положения о социализации земли» право на пользование земельными участками означенных категорий передвалось в исключительное ведение местных Советов⁶².

Равным образом Советам передавалась важнейшая функция по распределению земли, которая согласно декрету «О земле» (ст. 8 Наказа) принадлежала общине. Вообще акцент с общины как правовой единицы по распоряжению землей, полностью переносится на Советы.

И даже свобода выбора форм землепользования (ст. 7 Наказа), в том числе общинной, в аграрном законодательстве 1918—1920 гг. сводилась к пропаганде коллективного землепользования (ст. 35 «Основного закона о социализации земли», ст. 97 «Положения о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию»). Лишь в резолюции IX Всероссийского съезда Советов (23—28 декабря 1921 г.) по земельному вопросу было установлено, что «каждое земельное общество вправе избрать по постановлению большинства его полноправных членов ту или иную форму землепользования товарищескую, общинную, хуторскую или смешанную»⁶³.

⁶⁰ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. С. 33 и далее.

⁶¹ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Док-ты и мат-лы. М., 1954. С. 114.

⁶² Там же. С. 136.

⁶³ IX Всероссийский съезд рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенография. отчет. М., 1921. С. 29. Резолюция принята на основе решения Всероссийского земельного съезда 2—7 декабря 1921 г. (См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 621. Л. 34 об.).

Как правовая единица община закрепляется в «Земельном кодексе» 1922 г. Отсутствие в законодательстве 1918—1920 гг. сведений о правовом положении общины свидетельствует о том, что государство не рассчитывало на сколько-нибудь эффективное использование этого института в революционном преобразовании деревни. Советская власть намеривалась проводить свою политику через систему Советов, где ее низшее звено — сельские Советы по идее должны были поглотить функции административной власти и самоуправления.

Однако община проявляла живучесть, не воспринимала новые формы землепользования. А скромные успехи последних и даже неудачи, равно как и деревенских Советов, оставляли за общиной роль важнейшего функционального инструмента деревни. Более того, ее функции за годы революции и войны расширились.

Фактически за ней сохранялось право юридического лица. Сельское общество выступало в качестве истца или ответчика по земельным спорам (о чем свидетельствуют многочисленные документы по земельным тяжбам, отложившиеся в архивах). Оно являлось распорядителем мирского капитала, и с ним велись денежные расчеты. Обществам выдавались заготовительными органами расписки за полученный по заготовкам хлеб. Разнообразие функций, выполняемых, общиной, делало ее фактически ответственным лицом по многим вопросам. Общество являлось ответственным коллективным землепользователем. И эта важнейшая функция в 1920 г. уже, можно сказать, косвенно признавалась государством за общиной.

В 1922 г. был принят «Земельный кодекс». В советской историографии ему давалась довольно высокая оценка. В самом деле, кодекс закреплял некоторые демократические тенденции, проявившиеся к этому времени в крестьянстве, у специалистов сельского хозяйства, среди отдельных партийно-государственных функционеров. Достаточно сказать, что кодексом устанавливалась свобода выбора форм землепользования, допускалась частичная аренда земли и ограниченный найм-сдача рабочей силы.

Вместе с тем, кодекс предусматривал создание нового института в регулировании поземельных отношений — земельное общество⁶⁴. В чем был смысл его образования? Историография этот вопрос обходит. Казалось бы, при наличии сельского общества создание параллельно действующего нового общественного образования лишено логики. Однако логика была. Это прежде всего — интересы государства. Его дальнейшее проникновение в сельский мир, установление более тщательного за ним контроля, хотя бы частичное его вытеснение из привычного круга действий.

⁶⁴ Подробнее об этом см. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня население, землепользование, хозяйство М., 1977 С 95—106.

В самом деле, политическое влияние на крестьянство через партийные органы и систему сельских Советов оказывалось весьма слабым. Коммунистов было мало, партийчики — малочисленны. Советы оставались безденежными и не влиятельными среди населения. По-прежнему основным авторитетом и силой в деревне оставалась община.

Посредством каких же мер ущемлялась старая община и усиливалась роль государства? Прежде всего, посредством передачи в ведение земельного общества дел, связанных с регулированием поземельных отношений. Интересы государства достигались за счет расширения состава распорядительного органа землей. Таким являлся сход полиоправных членов, каковыми признавались все землепользователи, достигшие 18-летнего возраста. В состав схода, таким образом, включались не только домохозяева, как в традиционной крестьянской общине, но и все члены двора, в том числе и женщины⁶⁵.

Расширение состава нового схода предоставляло возможность государству более последовательно и глубже проводить т. н. классовую линию, ибо социальная опора власти укреплялась за счет привлечения молодежи, бедноты, с помощью которых легче преодолелся консерватизм «бородачей».

Возможность более энергичного проведения «классовой линии» подкреплялась и введением в кодекс прямых установлений, согласно которым ряд важнейших вопросов пользования землей мог быть решен только после утверждения или регистрации органами Советской власти⁶⁶.

К тому же, сельские и волостные Советы, согласно «Положениям» о них, принятым в 1922 г., были обязаны в области сельского хозяйства оказывать содействие развитию производительных сил и осуществлять надзор за точным соблюдением земледельческим населением действующих в республике законоположений и распоряжений по вопросам землеустройства и землепользования»⁶⁷.

В целом оценка роли земельных обществ в отечественной литературе недавнего прошлого сводилась к следующему: «Наличие такого посредствующего звена в системе земельных отношений между государством и крестьянством было неизбежным и целесообразным»⁶⁸.

Что касается неизбежности, то это, вероятно, так. Государственное вмешательство в той или иной форме в крестьянские де-

⁶⁵ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917—1934 гг. М., 1934 (Далее — СДЗЗ) С. 160.

⁶⁶ Там же С. 158—159, 163.

⁶⁷ СУ, 1922. № 10 Ст. 92. § 21; Ст. 93 § 12

⁶⁸ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня население, землепользование, хозяйство С. 99

ла было неизбежным. Другое дело, каким знаком оценивать это вмешательство. И здесь мы с упомянутым автором расходимся: он с «плюсом», я — с «минусом». А что касается целесообразности, то это приводило лишь к усилению некомпетентного вторжения и углублению т. н. классовой линии, проводимой большевиками.

В последующие годы бденне ее «чистоты» и «прямоты» побуждало правительство урезать и ограничивать данные кодексом «свободы» крестьянству. Советские центральные и местные органы жестко регламентируют выходы на хутора вплоть до полного запрещения, сжимаются возможности развития аренды земли и инвентаря, найма-сдачи рабочей силы.

Пресловутое «регулирование социальных отношений неизбежно задевало и кооперацию

Царское правительство постоянно и решительно пресекало все попытки кооперации преодолеть разрешительный порядок открытия кооперативов, выйти из под контроля государства, мелочной опеки чиновников. Отсутствие твердого, отвечающего потребностям жизни, закона восполнялось административным регулированием, контролем, полицейским надзором.

Задачу выработки проекта кооперативного закона кооператоры взяли на себя. Много лет они напряженно работали над его созданием. В конечном счете кооперативный закон от 20 марта 1917 г. явился результатом творчества и важным достижением кооперативной мысли.

Главным установлением закона явилось введение взамен разрешительной — явочной системы открытия кооперативов. Закон закреплял лучшие традиции кооперативного движения России, подчеркнув, что кооперативные товарищества имеют целью содействовать не только материальному, но и духовному благополучию своих членов. Закон впервые в России наиболее полно определял правовое положение кооперации, уничтожая все то, что мешало ее развитию, и значительно расширял рамки деятельности на основе самостоятельности и самостоятельности. Закон способствовал свободному развитию кооперации и консолидации кооперативных сил.

После октября 1917 г. неукротимое желание большевиков переделать все и вся на свой лад коснулось и кооперации. Первая попытка ее огосударствления, предпринятая в конце 1917 — начале 1918 г., встретила решительное сопротивление кооператоров и завершилась взаимоприемлемым компромиссом, заключенным в апреле 1918 г.

Однако мысли перестроить кооперацию на «пролетарских» принципах кооперирования не покидали В. И. Ленина. Принятые в марте 1919 и январе 1920 гг. декреты в этом направлении при-

вели к полному разрушению сельскохозяйственной кооперации и превращению потребительской в придаток Наркомпрода.

Восстановление сельскохозяйственной кооперации и кустарно-промысловой кооперации в начале 20-х годов привело в конечном счете к их развалу в начале 30-х. Наступила длительная полоса «беззаконного» существования потребительской и иных видов кооперации (инвалидов, жилищная и пр.)⁶⁹.

Лишь в 1988 г. был принят закон о кооперации СССР. Закону 1917 г. была свойственна краткость статей, четкость формулировок. В отличие от него, принятому в 1988 г. закону присуще многословие, неясности, двусмысленности ряда положений, что давало основание для действий, противоречащих природе кооперации. Так, закон предусматривал государственное руководство кооперативными организациями, в то время как закон 1917 г. полностью исключал вмешательство государства в кооперативную деятельность. Принятые в дополнение закона о кооперации СССР законодательные акты («О подоходном налоге с кооперативов», «О внесении изменений и дополнений в закон «О кооперации в СССР») также давали возможность государственным органам влиять на кооперативную деятельность, на кооперативное ценообразование. И последствия непродуманности закона (или, напротив, вполне тенденциозной продуманности) последовали сразу. Министерство финансов тотчас же обложило 90-процентным налогом доходы кооперативов. Поступил запрет продавать кооперативам продукцию ниже государственных цен. И сразу же мелочная регламентация на местах: сколько кооперативных кафе разрешается на район и т. д.

И еще одно противоречие: закон о кооперации не распространялся на колхозы, тем самым, как бы признавалось, что колхозы не являются разновидностью кооперативного предприятия. И, стало быть, государство признавало, что провозглашавшийся десятилетиями тезис о колхозах как кооперативных организациях высшего типа, является на самом деле ложным. Что в общем-то соответствовало действительности.

*

* *

Юридическая природа кооперации и общины различна. С точки зрения римского права община тяготеет к публично-правовому институту. В свое время Н. Суханов провел анализ юридической природы общины и пришел к выводу о том, что «на 3/4 община является публично-правовым институтом»⁷⁰. (На 3/4, видимо, потому, что собственником земли являлось государство, фактически

⁶⁹ Подробнее см. Файн Л. Е. Отечественная кооперация исторический опыт Иванова, 1994.

⁷⁰ Суханов Н. Община в советском аграрном законодательстве // На аграрном фронте 1926 № 11—12.

же крестьяне это не признавали, поскольку земля находилась у них, можно сказать, в вечном пользовании).

В отличие от общины кооперация являлась частно-правовой организацией. Это союз индивидуалов. Важно ли все это? Думаю, что да. В первую очередь с точки зрения определения правового положения и кооперации, и общины в государстве. Важно это и с точки зрения установления характера кооперативной собственности, каковой она остается загадкой и сегодня. Во всяком случае, для нас россиян.

Тогда же, в 20-е годы М. Кубанин жестко раскритиковал Суханова. В частности, он отмечал, что является ли община, и в какой мере, публично-правовым институтом «есть сущие пустяки». Для Кубанина важно было другое: «Это не ответ на основной вопрос: какому классу служит община в наших условиях, пользуется ли благами общины беднота? Помогает ли строить социализм? Это есть основной вопрос»⁷¹.

Я оставляю без внимания вульгарный социологизм Кубанина, схематизм его рассуждений, игнорирование им общеизвестных фактов (например, о положении бедноты в общине) и хочу лишь отметить следующее. Подобное отношение к юридическим нормам принятым во многих странах, привело в конечном счете к тому, что советское право не признает деления его на публично-правовой и частно-правовой аспекты. В результате — незащищенность кооперации и общины, равно как и отдельных граждан, огосударствление кооперации, а затем и полный развал ее к концу 20-х годов, насильственное разрушение общины в ходе массовой коллективизации, а, в конечном счете, — создание неправового государства. А правовая незащищенность граждан, отсутствие такой нормы как права человека, привели к массовым репрессиям и гибели миллионов людей.

Ныне общины нет, медленно возрождается кооперация. По какому закону (1988 г?) и закону ли она живет? (Или доживает?)

⁷¹ Кубанин М. Община при диктатуре пролетариата // На аграрном фронте 1926 № 11—12 С 114

ВЛИЯНИЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИИ НА КРЕСТЬЯН

1. Обожженный и разоренный

Современные исследователи массовой психологии крестьянства справедливо отмечают, что «крестьянская ментальность — ментальность общинная»¹. Полностью соглашаясь с этим тезисом, полагаю все же, что для XX в. необходима некоторая корректировка (та же тенденция и у авторов упомянутой цитаты), строящаяся за учете воздействия внешних факторов, которые внесли не только колоссальные сдвиги в жизнь и сознание крестьян, но, в конечном счете, уничтожили и общину, и самого крестьянина.

С начала XX в. за короткий срок — каких-нибудь 15 лет, народы России пережили грандиозные политические, моральные и социально-экономические потрясения: три войны и три революции. Слишком много, непомерно много.

Век для России начался войной с Японией. Закономерным ее продолжением явилась смута в российском обществе и революция 1905 г. Она кончилась ничем, но еще более обнажила противоречия общества и те глобальные разломы, по которым теперь катилась история к неизбежному: новые войны и новые революции.

Большой след, конечно же оставила 1-ая мировая война. Затянувшаяся всеобщая бойня не давала перевеса ни одной из сражавшихся сторон. Народы воюющих стран устали от бесконечной войны и принесли ей на алтарь бесчисленные жертвы. Война практически так или иначе коснулась каждой семьи. Память о ней хранила жуткие картины смертей, увечий, страданий.

Большинство солдат толком-то не знало, зачем они воюют. Вот воспоминание бывшего солдата Ф. Старунова: «Нас гнали, мы и шли, не зная куда. Куда я иду и зачем? Убить немца! За что? Я не знал. Пришел я в окопы. Мне стало жутко и страшно. Я слышу, как ротный бил одного солдата, избил ему наганом всю голову. Кровь лилась у бедного с головы. Ну, я думаю, как начнет меня бить, то я сразу штыком заporю, потом в плен пойду. Я подумал, кто здесь неприятель: ротный или немец? Немца я не видел еще. А этого я увидел. Меня начали в окопах грызть вши, стала есть тоска. И вот я при отступлении попал в плен»².

А что давал плен? Бывший солдат К. П. Новиков из города Белебей Уфимской губ. в 20-е годы вспоминал: «Мысли иногда

¹ Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) М., 1996 С. 22

² РГАЭ Ф 396 Оп 2 Д 18 Л 30—30 об

невольно наталкивают и пробегит мороз по коже, как вспомнишь те ужасы, которые нам ... большинству приходилось переносить, вспомнишь как нас приковывали к столбам, вешали вниз головой за ноги, обливали холодной водой, избивали прикладами; травили собаками, клали в гроб... А что творилось на шахтах и на некоторых заводах! А сколько слодило с ума. А сколько перевешалось. Все эти воспоминания — не только по коже мороз, но и волосы дыбом становятся»³.

Но плен иногда оборачивался и иной стороной. В Западной Европе русский крестьянин знакомился с прогрессивными приемами ведения сельского хозяйства и это его интересовывало⁴. Желание завести хозяйство по германскому образцу рождалось даже у рабочих⁵.

Займствовали и бытовую культуру Запада, захотелось жить «культурно», «на германский манер», повесили на окна кружевные занавески, прорубили широкие «тальянские» окна, приобрели граммофоны и многое еще чего⁶.

Случаи заимствования немецкой культуры, доходившие порой до смешного, были обусловлены не только признанием того, что «там» все лучше, но и тем, что у нас не просто хуже, а из рук вон плохо. Один крестьянин Дмитровского уезда задавался вопросом:

« — Отчего это немец все может, а мы против него разумом не вышли? Сделает немец сапог — складно и прочно. Я сделаю, — ну, нет, далеко до того. Что же — или уж мы у Бога не люди?»⁷.

Или вот сетования крестьянина Андреева, объяснявшего, почему народ был готов в 1918 г. «пойти под немца» и даже уже ожидал немцев: «Нет у нас ни к чему болезненного, любви к родине

³ Там же Оп 4 Д 27 Л 387

⁴ Крестьянин В. Архипов из села 2-ое Чурашово Воскресенской вол Чебоксарского уезда Чувашской автономной области 9 января 1924 г. в «Крестьянскую газету» писал: «Многие из нас в эти трудные годы не теряли времени даром, а старались присмотреться и также научиться к культурному ведению сельского хозяйства немцев, австрийцев, французов и прочих». (См: РГАЭ Ф. 396 Оп. 2. Д. 16 Л. 106—107).

⁵ Один из них в 1918 г. писал отцу: «Обязательно, папаша, дознайте про нашу землю в деревне и добудьте. А я здесь, жимши у «бауэра», по-нашему, — мужик, в работниках по сельскому делу уже два года, теперь все понимаю хорошо. Мы можем существовать на своей земле безбедно и богато. Надо уметь взяться. Я теперь умею. На фабрику не пойду, в клетушку. Добудьте землю обязательно» (Крестьянский вестник № 3—4 С. 8).

⁶ И Соколов-Микитов об одном из деревенских подражателей-чудаков писал: «Вернувшись из немецкого плена, этот Кирей Кузнецов дошел до того, что приказал ближним именовать его Карлом Шмидтом, курил немецкую длинную трубку, с женой разговаривал по-немецки» (Соколов-Микитов И. Избранное. М., 1970. С. 294).

⁷ Крестьянский вестник 1918 № 1—2. С. 19.

нет, уважения, не знаем мы как на точку справедливости стать, не знаем, как из кипучего котла выскочить»⁸.

... Еще не отгремела война, как грянули революции, эти, по выражению Чарли Чаплина одни «из маленьких неприятностей современной жизни». Уставшим людям они казались выходом из положения. Но на поверку все обернулось еще одним тяжким испытанием.

Да, русский крестьянин оставался традиционным крестьянином со сложившимся веками укладом жизни и образом мышления. Но он был уже «обогащен», если уместно это слово, колоссальным отрицательным опытом, деформировавшим его психику.

Поэт Варлаам Шаламов отрицательный опыт людей связывал с ГУЛАГом, но, думается, сюда можно отнести войны и революции. Каковы факторы, формировавшие человека того времени в деревне? Конечно, их много. Постараюсь выделить главное.

1. Крестьянская мечта быть вольным хозяином на вольной земле.

2. Тотальная маргинализация деревни.

3. Опыт, полученный крестьянами в солдатских шинелях на фронте и в борьбе за установление Советской власти и против нее.

4. Всеобщая разруха, потери, болезни.

5. Экономическая и социальная политика Советской власти.

6. Агитация политических партий, большевиков в особенности.

По-моему здесь все ясно. Прокомментирую, однако, очень важный второй пункт. В деревне шел процесс нивелировки, а не осереднячивания, как утверждал В. И. Ленин, большевики и вся последующая советская историография. Причем поравнение на весьма пониженном уровне благосостояния. К слоям, опустившимся вниз, добавлялись оставшиеся без дела помещичьи сельскохозяйственные рабочие, раскулаченные комбедами крепкие хозяйства, разгромленные хуторяне, хозяйства, лишившиеся за время войн и революций работников. Количество слабодостаточных увеличивалось за счет дробления крупных дворов. Ряды нижних слоев пополняли калеки, больные, увечные, бобыли. В деревню перемещались спасавшиеся от голода городские рабочие, чиновники, мещане, беженцы, солдаты-дезертиры, число которых нарастало, выбитые из своей среды дворяне; купцы, мелкие предприниматели.

⁸ Там же С. 17

... Прошло четверть века. Шла уже другая война — вторая мировая. А мечта о земле опять затаилась в душах людей. Старые фронтовики рассказывали: «... Солдаты в окопах говорили о затаенном: после войны колхозы распустят, а землю поделят. Иначе за что же мы тут головы кладем? Вошли в Германию, делали зарисовки, как устроен двор немецкого бауэра, где у него маленькая электростанция, а где он окорока контит. Вдыхали: как живут, черти, а мы...» (Кожевникова К. Монолит // Литературная газета. 1990. 13 июня). Сегодня на дворе конец XX в. А мы мало чему научились.

Ряды бедноты расширились и за счет тех, кому выгодно было оставаться бедным⁹.

Государство намерено было оказывать им помощь. Так расцветало иждивенство. Эти слои поощрялись за доносительство на тех, кто имел хлеб и другие продукты. На эти «бедные» слои опиралась классовая политика государства.

Еще до октября 1917 г. В. И. Ленин надеялся, что деревенская беднота и сельскохозяйственный пролетариат составят прочную опору большевизму, что в их лице большевики найдут надежного союзника. Однако эти слои не обнаружили способностей к консолидации деревенских низов, не проявили политической грамотности, а поэтому и не смогли составить самостоятельные силы, не смогли организовать самостоятельных Советов, на что очень надеялся В. И. Ленин. Тем более они не организовывали экономических хозяйствующих ячеек из помещичьих имений, на что также рассчитывал Ленин.

Тем не менее опора на бедноту постоянно оставалась стратегической линией большевиков.

Люмпены оказались идеальным материалом тоталитарной воли. Люмпен был податлив и прост как кусок глины. Отсюда рекрутировались на различного уровня руководящие посты разные «выдвиженцы». На гребне этой поднимающейся волны оседала пена в лице партфункционеров-комиссаров, уполномоченных и пр. Среди них рождались и будущие «капитаны производства» и т. н. «новая интеллигенция». Из комбедовцев вырос будущий «серый кардинал» М. А. Сулов, из голытьбы вышел «смышленивый» парнишка, ставший первым маршалом СССР К. Е. Ворошилов. Под стать им и другие.

Выдвиженчество предполагало осуществление на практике ленинского призыва привлечь к управлению государством народные низы вплоть до кухарок¹⁰. Под постной личиной бедняка к власти

⁹ В 1926 г. был создан фонд кредитовая бедноты, а также фонд кооперирования бедноты с целью подъема их хозяйств. Однако эта идея реализовывалась плохо. Собранные средства либо расходовались не по назначению, либо уходили как вода в песок.

Крестьяне считали, что «партии и правительству надо придти на помощь для раскрепощения бедноты», но «надо давать помощь не такую, каковая была до сих пор (она до сих пор дорого обходится государству, развращала бедноту)» и каковой невозможно было вывести бедняка «из бедняцкого сословия». (Документы свидетельствуют. М., 1989. С. 71, 105).

¹⁰ Юз Алешковский со свойственной ему проничностью описал следующую сценку из жизни зоны. Выступала какая-то начальница женского лагеря на общелагерном митинге протеста против очередных козней империалистов и, в частности говорила: «Дорогие товарищи и вовсе не дорогие никому из нас граждане, враги народа! Вот смотрю я на Анну Ивановну Ашкину в первых рядах, на председателя райисполкома и думаю, в какой еще стране кухарка может руководить государством? В Англии? Нет! В США? Нет! Али в Гватемале? Нет! Или взять меня. Муж мой погяб в 39-м году на боевом посту. Нагремшись

«ломанули» не только классово «чистые» бедняки, но и маргиналы и люмпены, проходимцы и авантюристы, поднятые пеной социальных потрясений. Отныне наличие у кормила власти убогих духом и ущербных разумом, но коварных и проворных до жизненных благ, становится самой примечательной чертой советской системы. Кто был ничем, — стал всем.

Отрицательный опыт быстро менял человека и имел далеко идущие последствия: утрата человеческого достоинства, страх, примирение с постоянным унижением и ежедневной вдалбливаемостью о твоей неполноценности (не пролетарий ведь!) и даже потенциально возможной враждебности (ведь даже не бедняк!).

Особую неприязнь вызвала недобитая интеллигенция. Во время коллективизации в селе Богородском сельский сход вынес решение «ликвидировать учительство как класс», а учительница Обвинцова из села Руктиново была раскулачена как «буржуазная сноха». Учителя муж и жена Марковы из Курска подверглись «раскулачиванию» трижды с последующим восстановлением. При этом отбирались такие вещи как кровать, чайная посуда, портрет Ленина, зеркальце стоимостью 15 копеек¹¹.

И это были не «отдельные» искривления партлинии. То же самое творилось наверху. На XIII съезде РКП(б) в политическом докладе Г. Е. Зиновьева в ответ на высказывание одного инженера о том, что кроме предметов первой необходимости интеллигенции нужно дать и еще права человека, категорически было заявлено: «Совершенно ясно, что таких прав она, как своих ушей без зеркала, в нашей республике не увидит»¹². Да что там Зиновьев, сам Ленин называл интеллигенцию говном¹³. И коль сверху шло такое, то что говорить о низах?

По свидетельству С. Волконского, один из ораторов на митинге про учителей и профессоров сказал следующее: «Это тот навоз без которого мы не можем обойтись, но который будет выкинут, как только минет в нем необходимость»¹⁴.

Предубеждения революционных доктринеров против интеллигенции базировались на неразвитости, низком уровне воспитания и самих масс, и их вождей.

шибко, взорвался в его руках нагаи, которым он вывел из строя лучших наших матерых врагов народа. Похоронила я Семен Семеныча и заступила на его место. И товарищи не подьялдыкивали меня поначалу. Поддержали советами, к мужке глаз приучили Пошао тогда у меня дело. Пошло! А что было бы тогда со мной и детшками в Америке? Было бы! Подохла бы я под статуей Свободы без работы, и никто там женщине не доверил бы не то что электрических стульев, товарищи и граждане, а и револьвера плотенького не доверил бы» (Алешковский Юз. Кенгуру. Воронеж, 1992. С. 157—158).

¹¹ Панперная Е. За кадры культурной революции // Народное просвещение. 1930. № 7—8. С. 8.

¹² Тринадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1963. С. 104.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

¹⁴ Волконский С. Мои воспоминания. Берлин, 1923. Т. 3. С. 296.

Естественно, крестьяне не представляли из себя однородную массу. Согласно историографической традиции дифференциация крестьян проводилась по одному признаку, т. н. классовому: кулак, середняк, бедняк и еще деревенский «пролетариат».

Построение подобной «классовой» структуры деревни изначально носило политический характер. Предложенная большевиками схема, возможно, оказалась им полезной для ориентировки с точки зрения расстановки социальных сил в политической борьбе, с точки зрения выбора союзников в предстоящей революции. Но эта схема, перенесенная в том же виде в иную сферу, скажем, для экономического анализа, оказалась малоприменимой. (Недаром в 20-е годы даже сами т. н. аграрники-марксисты ею уже не удовлетворялись). Плохо «работала» она и при выявлении настроений деревни в период социальных потрясений. Но в советской историографии существовала, тем не менее, только одна универсальная группировка: бедняк, середняк, кулак. Соответственно выстраивалась и политическая ориентация этих слоев.

Бедняк признавался верным союзником городского пролетариата, поддерживающим всегда Советскую власть, середняк — колебался, кулак, естественно, занимал враждебную позицию¹⁵.

Я не исключаю вероятности такого членения общества как одно из возможных, но, естественно, не единственного и универсального. Оно пригодно, скажем, для приблизительной политической ориентации. Но для исследования социально-экономических процессов, происходивших в деревне, такая группировка узка и одностороння¹⁶.

Жизнь гораздо разнообразнее и богаче. Можно, видимо, выделить и иной набор социальных типов, в основу которого возьмем поведенческий критерий. Естественно, он будет довольно условным.

1. Ничего не понимаше в происходящем. Речь идет не только о захолустье, о медвежьих углах, о Средней Азии и Кавказе. Возьмем сравнительно развитые районы коренной России. И здесь крестьянин многого не понимал. Достаточно напомнить хотя бы три момента:

а) Почему забирают хлеб?

б) Против кого и за что идет война?

в) Что такое социализм, который не только призывали, но и заставляли строить?

2. Те, кто искренне встретил и принял революцию, поверил в ее идеалы, поддержал Советскую власть. Они надеялись на воз-

¹⁵ Погром т. н. «нового направления» в начале 70-х годов был вызван, в частности и попыткой несколько пересмотреть эту догму.

¹⁶ В 20-е годы это поняли и т. н. историки-марксисты и экономисты Комкадемии. Их попытка выхода на «прямую» группировку крестьянства по «классовому признаку» оказалась искусственной и нежизнеспособной.

можность торжества справедливости на земле и связывали свои надежды с коммунистами.

3. Те, кто хорошо усвоил (стихийно) исходный постулат марксизма — разрушить старое, до основания. Они успешно осуществляли простейший перевод марксовой формулы «экспроприация экспроприаторов» в ленинское «грабь награбленное». Стихийная разрушительная сила отличалась диким варварством, бессмысленной жестокостью. Темные силы накатывались мутной волной, превращая человека в зверя.

4. Оказались и такие, которым мутная вода пошла на корыстную пользу, сметливым и понятливым. Они быстро догадались, что к чему и что революцию можно очень даже хорошо приспособить под себя: сделать карьеру, отомстить ненавистному соседу да и много еще чего. Давнишняя зависть к состоятельному соседу могла, наконец, привести к разорению богатенького и обогащению завистника. Открывались хорошие возможности для мести, способов было много. Революция поощряла доносы. Кто был не ленив да малость грамотен, тому открывался путь к карьере. Выдвиженчество как способ, как особая форма привлечения новых кадров получило широкое распространение.

5. **Беспомощные.** Их лучше всего характеризует такое высказывание: «Ничего не можем сделать и ничего мы не знаем, а ждем, что кто-то неизвестный, но где-то существующий, придет к нам и сделает для нас все, и тогда нам будет хорошо». Причем, кто придет, не имело значения: немец ли, француз ли, царь ли.

6. **Раскаившиеся от содеянного.** Эту группу тоже лучше всего характеризуют цитаты из самовысказываний: «Дуболомы мы, черти серые, быки». «Оробел народ, думать начал не дело, полез с горя куда не надость, заблудился, забили ему голову мандатами да декретами, дурак дураком стал». «Одно нам надеть: по-старому чтобы, более, — более никаких!»

Из этих характеристик возникает образ в общем-то малосимпатичный, образ существа преимущественно унылого, слабого, безвольного, либо, напротив, злобного, ожесточенного. Меньше всего мне хотелось бы быть категоричным. В эти переломные моменты истории все оказывалось гораздо сложнее и неоднозначнее. Происходило осмысление происшедшего, усвоение новых идей и житейских премудростей, приспособление к быстро меняющейся ситуации, особенно в прифронтовых районах и т. д. Возникали новые социальные типы, новая психология этих типов, в которой весьма сложно разобраться (да и возможно ли?). Я еще раз подчеркиваю условность предложенной группировки. И, если все же считаться с ней, то необходимо учитывать, по меньшей мере, еще одно обстоятельство: возможность сочетания двух, трех и более признаков названных групп в каком-то еще не учтенном социальном облике.

Возникавшие позитивные элементы в психологии, думается, толпили в море отрицательного опыта. Крестьянин, вернувшийся с войны, помимо ран и душевных травм, все же расширил свой кругозор, становился самостоятельнее. Уменьшалась власть над ним стариков-бородочей, консервативных традиций. Но рождалось иное влияние. Духовное формирование новых социальных типов шло путем накачки идеологическими лозунгами большевиков. Происходило некое заглатывание без пережевывания и вкуса не очень здоровой пищи, а то и ее суррогата.

Ради светлого будущего терпели лишения. И в подвижничестве своем казались сами себе прекрасными и самыми лучшими на земле. Нездоровая мораль овладевала всеми слоями общества.

Чувство превосходства над Западом зарождалось из-за отсутствия представлений о жизни капстран. Вбиваемые пропагандой нехитрые мыслишки усваивались прочно. Там плохо, здесь — хорошо.

Перед нами несколько срезов, временных и социальных. Разные люди, разное время, а мысли одинаковые.

На I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 3 декабря 1919 г. М. И. Калинин говорил: «Мы, товарищи, живем в šťastливое время. Давно-ли, какие-нибудь 2 года тому назад мы не могли проявлять своих талантов на всех поприщах жизни и не проявлять их в интересах революции. Рабочий Запада сейчас наработывает пушки, пулеметы; вырабатывая средства производства и питания, по существу усиливает буржуазный мир, он кует себе цепи. Мы же сейчас, работая каждый в отдельности, укрепляем революцию и коммунизм...»¹⁷.

Далее предоставим слово председателю губернского союза сельскохозяйственных коллективов Северо-Двинской губ. (11 октября 1920 г.): «Мы бедны, недоедаем, не хватает лаптей, а там разве лучше? Не красиво живем, но смертей нет, а там безработица...»¹⁸. Эх, знал бы председатель сколько миллионов жизней отняли революция и война, сколько осталось увечных и больных, сколько стало безработных и сколько их прибавится вскоре!

Но оставим его в покое и перенесемся на 20 лет вперед. Надежда Мандельштам, жена поэта, в своих воспоминаниях писала о некоей молочнице: «Соседка носившая мне молоко перед войной в Калининне, раз вздохнула: «Нам хоть когда подкинут селедок там, или сахару, или керосинчику... А как в капиталистических странах? Там, верно, хоть пропадай!»¹⁹.

Этот случай произошел тогда, когда люди уже забывали, как они жили до революции. Подрастало новое поколение, которое проклятого прошлого совсем не застало, или судило о нем по лжи-

¹⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 248. Л. 26—27.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1811. Л. 6 об.

¹⁹ Мандельштам Надежда, Воспоминания // Юность 1988 № 8 С. 47.

вым книжкам. Да и сравнить было не с чем. Железобетонный занавес прочно заслонял Запад.

Единственным источником умственного подкрепления оставалась государственная информация, оскопленная и подслащенная бдительной цензурой и службой пропаганды.

Новая мораль сравнительно несложно пробивала себе дорогу. Старая философия нищеты при всей своей кондовости все же являла собой беззащитную простоту: и деды со вшой жили — худого не было. Правда, еще верили в Бога, любили царя, почитали старших, говели... Да куда там! А теперь? Живем неважно, но зато при социализме!

Смысл новой жизни был заманчив и укладывался в простенькую, понятную и дураку, формулу: грабь награбленное. Вот здесь революционеры здорово затронули нежную мужицкую душу. А далее известно — свое, привычное: дели по справедливости, дели и переделай до бесконечности, всю жизнь.

А коли не поддается или сопротивляется, можно и пожестче. Безграмотность и взятка — от бедности нашей. Но вот откуда в ужасающей нищете явились заносчивость, чванливость чувство мнимого превосходства над Западом?

Впрочем, и нищего может обуять гордыня.

«Мы не рабы, рабы не мы» учились писать новые грамотен. Чушь! Были рабами и остались ими, хоть, якобы, и сбросили цепи. А раб подл. Он не только достоин сочувствия, но и опасен, ибо коварен и хитер. И рабскую психологию быстро усваивали стремительно формировавшиеся маргинальные слои. Этот человеческий материал в равной мере быстро усваивал и цинизм, и пропагандистскую болтовню, если она была выгодной.

Большевистская пропаганда была поставлена умело и с размахом, что признавали даже противники. Белогвардейская газета «Россия» писала: «Нет, кажется области жизни, события, явления, моменты, которые не были бы использованы большевиками в целях воздействия на умы сторонников и врагов». Улицы, заборы, стены домов, вокзалы во всех городах были заклеены газетами, плакатами, лозунгами. Миллионы рублей затрачивались на то, чтобы путем печатной, наглядной и устной пропаганды гипнотизировать массы.

Так рекламировался чудовищный коммунистический блеф!

Со временем советская пропаганда совершенствовалась и изощрялась. Ее очень высоко оценивал Гебельс.

И всеобщее оболванивание неграмотных, полуграмотных и даже грамотных приносило плоды. Искус очутиться в райской жизни был велик. Людей притягивали иллюзии мнимых побед и грядущего счастья. Они верили. Коммунизм стал своеобразной новой религией XX в. Без сожаления расставались обманутые и жаждущие обмануться с проклятым прошлым ради светлого будущего.

Было бы неверно полагать, что крестьянин оставался только пассивной фигурой в сострадательном наклонении. Да, он оставался в значительной мере именно таковым, и в то же время выделял из своей среды нового крестьянина (полукрестьянина?), порожденного новой эпохой, и прежде всего — войнами и революциями. Да и в массе своей крестьяне, опаленные грандиозными социальными катаклизмами, вышли из них изменившимися.

Победа большевиков над крестьянством, коллективизация стали возможными не только благодаря насилью «сверху», но и готовности «снизу»: крестьянство не только выдвинуло из своей среды «могильщиков», но и само было, в известной мере, готово к собственной гибели.

2. На чем держалось господство большевиков в деревне?

Почему устояли большевики против мощного крестьянского движения в период гражданской войны? Причин несколько. Одна из них — установление власти над самым многочисленным слоем населения России — крестьянством. Попробую дать несколько срезов, показывающих, почему крестьяне, несмотря на серьезные конфликты и сопротивление, все же поддержали Советскую власть.

Отношение к власти может выражаться в трех видах: принятие и подчинение, сопротивление и, наконец, индифферентность. В конечном счете, повторяю, несмотря ни на что, произошло подчинение. Каковы же упомянутые срезы, которые позволяют проследить процесс подчинения?

1. Ориентация крестьян на соблюдение традиционного подчинения власти (власть — она и есть власть, каковой бы ни была).

2. Авторитет «личного» дара вождя (М. Вебер), присущий В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому.

3. «Чары» революции:

— надежды на «светлое» будущее, надежды прямо связанные с Советской властью, и, стало быть, признание ее, желание подчиниться ей;

— новая власть сплосковывала раскрепощенную личность (от церкви, старой морали, старой администрации, в какой-то мере от общинных традиций и пр.), отсюда ощущение вседозволенности, вседоступности; — большевики активной пропагандой всячески поднимали ощущение хозяина новой жизни (кто был ничем, тот стал всем), поднимали приоритет бедноты;

— появилась возможность самому стать частью новой власти или через власть возвыситься над односельчанами.

Последнее могло достигаться не только для приобретения общественного веса, но также и для:

- личного обогащения;
- сведения счетов, мести.

Приобщение к властным структурам могло происходить различными путями:

- посредством вступления в партию большевиков;
- через армию;
- путем вхождения в органы власти (разных уровней) или работой в общественных организациях, содействием им;
- посредством выдвижения куда-то «наверх».

4. Индифферентность («нам все равно») весьма значительной части крестьян.

5. Страх перед возможностью возвращения старых порядков и, вместе с тем и помещиков, которые отнимут полученную землю; страх перед возможностью возвращения «белых» порядков Деникина, Колчака, где тоже не сладко, где жутко.

6. Чтобы не вызвать недовольство всей деревни на почве надвигавшегося голода, большевики искусственно создают раскол деревни летом 1918 г. Как? Организация неимущих с тем, чтобы отнять хлеб у тех, кто его имел. Агитация, пропаганда, сама сущность Советской власти состояли в том, чтобы натравливать одну часть деревни на другую, поощрять доноительство. Тем самым нарушалась монолитность деревни, ее единство, ослабевала сила сопротивления новым порядкам. Имеется в виду в первую очередь подразверстка, мобилизации людей и лошадей в армию и на трудовую повинность, насаждение коммун и совхозов, упрочение власти бедноты и т. д.

7. Активное использование Советской властью фискальных функций возрождавшейся общины с целью подчинения крестьянского общества государству: введение круговой поруки при поимке дезертиров, выполнении подразверстки и иных натуральных повинностей (расклад по дворам, определение очередности и т. д.).

8. Насилие сверх легитимного, имманентно присущего государству, насилия:

— революционное «воспитательное» насилие (теоретическое обоснование см. у В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Г. Зиновьева и др.);

— революционное «вынужденное» насилие: когда революционный замысел не совпадает с действительностью, то необходимо насилие над жизнью; когда обычные смертные не понимают или не хотят понять замыслов и действий революции (например, пуля в лоб за несдачу подразверстки);

— а для постоянного воздействия на непослушного всегда в наличии мощный аппарат принуждения (РКП(б), ВЧК, продотряды, трибуналы и суды, заградительные отряды, армия и пр.).

9. Агитация и пропаганда.

а) Утвердительная, увещательная, завлекательная, т. е. — заверения в том, что мы, — большевики, — это хорошо. Ни одна власть никогда так не уверяла общественность, что Советская

власть — власть народная. Советское руководство и само в это верило. Ни одна власть не апеллировала столько к народу. Ни одна власть не давала народу столько обещаний (от раздачи земли и установления мира до построения коммунизма в кратчайшие сроки), сколько советская. Ни одна власть не ощущала себя настолько понимающей народ, что лучше его самого знала народные нужды, заботы и чаяния

Руководители государства вроде бы и на самом деле были из народа, а не из дворян и фабрикантов. А что это значило? Хорошо или плохо? А дворяне и капиталисты разве не народ?

Не злая воля, а желание добыть людям добро и счастье двигало большевиками. Но благими намерениями устлана не только дорога в ад, но и вся советская история.

б) Разоблачительная — белых армий, иных партий, буржуев, кулаков, их враждебных намерений и действий. Эта агитация была всегда агрессивной и наступательной. Разоблачениями нестрелены газеты, плакаты, наполнены речи ораторов на различных съездах и митингах.

в) Устрашающая (под видом блага):

— вот вернуться помещики и отнимут землю,

— образ врага;

— пугали и международным империализмом

г) А для агитации и пропаганды был создан мощный аппарат. Привлеченные партнеры большевиков для пропаганды своих идей особые учреждения (политотделы, комиссары и пр.) получали от государства для этих целей финансы всегда и иные средства

д) Однако лучшим агитатором всегда являлось дело. Что сделали большевики для крестьян? VIII съезд РКП(б) вроде бы учел наметившийся, как они говорили, поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти. Для его закрепления были намечены меры оказания помощи крестьянам. И в то же время, практически одновременно, последовали меры, открывавшие новый курс по отношению к крестьянству:

— продразверстка;

— «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»;

— Реформирование кооперации, приведшее к ее свертыванию

Все перечисленное создавало крепкий плацдарм в государственной машине для подавления открытого и пассивного сопротивления крестьянства. Крестьянские восстания против большевиков, усилившиеся год от года, достигли своего апогея на рубеже 1920/21 г. Разумеется, в их подавлении решающая роль принадлежала карательным акциям Красной Армии. Но она в своих действиях опиралась на мощную поддержку, правда, серьезно расшатанной и напуганной, но вместе с тем незаметно крепнущей и постепенно становящейся на ноги, советской системы.

1 ПРЕДДВЕРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ЕЕ НАЧАЛО

1. Путь к социализму через кооперацию или общину?

У руководства страной этот вопрос, тем более в форме дилеммы, пожалуй, и не стоял. Но все же... Ведь кооперация, это, как многожды подчеркивали последователи В. И. Ленина — «столбовая дорога к социализму». А община? Вспомним К. Маркса: при известных условиях она могла бы стать... Да мало ли что могло быть. Поэтому, почему бы не рассмотреть вопрос именно в альтернативном плане? В самом деле, что лучше: община или кооперация в плане использования в надвигающейся коллективизации? А, может быть, и то, и другое полезно?

Декларируя в годы нэпа всемерную поддержку кооперации как важнейшего орудия в построении социализма, большевики вроде бы усматривали в этом возможность безболезненного втягивания через кооперацию в «социализм» крестьянства. На самом же деле этот путь был призрачным. Кооперация к концу 20-х годов была неспособной к выполнению каких бы то ни было социально-преобразующих функций, да и своих непосредственных обязанностей. Превратившись в бюрократический полугосударственный монстр, она, раздираемая внутренними противоречиями, разрушалась сама по себе.

Превращению кооперации в бюрократическую организацию в сильнейшей мере способствовало то, что государство видело в кооперации не крестьянство, не человека, а аппарат. Кстати, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значение кооперации именно как ценного для государства аппарата¹.

Возможно, что руководство страной видело саморазрушение кооперации и не делало на нее ставку в начинавшейся коллективизации, хотя официально курс на ее всемерную поддержку подчеркивался даже в 1930 г.

Поднимая сегодня проблему в соотношении роли кооперации и общины в коллективизации, видимо, следует принять во внимание и такое обстоятельство: путь к колхозам через кооперацию был много хлопотливее, длиннее, словом «канительнее», чем через общину. К тому же выявились опасные, крайне нежелательные, но, похоже, неизбежные явления: развитие кооперации оказывалось возможным только в условиях товарно-денежных отношений, в то время как генеральный курс партии предполагал их свертывание. А сохранение и развитие товарно-денежных отношений, в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 202, 413

свою очередь, сопровождалось ростом капиталистических элементов, расслоением деревни. А дифференциация деревни... Страшно подумать! Не опасна ли она? Не слишком ли богатеет крестьянин? Как ограничить рост кулака? Вот вам и плоды кооперации. Вот вам и «столбовой путь»! Подобные мысли не давали покоя партийно-советским функционерам.

Другое дело община. Она, учитывая вышеизложенное, прежде всего, безопаснее. Здесь ничего не надо предварительно создавать. Все в наличии. Необходимо лишь перевести группу совладельцев земли в новое качество. И главное — никаких промежуточных форм и звеньев, минуя их — прямо в колхоз. От совместного пользования землей к совместному труду — только один шаг. Но какой? (Шаг влево, шаг вправо... Без предупреждения...).

Вот уж где открывалась возможность загнать человечество огулом к счастью! Озабоченность при этом только одна: обеспечить, чтобы лица людей не покидало чувство горделивого выражения от осознания обретенного счастья. Но это уже дело могучей агитпроповской машины.

Христианское смирение мужика (до поры до времени), его неуклюжесть происходившего, традиционная податливость магии власти, готовность к выполнению ее требований, — все это делало сельское общество надежной опорой государства. Община, как и до 1917 г., оставалась в его руках надежным инструментом.

Большевики, из тех, кто посмекалистее, видели в послушной общине плацдарм для организации будущих колхозов. Так оно и случилось. Недаром в 60—70-е годы среди историков возобновился старый спор между русскими народниками и марксистами об общине и «общинном пути» к социализму. Так, С. П. Трапезников утверждал, что община стала исходной формой коллективизации в деревне, что «советская революция подготовила земельные общества для перехода в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства»². В. П. Данилов отрицал это, полагая, что изменения в характере земельных обществ после революции не изменили природы общины, не превратили ее в переходную ступень к сплошной коллективизации, в связи с чем и возникла потребность в их ликвидации³.

Точка зрения Трапезникова была поддержана неконторами историками⁴. Но нашлись сторонники и у Данилова⁵.

² Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959. С. 65; Он же. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. I. С. 375.

³ Данилов В. П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. 1958. № 3.

⁴ Широков М. М. Работа коммунистической партии по овладению земельными обществами и переводу их на социалистический путь развития (1927—1929 гг.) // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1966. № 4; Погудин В. И. Путь

И хотя позиция Трапезникова нуждалась в серьезном документальном подтверждении, думается, что все же прав он, а не Данилов. Но, разумеется, Трапезников на этом «пути» не имел ввиду эффект своеобразного закона «стадности», безропотности и страха. А именно эти качества общины и использовала Советская власть, загоняя крестьян в колхозы.

Безусловно, советское руководство не было напрямую сориентировано на путь к «социализму» через общину. Возможность загнать в колхозы как можно больше народу, чуть ли не всех целиком, т. е. все сельское общество, конечно же, давала община.

Я никоим образом не хочу абсолютизировать свои выводы. Большевики использовали любой путь к достижению своей цели. Да, они использовали общину, но если возникала возможность организации колхозов через разрушение общины, они шли и на это. Как показала В. Я. Осокина, в сибирской деревне накануне массовой коллективизации образование колхозов происходило «главным образом путем выдела из многодворной общины». Возникшие колхозы состояли из членов разных земельных обществ⁶.

И еще одно обстоятельство, исключавшее поголовное вхождение общинников в колхоз. На собраниях крестьян, посвященных вхождению в колхоз, разумеется, организаторы стремились добиться единодушного решения, т. е. всех крестьян. И в то же время вдруг возникал вопрос: а как быть с кулаками? Принимать ли их в колхоз? Ответы сперва были разными, но в итоге дали установку: кулаку в колхозе не должно быть места. Значит, в единогласие, если таковое было вносились коррективы.

По мере достижения цели община отбрасывалась за ненадобностью. 3 февраля 1930 г. президиум ЦИК СССР утвердил «Основные положения об организации сельских Советов», в котором говорилось: «В районах сплошной коллективизации земельные общества ликвидируются, причем все их права и обязанности полностью передаются сельским Советам»⁷. В развитие этого положения ВЦИК и СНК РСФСР 30 июля 1930 г. приняли постанов-

советского крестьянства к социализму: Историкографический очерк. М., 1975. С. 93. Близко примыкал к этой позиции Е. Н. Осолков. См.: Осолков Е. Н. Борьба за овладение земельными обществами в казачьих районах Северо-Кавказского края накануне сплошной коллективизации // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI.

⁵ Муравьев В. Е. Земельные отношения в Уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 330—335. По существу примыкала к позиции В. В. Данилова, В. Я. Осокина (См.: Осокина В. Я. К вопросу о судьбах русской поземельной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI).

⁶ Осокина В. Я. К вопросу о судьбах русской поземельной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 144.

⁷ СДЗЗ. С. 465—466.

ление «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации»⁸.

*
* *
*

Опыт использования общины в коллективизации представился советскому руководству удачным. Его решили еще раз применить в послевоенной коллективизации в западных районах Украины, вошедших в состав СССР накануне второй мировой войны (а Западная Украина — в 1945 г.). Правда здесь никакой общины не было. Но ее срочно создали. Ведь земельные общества (громады) создавались не по инициативе крестьян, а распоряжением сверху, в приказном порядке. (Естественно, они не имели ничего общего с традиционной многовековой общиной России). Создавались громады под благовидным предлогом: быстро восстановить сельскохозяйственное производство. Но, заполучив такой плацдарм, государство в западных районах Украины раньше, чем в Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии сумело провести коллективизацию. В западных районах Украины уже в 1947 г. стали возникать районы «сплошной коллективизации» и определялся, якобы, «перелом» в сознании крестьянских масс. А в 1948 г. фактически все было завершено, в то время как в других новых регионах СССР к коллективизации только приступили. Почему эксперимент провели только на Украине? Но это уже другой, самостоятельный вопрос.

2. Разложение и консолидация общины

А могло ли такое быть? Совместимо ли одно с другим? Не исключает ли одно другое? Попробуем разобраться на сей счет.

Община давно перестала быть целостной, единой. Неуместны сетования некоторых публицистов об «артельном духе» общины, о «вольной артели», — качествах деревни, которые якобы были сметены коллективизацией⁹.

Да никогда община не была организацией, проникнутой артельным духом. Тем более в XX в. Все это напоминает народнические утопии.

Раскол общины приобретает зримые черты в XIX в., замство усиливается в годы столыпинской аграрной реформы. Несмотря на возрождение общины во время аграрной революции 1917—1918 гг.,

⁸ Этому постановлению предшествовали инициативы в том же направлении с мест. Так, Бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) 11 декабря 1929 г информировало ЦК ВКП(б), что приняло такое решение: «Считать необходимым в селах, где все бедняцко-средняцкие хозяйства вошли в колхозы, провести немедленно ликвидацию земельных обществ» (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 44. Л. 91).

⁹ Ланинков А., Салуцкий А. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. М., 1990. С. 153.

одновременно большевики пытаются искусственно, на почве голода, расколоть деревню с помощью комбедов.

Аграрная и социальная политика Советской власти в 20-е годы как же была направлена на поддержку бедноты и постоянный прессинг состоятельных слоев. Этому способствовало постоянное противопоставление бедноты «кулакам» посредством агитации и пропаганды.

Да, маломощные слои всегда, так сказать, органически были враждебны состоятельным крестьянам. Наиболее богатых и сильных в деревне называли «мироедами», «кулаками», «мирскими захребетниками». Знать было за что. Последние же, в свою очередь, не жаловали бедноту, презрительно клеймя их «толтыбой», «ленгями», «лежебоками». И в этом тоже была доля правды¹⁰. Политика Советской власти приводила к удивительному парадоксу. Крестьяне с удивлением убеждались, что «выгоднее сидеть, сложа руки на животе и ждать от государства кусок хлеба», чем гнуться на тяжелой работе.

Политика натравливания одних слоев на другие приносила свои плоды, особенно со второй половины 20-х годов. Из Пензенской губ., например, сообщали в 1926 г.: «На базарах только и считали, у кого сколько кулаков и бедноты. Все обвиняли друг друга. Дело доходило вплоть до убийств»¹¹.

Однако, несмотря на антагонизм, в деревне постоянно держался своеобразный баланс сил, равновесие, поскольку органическая неприязнь к богатому, зависть уравнивались страхом и даже уважением к богатому соседу и, конечно же, материальной зависимостью от него. Бедняк обращался к нему за лошастью, за инвентарем, за куском хлеба, за стаканом молока для детей. Порой просил даже помыться в бане соседа. Расплата же за все это была не только экономического порядка (отдача долга с процентом, не-

¹⁰ Некий писатель советской историографии относительно бедноты накладывал определенное табу на саму возможность каких-либо критических замечаний в адрес этой социальной группы. Поэтому ее социальный портрет был весьма схематичным, безликим. Между тем разношерстность этой группы давала необыкновенное разнообразие типов и характеров. Вот для иллюстрации один из «образов» бедняка. По воспоминаниям Ф. Ф. Лаврухина, родом из крестьян Жиздринского района Калужской губ., «были и такие, которые не хотели работать ни дома, ни в поле». (Речь идет о событиях после 1917 г.). Далее он пишет: «Землю некоторые не обрабатывали, а сдавали в аренду. Те в нашей деревне, кто находил арендатора, такие как Бабанов, Катечкин, имевшие семьи, жен, детей, жили бедно, грязно и голодно. В основном занимались воровством — где чего могли украсть, в то время это было просто. Продукты: рожь, крупы, мука хранились в амбарах, которые никогда на замки не закрывались... Бывало, в полях вокруг деревни красуется где рожь, где картофель, овес, горох и прочие культуры. Красивые квадраты, как на картинке. И изредка видишь некоторые квадраты, заросшие бурьяком. Спрашивать не надо, чьи это участки: каждый знает — Бабанова, Катечкина или Принцева» (Лаврухин Ф. Ф. Мое деревенское детство под Жиздрой // Сельский мир. 1994. Январь. С. 37).

¹¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 4. Д. 21. Л. 12, 15.

эквивалентная отработка и пр.), но и политического, например, при выборах в сельсоветы. Такая зависимость заставляла отдавать голос бедняка кандидатам и предложениям богатых, «потому что не можем выступить против наших богатых соседей и кумов из-за совести, ибо в противном случае наши соседи не только не одолжили бы нам нужных в хозяйстве предметов, но и выгнали бы нас из своих домов, осыпая разными оскорбительными словами». (Письмо крестьянина В. Архипова из села Чурашево, Воскресенской волости, Чебоксарского уезда Чувашской автономной области в «Крестьянскую газету» в 1924 г.)¹².

В свою очередь, богатые крестьяне всегда нуждались в дешевой рабочей силе. Внутриобщинный найм обычно оказывался самым дешевым. К тому же всегда находился рядом бедный сосед, который вечно ходил в должниках, которого проще было привлечь к самой дешевой арендной работе. Внутри общины существовала и самая дешевая аренда земли. Как правило, множество участков забрасывалось по причине дальноземелья.

Имелось достаточно бытовых обстоятельств, в силу которых отношения богатого с бедняком строились как отношения благодетеля и холопа. Поэтому, появившийся в 20-е годы термин «полкулачки» не лишен основания. Так называли тех крестьян, которые всячески поддерживали богачей на сходах и собраниях. Последние же особенно нуждались в такой поддержке с момента включения в местные политические игры (связанные, прежде всего, с выборами в Советы).

Неосторожная, негибкая политика Советов каждый раз сама способствовала тому, что она не только не разъединяла деревню, а, наоборот, кидала бедняка в объятия кулака или сама заставляла защищать его. Так, в годы продрозверстки нередко бедняки не выдавали тех, у кого имелся запас хлеба, предпочитая, чтобы он оставался в деревне, и было у кого взять его займы, когда кончится свой. А обман правительством крестьян в 1928 г., лживые обещания вновь толкнули крестьян к кулаку, сблизили их.

Видимо, прав Л. Б. Алаев, когда вопреки традициям отечественной историографии о генеральном пути эволюции общины в сторону ее разложения, заметил, что на общину «одновременно действуют разлагающие и консолидирующие факты», которых множество: экономические, социально-политические и пр.¹³.

Своеобычный «союз» бедняка с кулаком строился, безусловно, на том, что был выгоден богатому, бедняк же в этой упряжке оказывался вынужденным.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 106—107

¹³ Алаев Л. Б. Проблемы сельской общины в классовых обществах (Историография вопроса) // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 2. С. 172.

Кроме того, более или менее прочное единство деревни могло поддерживаться и следующим немаловажным фактором. Жизнь настолько разнообразна и сложна, что, несмотря на углублявшийся раскол, в деревне постоянно оставалась какая-либо сфера общих интересов. И это связующее начало побуждало к совместным действиям всех крестьян. Например, общая нужда в товарах, которая подталкивала крестьян к кооперации. Так было в первую мировую войну, когда потребность в хлебе и иных товарах толкала вступать в «потребилочки» чуть ли не целые общества. Так было и во второй половине 20-х годов, когда нужда в «ширпотребе» побуждала также к массовому вступлению в кооперативы. Их называли «мануфактурными», ибо только в кооперации крестьянин мог приобрести ситец и иные товары городского производства.

Но такие образования как бы «не в счет», имея в виду проблему трансформации общины в кооператив. Такие объединения напоминали искусственные артели Н. В. Левитского конца XIX в., как временное пристанище от нужды. Но только к концу 20-х годов нужда крестьян в промышленных товарах была постоянной. И когда выдохлись кооперативы, народ стали заманивать возможностью их приобретения в колхозах.

Как бы промежуточным вариантом стали поселковые товарищества и контрактация, которая вроде бы учитывала заинтересованность в ней всех слоев деревни

На деле контрактация подготавливала активное разрушение общины. Самодостаточность и целостность крестьянского мира могла быть разрушена только извне.

3. Контрактация — первый опыт массового закабаления общины с помощью кооперации

Первый опыт массового огульного втягивания в будущее рабство происходил на основе системы контрактации государства с отдельным обществом на производство и закупку определенного вида сельскохозяйственной продукции.

Контрактация продукции крестьянского хозяйства возникла как одна из форм заготовки сырья для промышленности. В советской историографии контрактации отводится решающая роль в переходе от кооперирования товарооборота к кооперированию производства¹⁴. Такая оценка всецело исходила из решений XV съезда РКП(б), указавшего, что контрактация «может и должна слу-

¹⁴ Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. С. 102; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 250, История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. С. 55, и др.

жить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле слова...»¹⁵.

В 20-е годы контрактационный договор заключался государством через посредничество кооперации с крестьянскими хозяйствами. Договор должен был гарантировать заготовителям поступление определенного объема сельскохозяйственной продукции в определенные сроки. Контрактующие организации обязывались выплатить за сданную им продукцию заранее установленную цену независимо от рыночных колебаний.

В 1926/27 г. контрактационные договоры на все виды продукции (сахарная свекла, хлопок, лен, табак, подсолнух, в меньшей мере — сортовое зерно) охватили 1316 тыс. га посевов 974 тыс. крестьянских хозяйств (т. е. около 5%). Общий объем законтрактанной продукции составлял 208 855 тыс. руб. В порядке авансирования было выдано 60 217 тыс. руб.¹⁶.

Контрактационные договоры первоначально заключались с отдельными хозяйствами. Однако государство и кооперативы были заинтересованы в охвате контрактацией как можно большего числа целых сельских обществ. Как сообщала 10 ноября 1928 г. фракция ВКП(б) правления Лыноцентра (Центральное кооперативное товарищество льноводов) руководству партии контрактацией льна было охвачено 7 важнейших льноводческих районов (Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская, Московская губернии, Ленинградская область). Льноводческой кооперацией в 1928 г. было заключено 3149 договоров с целыми селениями¹⁷.

Контрактация с целыми обществами имела для государства ряд преимуществ. Во-первых, появилась возможность применять в широких масштабах технику на полях. Во-вторых, насаждать чистосортные посевы на больших территориях. И, в-третьих, подчинить государственному контролю и плановому началу зажиточные хозяйства.

В 1928—1929 гг. контрактация стала применяться и в заготовках зерна. В озимую кампанию контрактация охватила (по неполным данным Хлебоцентра) 3830 целых селений¹⁸.

В сентябре 1928 г. Хлебоцентр, приступив к контрактации яровых сортовых посевов 1929 г., наметил охватить площадь посева в 2,5 млн. га. К контрактации, согласно его планам, должны были привлекаться «исключительно целые земельные общества и груп-

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 301.

¹⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. С. 250.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 20. Д. 20. Л. 194.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 20. Д. 20. Л. 261 об.

пы смежных земельных обществ»¹⁹. В ходе контрактации предусматривалось создание новых колхозов, товариществ и пр. объединений.

При всей грандиозности замыслов уже осенью 1928 г. выявились слабые стороны контрактации, которые, затрудняли ее проведение. Прежде всего, незначительность выделенных авансов, что сильнейшим образом подорвало доверие крестьян. Не оправдала себя и практика распределения авансов по трем категориям: бедняк, середняк и зажиточные.

Надеяая хомут на крестьянство с помощью кооперации, государство подминало под себя и ее самое, из-за чего страдала в первую очередь заготовительная работа кооперации. Начиная еще с 1926 г. государственное регулирование ее деятельности обернулось некомпетентным вмешательством. В результате: систематическое урезывание планов сельскохозяйственной кооперации как в центре, так и на местах, сокращение хлебозаготовительной сети кооперации, административное вмешательство в ее хлебозаготовительную работу (закрытие ссыльных пунктов, запрещение отдельным первичным кооперативам вести заготовительную работу, отчуждение кооперативных амбаров и передача их госзаготовителям, принудительное отчуждение зерна, заготовленного по плану Хлебцентра и пр.)²⁰

Государственные органы свое вмешательство в работу кооперации объясняли необходимостью создания единого согласованного фронта заготовительной работы²¹. А кооперация, по их мнению, сплошь и рядом работала по своему усмотрению, а не по инструкциям свыше. Так, кооперативы, находившиеся в глубинных пунктах, покупая хлеб, обычно оплачивали его доставку до пристанционной ссыпки по цене, превышавшей фактическую стоимость провоза, создавая тем самым реальную выгоду для крестьян²².

Контрактация в итоге создавала единый фронт хлебозаготовок, но исчезала гибкость кооперации под тяжестью единых инструкций и ценовой политики государства.

Государственная политика сознательной интервенции кооперативоподобных идей в деревню со второй половины 20-х годов привела действительно к мощному распространению контрактации.

Контрактация быстро превращалась во всепожирающего зверя. Из Колывановского района Новосибирского округа весной 1930 г. сообщали, что случались такие факты, когда, например, коммуне по законтрактованному посеву предлагалось во время

¹⁹ Там же. Л. 260.

²⁰ Там же. Л. 252—253 об.

²¹ Там же. Ф. 5240 Оп. 4 Д. 73 Л. 25—26, 92, 160

²² Там же Л. 18

хлебозаготовки сдать все вплоть до семенной пшеницы, после чего крестьяне вынуждены были заново завозить семенной материал²³.

В июле 1930 г. Народный комиссариат торговли РСФСР в секретной сводке «Торговая конъюнктура РСФСР и районов в июне месяце 1930 г.» подготовил обзор о ходе хлебозаготовок по контрактационным договорам. В нем, в частности, сообщалось, что «особенно плохо обстоит дело с закреплением контрактационных договоров в индивидуальном секторе». Так, на Северном Кавказе оказалось закрепленными лишь 17,5% площади посева индивидуального сектора, а на Нижней Волге и того меньше — 7,5%. Анализируя причины такого положения, комиссариат пришел к выводу, что это объясняется слабостью низовых звеньев системы сельскохозяйственной кооперации, распространенным мнением, что хлеб будет заготовлен и без контрактации, недостаточной помощью местных общественных организаций, медленной выдачей авансов, и «кулацкой агитацией», а также «допущенными в прошлом году ошибками при проведении контрактации». Вскользь упоминались и иные, на мой взгляд, более важные причины. Так, в некоторых районах Воронежской области крестьяне отказывались заключать договоры на том основании, что при проведении заготовок 1929 г. «с контрактационными договорами и установленными нормами не считались»²⁴. Нетрудно догадаться, что за этим стояло: заготовители выгребали столько, сколько нужно.

Недаром тогда же на Северном Кавказе родилась частушка о контрактации, которая распевалась молодежью:

Ой, капут, капут, капут —
Контрактацию берут.
Оставляют один пуд
И то завтра заберут²⁵.

Важно заметить, что контрактация допекла не только состоятельные слои деревни, но и бедноту. Так, из Ульяновской области сообщали, что «крестьяне неохотно идут на контрактацию, имеются факты отказа от контрактации групп бедноты и земельных обществ»²⁶. Составители упоминавшейся сводки в данном случае выдвигали еще две причины: пониженные виды на урожай, и главное — «слабость самой контрактующей системы». Под этим можно понимать массу факторов вплоть до самого настоящего головоплетства организаторов контрактационных договоров, как, например, сообщали из Костромской области. Здесь при проведении

²³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 206 Л. 292

²⁴ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 2. Д. 463 Л. 308.

²⁵ Варнавских И. А. Частушка как выражение настроений времени // Проблемы устной истории в СССР: Тезисы научной конференции 28–29 ноября 1989 г. в г. Кирове. Киров, 1990. С. 13

²⁶ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 2. Д. 463 Л. 308

контрактации по мясозаготовкам от крестьян требовали расписку такого содержания: «Принимаю на себя ответственность за кражу, гибель скота от каких бы то ни было причин, не исключая и случая воздействия непреодолимой силы (?) и несу ответственность за все могущие произойти от этого райсоюзу убытки»²⁷ (подчеркнуто мною — В. К.). Такая расписка не только снимала с заготовителей всякую ответственность, но и открывала широкие возможности для злоупотреблений.

С мест сообщалось об абсолютной непригодности уполномоченных, проводивших контрактацию, которые крестьянам ничего не объясняли, а только запугивали. Так, Прушинское кредитное товарищество (Воронежская губ.) для проведения контрактации выделило некоего Пичугина — пьяницу, который на вопросы крестьян, что такое контрактация, не мог дать никаких разъяснений. А на собрании бедноты и середняков в одном из сел Краснодарского края председатель правления сельскохозяйственных кооперативов Лысенко вел с крестьянами такой разговор: «Я буду с вами говорить сначала по-хорошему, а потом буду драться». Постепенно повышая тон, он спросил присутствовавших: «А кто из вас не признает советские постановления? Поднимите руки. А почему вы не подписываетесь на контрактацию?»²⁸

На помощь уполномоченным по хлебозаготовкам с промышленных предприятий направлялись рабочие бригады. В 1929 г. рабочий Чернореченского химзавода Богомолов по постановлению Нижегородского оргбюро ВЦСПС и правления а/о «Союзхлеб» был включен в бригаду «по проведению сдачи законтрактованного хлеба» у крестьян и совхозов. О творимых безобразиях он написал 14 августа 1929 г. письмо Сталину. В частности он писал: «Проходила тут хлебозаготовка, вот последняя в конце июня с. г. закончилась, оставили крестьянам по 30 фунтов на едока в месяц, у большинства не хватило хлеба до своего урожая, пришлось покупать, продавать скотину — рабочих волов». Эта заготовка проводилась представителем ЦК ВКП(б) Юревичем. Но после него в июле прибыл новый заготовитель, местный функционер Харламов. «Взяли хлеб, — писал Богомолов, — не хватило до жнитва, продавали скот, как бы дожить. Жалуются, взяли хлеб по 80 коп., а покупать приходится по 12 руб.»²⁹

В письме в ЦК ВКП(б) анонимный партизек сообщал о начавшихся восстаниях в Сибири, о насилии над крестьянами, о неприятии ими коллективизации (1930 г.) «Сейчас, — отмечал он, — проводится контрактация скота, где у крестьян забирают последних коровенок»³⁰.

²⁷ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 2. Д. 463. Л. 306.

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 93. Л. 186—187.

²⁹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 16. Л. 58—59.

³⁰ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 215.

Можно назвать еще одну причину непопулярности контрактации. В историографии подчеркивается исключительное значение контрактации в деле стимулирования крестьянского производства, в частности посредством авансирования. Однако в секретном конъюнктурном обзоре по системе хлебной кооперации в связи с ходом посева озимых осенью 1930 г. отмечалась «слабая материальная заинтересованность контрактантов вследствие отсутствия преимуществ в снабжении промышленными товарами и недостаточности увязки контрактации и машиноснабжения и агрообслуживания»³¹. Процент погашения задолженности по контрактационным авансам под озимую посевную кампанию 1930 г на конец года составлял по Северному Кавказу 61,3, ЦЧО — 62,7, Средней Волге — 27,6, Нижней Волге — 60,0, Казахстану — 23,1, Западной Сибири — 29,7, Восточной Сибири — 57,0, Татарии — 36,9, Украине — 66,3³².

А между тем, несмотря на все отмеченные недостатки, общая картина состояния контрактации по отчетам оставалась весьма благополучной. Цифры из года в год росли. Так, охват контрактацией посевов по СССР (без совхозов и МТС) на 1 декабря 1930 г. составлял 53,7% по сравнению с 44,0% под урожай 1930 г.³³ Это мнимое благополучие достигалось за счет обмана, демагогической лжи, угроз и насилия государства над крестьянством.

Ведь наивысших успехов контрактация достигла в годы хлебозаготовительного кризиса, когда с помощью драконовских мер заготовительные органы выгребали из деревни все подчистую, не считаясь ни с чем. Контрактация способствовала этому разбою. А между тем отечественная историография никогда не обнаруживала здесь взаимосвязи. И даже когда в перестроечные годы появились голоса, разоблачавшие методы коллективизации, контрактация оставалась как бы сама по себе со своими мнимыми успехами.

С помощью контрактации государство закабаляло крестьян, при этом главным орудием закабаления явилась кооперация, через которую государство и оказывало разностороннее воздействие на крестьянство. При этом контрактация меняла и сам характер работы кооперации, ибо ставила ее в такое положение, при котором ее деятельность строилась и проводилась по методу контрактации.

И далее следовал весьма логичный и «естественный» ход событий: объединять контрактруемые хозяйства в колхозы. Так, например, постановил ЦИК Таджикской ССР: «В целях максимального использования контрактационных сумм для коллективизации

³¹ Там же Ф 3983 Оп 2 Д 463 Л 260

³² Там же Л 253

³³ Там же Л 260

сельского хозяйства признать необходимым объединение контрактующих хозяйств в колхозы»³⁴.

4. Начало «великого перелома»

Поскольку теоретически считалось, что коллективизация — дело добровольное, то предполагалось в каждом конкретном случае уполномоченным по проведению коллективизации собирать крестьян на сельский сход или общее собрание с целью выявить желающих записаться в колхозы. Так предполагалось. Но что было на практике?

Летом 1929 г. возникла идея сплошной коллективизации Хоперского округа Нижне-Волжского края. Здесь в большей мере, чем в других местах, стали проявляться администрирование и насилие при проведении коллективизации. Об этом свидетельствует письмо инструктора Колхозцентра СССР Баранова, который писал, что здесь часто применялся лозунг: «Кто не идет в колхоз, тот враг советской власти». Он описывал случай, когда постановлением схода организовывали колхоз, а нежелающим вступить предлагали подать заявление, почему они не желают идти³⁵.

В сводке сообщений с мест уполномоченных Наркомзема СССР от 27 февраля 1930 г. говорилось, что «отмечаются случаи административного коллективизирования. При решениях вопроса на деревенских сходах ставятся вопросы «кто за советскую власть». Или организаторы колхоза «считали членами колхоза всех крестьян, которые были на сходах, где обсуждались вопросы коллективизации»³⁶.

О том как проходила организация колхоза в одном из сел Мордовии сохранились воспоминания одного из активных организаторов колхозов Г. В. Тултаева. «Тогда, — писал он, — очень часто проходили бурные собрания граждан с Синдрова по вопросу о сплошной коллективизации. На собрание явились почти все жители от мала до велика, женщины садились в первые ряды, а мужчины — сзади. Женщины засыпали вопросами приезжающего докладчика: «Как будем жить в колхозе?» И они же в один голос кричали: «Не пойдем в колхоз» и т. п. Мужчины упорно молчали, сидя за спинами женщин. Были конечно и желающие войти в колхоз, но они побаивались своих. На селе была круговая порука «Не вступать и все». На собрании обычно ставился вопрос (после всего этого шума): «Кто желает вступить в колхоз, поднимите руки». Никто. Потом задавался второй вопрос: «Кто против колхоза, поднимите руки!» Никто. Приходилось объявлять: «Собрание за-

³⁴ РГАЭ Ф 7486 Оп 19 Д 64 Л 107

³⁵ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989 С 289

³⁶ РГАЭ Ф 7486 Оп 19 Д 64 Л 108.

крывается, все присутствующие считаются колхозниками, можете расходиться»³⁷.

В сводке сообщений уполномоченных с мест о ходе посевной кампании на 13 марта 1930 г. отмечались следующие факты о развитии коллективизации: «Стремление во что бы то ни стало в районе провести сплошную коллективизацию продолжается. При этом соответствующая массовая работа не проводится. В Сибири существует лозунг: «Издайте приказ, и все вступят в колхоз».

В с. Ярышке Березанского района без всякой подготовительной работы был созван сход, на который явилось не более 30% избирателей и было «протянуто» постановление о переходе всего села на сплошную коллективизацию, причем это село в массе бедняцкое, за время революции не переживало никаких революционных потрясений, не получило земли помещиков, а в свое время было раскулачено только несколько кулаков.

Аналогичный случай был в Ферганском округе УзССР. В Чуст-Папском районе было предложено коллективизироваться селению Юкары-Мазар, где еще только 2 года как существует сельсовет и население не было в нем кооперировано (занимается главным образом скотоводством).

Уполномоченный Чиганов — «черный ворон» — арестовал все собрание и заявил, что никто не уйдет, пока не запишутся в колхоз. Поставил исполнителей на дверях. Сдержал слово. Двое суток продержал все собрание и коллективизировал всех.

Уполномоченный ГПУ в Ялтуоровске Красовский давал наказ уполномоченному по коллективизации Леванову: «Не желает идти в колхоз, присылай на выдержку ко мне. Недельку подержу — пойдет». Такие методы практиковались. Из села Ивановки и других посылались с пакетами в ГПУ нежелавших записываться в колхоз.

Ялтуоровск, райсовет Лыбаево (Урал). Инструктор Молсоюза Комольцев коллективизировал следующим образом: держал перед собой два списка: «1. в Нарым, 2. в коллектив»³⁸.

Судя по документам, довольно многочисленным представляется тот слой крестьян, которые сомневались, колебались или просто не понимали, что происходит. Да и не могли сделать выбор из-за низкой разъяснительной работы. Что же такое колхоз? Как там работают и живут? Слухов на сей счет, самых невероятных и нелепых было много, а толковых объяснений — мало.

Сомневающимся говорили: «Выбирай — или колхоз, или Соловки. Не идешь — раскулачим»³⁹. На вопрос, что будут делать с теми, кто не пойдет в колхоз, уполномоченные по проведению

³⁷ Незабываемые годы. Сб статей. Саранск, 1967. С. 324.

³⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 70. Л. 40.

³⁹ Центр хранения документов молодежных организаций (далее — ЦХДМО), бывший архив ЦК ВЛКСМ. Ф. 1 Оп. 23. Д. 976. Л. 6.

коллективизации отвечали: «Будем выселять за пределы коллектива, в болотистые места, а если и там не будет коллектива — на Соловки, Лулу, да мало ли еще есть земли необитаемой»⁴⁰.

А то и вовсе вместо ответов на вопросы организаторы колхозов, часто комсомольцы, «делали выстрелы»⁴¹.

Или вот еще образчик ответа на вопрос, что будет с нежелающими вступить в колхоз: «Мы у таких отберем землю и имущество, дадим в зубы билет и чтобы в 24 часа он уже был на станции... и отправляется, куда хочет»⁴².

Рассказывали, что «были также случаи со стороны комсомольцев: один делает доклад, а другой стоит у двери с наганом и никого не выпускает»⁴³.

В документах того времени отмечается, как «массовое распространение», угрозы ненаделения земель, высылка на пески, на север»⁴⁴.

Организаторы колхозов призывали «в 24 часа войти в колхоз», а «того, кто будет идти против колхозов, будем выжигать каленым железом». «Не в колхоз, так туда, куда Макар телят не гонял»⁴⁵.

В одном из сел в Западной Сибири на проходившем собрании крестьян у дверей поставили вооруженных охранников. Уходивших с собрания догоняли с криком: «Стоп! Ни с места, назад!». В результате все село вошло в коммуну и провело обобществление земли, инвентаря и скота вплоть до курицы. После ссыпки хлеба в один амбар коммунарам прекратили выдачу пайка. Дело было доведено до такого состояния, что ожидали открытого выступления против колхозов»⁴⁶.

В селе Новопокровском (Западная Сибирь) уполномоченные по коллективизации на собрании крестьян вопрос поставили предельно просто: «Кто за партию, за коллективизацию — тот за советскую власть, кто против коллективизации, тот за буржуазию»⁴⁷.

Или вот любопытная форма «вовлечения» в колхоз: «Посылаем крестьян неколхозников за сеном для колхоза, а оплатят тогда, когда войдут в колхоз»⁴⁸.

Перечень фактов насильственного загона крестьян в колхозы можно бы продолжить. Ныне они хорошо известны в литературе. Об их широком распространении свидетельствует и докладная записка наркома земледелия СССР А. Я. Яковлева И. В. Сталину.

⁴⁰ Там же. Д. 969. Л. 59

⁴¹ Там же. Д. 976. Л. 6

⁴² Там же. Д. 971. Л. 60—61.

⁴³ Там же. Д. 969. Л. 66 об.

⁴⁴ Там же. Л. 1

⁴⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 23. Д. 969. Л. 59, 66; Д. 975. Л. 63.

⁴⁶ Там же. Д. 975. Л. 86.

⁴⁷ Там же. Д. 969. Л. 66 об.

⁴⁸ Там же

26 марта 1930 г. он сообщал: «Мы завалены телеграммами следующего стандарта: «Население села Болдарева срочно просит защиты. Председатель Аличенко забрал хлеб семенной, капустные огороды, тех крестьян, кто не пошел в коллектив, арестовал. Не дает права выехать в степь на сев. Плач, рыдалье, голод на носу. Бедствуют крестьяне, просят ответить». Таких телеграмм много направлено в ЦК. Считаю необходимым дать директиву местам...»⁴⁹.

Была и другая сторона насилия, которая также ломала вековые устои, традицию и самого крестьянина. Одновременно с коллективизацией (или предшествуя ей) происходила т. н. «ликвидация кулачества как класса», а попросту издевательство, надругательство и преступление перед крестьянством⁵⁰. Этот процесс обстоятельно освещен в недавно вышедших книгах Н. А. Ивницкого⁵¹.

Поэтому я ограничиваюсь лишь перечислением некоторых новых фактов без какого-либо комментария, ибо сами факты довольно красноречивы.

Прежде всего, ни крестьянам, ни тем, кто раскулачивал, не был ясен смысл творимого. Обоснование данной акции укладывалось в простую, но страшную агитку, сводившуюся к тому, что «кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Эти кровопийцы наживались на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты... Эти пиявки пили кровь трудящихся... Беспощадная война против этих кулаков, врагов колхозов и Советской власти»⁵².

Сообщения сводок о ходе коллективизации пестрят информацией о том, что проводившие коллективизацию уполномоченные и иные активисты «были заражены голым раскулачиванием» и «творили неслыханные безобразия, раскулачивали не только кулаков, середняков, но даже и бедняков»⁵³. Особенно зверствовала молодежь, комсомольцы. Они воспринимали раскулачивание «как раздел имущества между собой»⁵⁴.

Они брали буквально все и ничем не отличались от мародеров. В одном случае они набивали карманы сухими яблоками, в дру-

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 59. Л. 31.

⁵⁰ В традиционной советской историографии «ликвидация кулачества как класса» трактовалась как процесс, происходивший на основе сплошной коллективизации. В действительности же сплошь и рядом одно не зависело от другого и ликвидация т. н. кулачества предшествовала коллективизации или шла параллельно. Но было, конечно, и на «основе» коллективизации.

⁵¹ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) М., 1994; Он же То же. 2-ое изд. доп. и переработанное. М., 1996.

⁵² ЦХДМО Ф. 1. Оп. 23. Д. 976 Л. 79.

⁵³ Там же Д. 975 Л. 54, 87.

⁵⁴ Там же Д. 967. Л. 2

гом конфисковывали золотые вещи⁵⁵, а в третьем — все подряд — от тряпок до драгоценностей. При этом не проводилось никакого учета, никаких списков изъятых вещей не составлялось.

В сводках сообщалось, что секретарь комсомольской ячейки Букреева (Старо-Оскольский округ) при раскулачивании взяла туфли, другие комсомольцы брали швейные машины, часы, валенки, «потеряв через это всяческий авторитет среди бедноты». Далее говорилось, что комсомольцы «опустились до того, что отбирали совершенно не нужные вещи: пеленки и даже недописанный карандаш»⁵⁶.

Многочисленные сообщения поведали о том, что «часто раскулачивали середняков», «раскулачивали ночью», «проводились на кулаков ночные налеты, имущество отбиралось и присваивалось себе»⁵⁷; «отбирали имущество у кулаков, выгоняли их босых на улицу»⁵⁸.

В одном из сел Омской губ. комсомольцы выводили раскулаченных на улицу, забирали все вещи, вплоть до нижнего белья, «снимали штаны с кулаков, раздевали прямо на улице».

В одной комсомольской ячейке в Тамбовском округе при раскулачивании комсомольцы распивали мед. В Колдобровской ячейке (Старо-Оскольский округ) комсомольцы забирали у кулаков деньги и пропали их. Ходили по селу хмельные с криками «ура» и «мы живем»⁵⁹.

В сводке по Калачинскому району Омской губ. говорилось: «Проводили обыск у кулаков ночью, забирали все, вплоть до постельной принадлежности; в группу кулаков зачислялись также середняки. В одной ячейке этого же района комсомольцы сделали «демонстрацию», ведя по деревне полураздетого кулака. В Корниловской ячейке комсомольцы ночью заходя в хату кулака, предлагали выселиться с детьми немедленно и на улице снимали шапку, шубу, и кулак ночью ходил с детьми и искал квартиру»⁶⁰.

В одном из сел бригада по проведению коллективизации «выгоняла из домов кулаков и решила, что она ликвидировала кулака как класс»⁶¹.

Комсомольцы Золотулинского района Курского округа додумались до того, что ими был «отрыт на кладбище труп бывшей купчихи, труп выброшен, цинковый гроб был сдан в утильсырьё»⁶².

В селе Линьки Благовещенского района уполномоченный Алексеев, член краевого комитета партии Константинов и секретарь

⁵⁵ Там же Д. 975. Л. 6, 54.

⁵⁶ Там же Д. 975. Л. 54

⁵⁷ Там же Д. 976. Л. 6.

⁵⁸ Там же

⁵⁹ Там же. Д. 975. Л. 56; Д. 969 Л. 69.

⁶⁰ Там же Д. 975. Л. 56

⁶¹ Там же Л. 54.

⁶² Там же Д. 976. Л. 6

первичной ячейки Полянский ночью созвали чрезвычайный «штаб», вооружили людей охотничьим и другим оружием и дали задание к 8 часам утра «ликвидировать кулака как класс». В результате «отобрали все, вплоть до горшков и одежды, произвели арест середняков и направили их в район». При этом уполномоченные «конфисковали все кулацкое имущество, вплоть до грязного старого белья, говоря: «Пойдет на утильсырье».

В том же Благовещенском районе председатель райисполкома на пленуме давал такие установки: «Если есть у кулаков две пары валенок, то новые надо взять»⁶³.

В Тамбовском округе, в Кирсановском районе комсомольцы вынесли решение расстрелять 30 кулаков⁶⁴.

В этой всеобщей вакханалии община не могла заступиться за своих членов. Кучки наделенных чрезвычайными правами мерзавцев делала все, что хотела. Надругательству и преступлению ничто не могло противостоять.

Столь же бесцеремонно в период коллективизации обращались с кооперацией.

Большевистская пропаганда искусственно вычленила из кооперации как некую высшую форму сельскохозяйственной кооперации — производственную, в то время как все другие виды рассматривались как этапы на пути создания коллективных производственных объединений. Так утверждалась концепция перерастания простых форм в более сложные, как своеобразный механизм самодвижения кооперативной «лестницы». При этом особое место в этом кооперативном «эскалаторе» придавалось простейшим производственным объединениям, типа машинных, семеноводческих, мелиоративных и др. товариществ. Об этом в одной из своих работ В. П. Данилов пишет: «Итак, изучение семеноводческих товариществ и их развития на протяжении 20-х годов подтверждает выводы, сделанные на материале о машинных товариществах того времени. Им так же была присуща способность к органическому (в порядке самодвижения) перерастанию в колхозы, ярко выявившееся в 1928—1929 гг. и послужившая немаловажным фактором подъема колхозного движения»⁶⁵.

Процесс перерастания простых форм в более сложные оказался сильно преувеличенным политиками и понятым слишком прямолинейно историками. Кооперация, безусловно, в силу своих внутренних свойств, обнаруживает возможность перерастания одних форм в другие (причем, на разных уровнях экономических и организационных связей, а не только по линии: машинное то-

⁶³ Там же. Д 975. Л. 85—86.

⁶⁴ Там же. Д 976. Л. 6.

⁶⁵ Данилов В. П. Семеноводческая кооперация в 20-х годах XX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980 С. 61—65.

варищество — колхоз). Вывод об этом был сделан теоретиками и практиками кооперации еще до революции, но особого значения ему не предавалось, за исключением сторонников производственного кооперирования. Политики же 20-х годов, а затем и историография делали особый акцент на этом свойстве кооперации.

Не отрицая проявления этих качеств кооперации в 20-е годы, не надо их преувеличивать и к тому же необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Первое. Возможность покупки промышленных товаров крестьянами целиком зависела от их вступления в кооператив. Вне кооператива они такой возможности не имели.

В конце 20-х — начале 30-х годов ситуация для крестьян еще более осложнилась. Теперь в кооперации никаких товаров нет, а возможность их приобрести уже зависит от вступления крестьян в колхоз. Из Мордовии (Ромадановский район, Рязоватовский сельсовет) 28 февраля 1930 г. сообщалось: «Теперь из кооперации не дают ничего, даже спичек, кто не хочет в колхоз»⁶⁶. И это не единственный случай.

В секретной политсводке Секретариата СНК СССР по приему заявлений и жалоб за ноябрь 1929 г., указывалось, что в письмах говорится о недостатках в снабжении населения предметами первой необходимости, и, что встречаются жалобы на недоедание детей и дороговизну. В письме рабочего (без подписи) из Грозного указывалось: «... в кооперативе ничего нет». Непомнящий из Клиновского округа пишет: «... в нашем селе имеется кооператив, работа которого за последнее время свелась только к получению с пайщиков паевых взносов... в лавке, кроме соли и керосина, ничего нет... пара сапог, что бывает очень редко, стоит 16 пуд. ржи, возовой хомут — 10 пуд. ржи». Автор пишет, что крестьянство недовольно⁶⁷.

И если в кооперативах купить больше нечего, то пропал сам смысл вступления в кооперацию. Впрочем выход подсказывали: надо «перерастать» в колхоз...

Но в таком случае разрушалась низовая кооперация. А какой от нее был прок?

Для улучшения снабжения рабочих ведущих отраслей промышленности выход из положения был найден в организации в 1930 г. системы закрытых распределителей при крупнейших фабриках и заводах. К 1 января 1931 г. по стране началась организация 3366 закрытых распределителей и к 1 ноября 1930 г. их было открыто уже половина⁶⁸. Что же касается сельского населения, то оно в сущности было брошено на произвол судьбы, о нем просто перестали вести речь.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 185. Л. 80.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 56. Л. 13 об

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1425. Л. 3.

Второе обстоятельство, имевшее существенное значение для «перерастания» низших форм в высшие — это прямое административное вмешательство в этот процесс, когда, простым росчерком пера одни формы превращались в другие.

Вот что показывают материалы Союза Союзов сельскохозяйственной кооперации, Колхозцентра и ряда центральных союзов, в том числе и Семеноводсоюза, проводивших обследование кооперации весной 1930 г. Читаем: «Совсем нехорошая история вышла с семеноводческой кооперацией... В феврале с. г. татарские республиканские органы решили ликвидировать семеноводческую систему и создать только две системы: животноводческую и полеводческую. Благодаря вмешательству ЦК ВКП(б) это решение было отменено, но по всей Татарии уже были разрушены семеноводческие гнезда и фактически сорвано семеноводство... Убытки от такого эксперимента, помимо разгрома низовки, исчисляются сотнями тысяч рублей»⁶⁹.

Не отставал от Татарии и Северный Кавказ. Далее в упомянутых материалах обследования читаем: «Там еще в декабре решили «угробить» семеноводческую систему: агрономов и специалистов перебрасывали в полеводческую систему, «семеноводческие гнезда разрушили». И вновь отмечается вмешательство ЦК ВКП(б), а так же Наркомзема, что предотвратило пока «окончательный развал» и более того, даже «дало толчок по восстановлению» Тем не менее убытки превысили полмиллиона рублей⁷⁰.

Семеноводческие гнезда ликвидировались так же в ряде районов ЦЧО и Средней Волги⁷¹.

Вопреки новомодным утверждениям о свертывании кооперативной сети «сверху» материалы обследования свидетельствуют, что инициатором разрушения кооперации выступает среднее звено: районного, областного, республиканского (автономного) уровня, а отнюдь не высшее. Более того, выходит, что ЦК ВКП(б) своим своевременным вмешательством предотвратил разрушение?

То же самое происходило и с поселковыми товариществами, несмотря на постановление ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. В нем говорилось о том, что «массовой низовой производственной ячейкой сельскохозяйственной кооперации должно явиться производственное товарищество специального направления, поселкового типа», которое накопляя и усиливая элементы обобщественного хозяйства, должно стать базой для массового строительства крупных колхозов»⁷².

⁶⁹ РГАЭ. Ф 3983 Оп 2 Д 466 Л 44.

⁷⁰ Там же

⁷¹ Там же

⁷² Известия ЦК ВКП(б) 1929 № 23—24.

А материалы обследования говорили о другом: «Но несмотря на это (постановление ЦК ВКП(б)), мы сейчас в огромном большинстве районов фактически имеем полнейший развал и разгром кооперативной низовки, которому активно содействовали бывшие в «головокружении» головы районного, окружного и областного масштабов»⁷³.

Допускаем, что пресловутое «перерастание» простейших форм кооперации в более сложные было. Но было и другое: грубейшая волевая акция выдавалась за диалектический процесс.

В материалах обследования читаем: «Если в районах сплошной коллективизации можно было быстро переходить от поселковых товариществ к колхозам, то в остальных районах это нужно было делать постепенно, тщательно учитывая опыт имеющихся колхозов, но получалось так, что увлекшиеся люди почти повсеместно без учета местных условий одним росчерком пера отбросили простейшие формы производственного кооперирования, как уже пройденный этап. Ленинградский Союз союзов в последних числах января с. г. постановил «организацию поселковых товариществ считать оппортунизмом». Районы (Пушкинский, Псковского округа) и др. пошла еще дальше, начали закрывать поселковые товарищества административным порядком»⁷⁴.

Таким образом, идея перерастания фактически обернулась разрушением низовой кооперативной сети.

5. Был ли «слом» кооперации?

Понятие «слом» кооперации возникло в конце 80-х годов, как перенос обобщающего термина — «слом» нэпа, — на частные элементы, его составлявшие.

Однако, думается, данное утверждение можно оспаривать. На мой взгляд, распад кооперации произошел не по чьей-то злой воле или из-за дебилности руководства, — он был неизбежен. Кооперация ломалась под тяжестью тех антагонистических противоречий с государством, которые к концу 20-х годов достигли высшей степени остроты.

Что же крушило кооперацию и по каким линиям шел ее разлом? Важнейшее противоречие заключалось между ложной теоретической посылкой в понимании сущности кооперации В. И. Лениным и реальной жизнью. Речь идет о т. н. совпадении «сплошь и рядом» кооперации с социализмом, о кооперации как «столбовой дорожке» к социализму. Это ленинское предположение оказалось утопическим. До социализма оказалось фантастически далеко (если это вообще достижимо), а выдавать желаемое за дей-

н: 73 РГАЭ Ф 3983 Оп 2 Д 466. Л 43

74 Там же

ствительное стало на долгое время не только вредной привычкой, дезорганизующей любознательные умы, но и неотъемлемой чертой общества несостоявшегося социализма.

Непрекращающееся противостояние идеологии большевизма здравому смыслу и экономическим законам. Последние для большевиков не существовали. Они действовали согласно своему разумению, как бы это не расходилось с жизнью. Противоречия между допуском «буржуазного» в экономике и невозможностью такового в идеологии, морали, культуре было неразрешимым. Отсюда вечные конфликты, недоверие, контроль за специалистами, в том числе — кооператорами, отстранение неугодных вплоть до высылки за границу и отдачи под суд. В итоге получилось, что самыми страшными врагами большевиков оказались самые умные.

Важнейшим противоречием строящегося «социализма» оказалось противоречие **между планом и рынком.** Оно задевало и кооперацию. Кооперация может существовать только в условиях рыночных отношений. План же (в том виде, в каком он сложился к концу 20-х годов), как важнейшее средство «социалистического строительства» был направлен на преодоление рынка, преодоление нэпа.

Ленинский призыв к внимательному отношению к кооперации, к пониманию ее огромного значения в «строительстве социализма» не предполагал, однако, отказа от намерений преобразовать кооперацию, изменить принципы кооперативной работы в соответствии с «пролетарским» видением мира. Поэтому расшатываются и ломаются **старые кооперативные принципы.** Даже в одной из последних работ В. И. Ленин не отказался от своей старой идеи поголовного кооперирования. В статье «О кооперации» читаем: «Нам нужно заставить всех поголовно участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях», чтобы население «поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации»⁷⁵. Цитату привожу не только для подтверждения сказанному выше, но и для обращения внимания читателя еще на одно немаловажное обстоятельство: «заставить». Не напоминает ли это старый лозунг периода «военного коммунизма»: «Железной рукой загоним человечество к счастью?»

А через несколько лет председатель Колхозцентра Г. Н. Каминский «свежие» идеи Ленина повторил: «На ближайшее пятилетие перед нами стоит задача кооперировать поголовно все крестьянство...»⁷⁶. Опять поголовно! Это означало полное забвение добровольности — исходного принципа кооперативного движения.

Вопрос этот далеко не частный, а принципиальный. Он несет большую нагрузку и в философском смысле, и в плане нравствен-

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372

⁷⁶ Колхозное строительство III Всероссийский съезд колхозов (24—30 мая 1928 г.). М., 1929 С. 128—129

ном. Кооперация никогда не порывала с индивидуальной свободой, в отличие от того «поголовного» коллективизма, который предполагал ленинский строй «цивилизованных кооператоров». Уже в этом была огромная несовместимость «социалистического строя» с индивидуальной свободой, поэтому кооперация не могла, вопреки утверждению Ленина, «сплошь и рядом» совпадать с социализмом. И, вероятно, только этого вполне достаточно, чтобы вся ленинская конструкция построения социализма с помощью кооперации рухнула. Поголовное кооперирование может привести лишь к созданию общества, описанного Дж. Оруэллом и Е. И. Замятым, часто именуемым тоталитарным.

Кооперация распалась, раздираемая противоречиями между кооперативной сущностью своей работы и системой государственного режима. Внешне это выглядело зачастую как внутреннее противоречие самой кооперации, преимущественно в сфере организационного строительства.

Эти противоречия возникли сразу после революции. Системе не была приемлема кооперация, основанная на самодеятельности и творчестве масс и работающая только в условиях рыночных отношений. Система нуждалась лишь в кооперативном аппарате. Пусть неуклюжем и громоздком, но зато послушным, безропотно выполнявшим все команды.

Кооперация превращалась в государственно-кооперативное предприятие. И в этом качестве она утрачивала ранее сильные стороны: инициативность, маневренность, способность заинтересовать население. Из нее подспудно изгоняли кооперативный дух. Внутренне она становилась чрезвычайно слабой и вновь превращалась, как в годы «военного коммунизма», в придаток государственной системы.

Усиление административных методов усугубляло разное понимание принципов самодеятельности, самостоятельности и самоуправления партийно-государственными функционерами и кооператорами. Активная интервенция в эти сферы некомпетентных партийных выдвиженцев, бдительный надзор за кооперативной деятельностью неотвратимо вовлекали кооперацию в русло всепожирающего бюрократизма. Кооперативный аппарат разбух и вздорчал. Ярким проявлением бюрократизации кооперации стали резко увеличившиеся к концу 20-х годов множественность и параллелизм в руководстве работой кооперативов, полог бумажного дождя, неуправляемость всех без исключения звеньев. (Об этом свидетельствуют, в частности, материалы обследования кооперации в начале 1930 г.⁷⁷).

Кооперацию ломать не собирались, а вот преобразовать.. Преобразовать, якобы, было необходимо, поскольку ее хотели исполь-

⁷⁷ См. РГАЭ Ф 3483 Оп. 2. Д. 466. Л. 34—35, 38, 39 и др.

зовать в надвигающейся коллективизации. 18 сентября 1929 г. ЦИК и СНК приняли постановление, в котором утверждалось: «Сельскохозяйственная кооперация, достигшая значительных успехов в области сельскохозяйственного оборота, должна стать действительным организатором производственных процессов в сельском хозяйстве. Решительный подъем всех производственных сил хозяйства возможен только на основе его социалистического переустройства, для чего необходимо исключительное внимание к работе сельскохозяйственной кооперации со стороны всех органов Советской власти»⁷⁸.

Попытка зряшная, неуклюжая и непоследовательная, она не могла спасти кооперацию. Более того, она привела к разрушению низовой сети кооперации и никоим образом не устраняла бюрократизм. От его ржавчины кооперация лишалась той внутренней силы, а именно самодетельности населения, которая только и могла держать ее на плаву.

Планировавшаяся новая попытка реорганизации кооперации в начале 30-х годов, была заранее обречена на неудачу и напоминала гальванизацию гурпа. Даже «там» поняли это, и только тогда появились правительственные решения о свертывании кредитной кооперации (декабрь 1930 г.) и сельскохозяйственной кооперации (февраль 1931 г.). Вот это-то и можно, если угодно, назвать «насильственной» акцией.

Постперестроечный период внес существенные коррективы в историографию, в том числе и в отношении кооперативной проблематики. Однако идеи насильственной ликвидации, «слома», кооперации звучат и в последних работах⁷⁹.

Но, если это сознательно проводившаяся акция, то далее встает вроде бы вопрос о ее неоправданности, недалёковидности руководства и, главное, — о неисчерпаемых возможностях кооперации. Именно так и трактовала ситуацию с конца 80-х годов историография. Например, В. П. Данилов писал: «... Ни одна из форм кооперации того времени не исчерпала ни возможностей роста, ни тем более своей преобразующей роли. С осени 1929 г. развитие доколхозных форм сельскохозяйственной кооперации было прервано. Мощная кооперативная система, созданная в условиях нэпа, подверглась грубому и недалёковидному слому»⁸⁰.

⁷⁸ С. 3. 1929. № 61. Ст. 565.

⁷⁹ См.: Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы // *Вопр. истории.* 1994. № 9. С. 45—46; Он же Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994. С. 243; Бурганов А. Х. Если бы не душили кооперацию... (А ведь был и есть выход из тупика) // *Кентавр.* 1995. № 1. С. 140.

⁸⁰ История советского общества. Краткий очерк (1917—1945) // *История СССР.* 1990. № 5. С. 17.

Эта точка зрения, как и идея «слома», получила распространение. И ныне, например, Л. Е. Файн пишет о разрушении «имевшего потенциальные возможности дальнейшего развития кооперативного движения»⁸¹.

Да не было никаких потенциальных возможностей! Кооперация держалась за счет финансовой подпитки государства, искусственного создания ситуации, когда крестьянин вступал в кооперативы вынужденно, поскольку необходимый товар (городской ширпотреб, сельскохозяйственные машины, инвентарь и пр.) мог приобрести только в кооперативах и только через них — сбыть произведенный продукт (все возрастающий объем и масштабы контрактации), за счет искусственного кооперирования бедноты, наконец, за счет идеологической накачки. Кооперация нужна была государству как канал проведения аграрной политики (в частности демонстрации возможностей «перерастания» простейших форм кооперации в колхозы, причем фантастическими темпами и масштабами, особенно в 1929 г.). И поэтому она рассматривалась, как и в годы «военного коммунизма», скорее как удобный аппарат, а не как самоорганизация трудящихся. И кооперация получала государственную поддержку постольку, поскольку она служила проводником политики партии в деревне.

Наконец, и это самое существенное, — исчезал главный потенциал развития кооперации: коллективизация поглощала с нарастающей прогрессией **самостоятельно хозяйствующего мелкого товаропроизводителя**, нуждавшегося в кооперации. Колхозам же кооперация не была нужна.

Потенциальных возможностей развития кооперации при Советской власти никогда не было. Власть изначально выражала ей **недоверие**. Ситуация несовместимости кооперации и политического режима определилась сразу и никогда не исчезала. Даже в самом «доброжелательном» предсмертном произведении Ленин пишет о необходимости «поголовного» кооперирования, что он считал величайшим благом для народа. (Меня удивляют рассуждения Л. Е. Файна о т. н. потенциальных возможностях, поскольку и он признает несовместимость, считает, что кооперация была «инородным телом» в системе⁸²).

Развивая мысль о «неисчерпанном потенциале» кооперации 20-х годов, авторы подобной точки зрения все же верят, что, не случись слома кооперации (и нэпа соответственно) и установления в СССР «тоталитарного режима», развитие кооперации и страны в целом пошло бы иначе. Вера в потенциал кооперации, равно как и в возможность «нормального» развития событий, приводит их к излишне оптимистическим выводам и относительно перспектив

⁸¹ Файн Л. Е. Отечественная кооперация... С. 244

⁸² Файн Л. Е. Отечественная кооперация... С. 293.

развития современной кооперации⁸³. Более того, А. Х. Бурганов даже утверждает: «Осуществи эту идею (т. е. ленинскую идею соединения нэпа с кооперацией — В. К.) Советская власть, — она (кооперация — В. К.) могла стать столбовой дорогой человечества на пути к обществу социальной справедливости. У меня нет сомнения в том, что в конечном счете человечество будет кооперировано во всемирном масштабе...» И далее: «В кооперации — путь выживания человеческого рода»⁸⁴.

Перед нами очередная социальная утопия. Впрочем, знакомый вариант спасения человечества. Что это? Томас Мор, Кампанелла, Сен-Симон, Фурье, кооператоры начала XX в.? Или вариант «мягкой» мировой революции?

Если бы кабинетные выдумки ограничивались мечтаниями их хозяев! Но всегда находятся люди, готовые к их реализации. Да и как удержаться от искуса, — ведь мечта о счастье всего человечества неистребима. Значит и остается возможность нового мессианства. Идеям социализма и эгалитарным представлениям суждено жить вечно, как вечно неравенство социальное, материальное, национальное, духовное и т. д. А посему человечество вновь и вновь будет стремиться совершать свои, подчас безумные, попытки изменить мир. Но он никогда не будет гармоничным, если под гармонией понимать некую безконфликтную идиллию. Напротив, гармония — это переплетение противоречий, в лучшем случае — их разумный баланс. Жизнь оттого и остается жизнью, что вся наполнена противоречиями:

⁸³ Файн Л. Е. Отечественная кооперация... С. 274.

⁸⁴ Бурганов А. Х. Если бы не душили кооперацию... А ведь был и есть выход из туника // Кентавр. 1995. № 1. С. 140, 143.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ: УРАВНИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ РАВЕНСТВО?

Уравнительность — понятие, не входящее в состав энциклопедических словарей или связывается только с одной его, ипостасью — уравнительным землепользованием.

Что можно понимать под понятием «уравнительность» и насколько это важно? Для начала вновь обратимся к статье академика Н. Н. Покровского, где он пишет: «Как сейчас выясняется, основу этики крестьянской общины составляли не уравнительные традиции, а обычаи и нормы трудового права». И еще: «Уравнительность насаждалась сверху, помещиками и государством, в первую очередь как средство обеспечить всеобщую платежеспособность»¹.

Отсюда можно сделать два заключения. Во-первых, суждение Покровского справедливо лишь по отношению к сибирской общине, сибирскому характеру землепользования. Здесь, действительно, в отношении землеобеспеченности уравнительность не имела никакого значения. В конце XIX в. сибирский мужик с гордостью заявлял, что у них «земля неделенная», т. е. ее столько, что паша кто где хочет.

Во-вторых, выявляется еще одна ипостась уравнительности — уравнительность «как средство обеспечения платежеспособности» крестьян.

Невольно напрашивается и третий вывод. Он связан с весьма серьезным вопросом, в котором я не компетентен и в который не хочу углубляться, а посему лишь робко сформулирую полученные наблюдения. На сегодняшний день в научно-литературной среде все более вырисовываются две противоположные точки зрения на происхождение общины и связанных с ней институтов (уравнительность, в частности).

Первая: община — это народная «вольница», проникнутая единым артельным духом; государственная власть пыталась постоянно уничтожить общину и искорнить трудовые коллективные навыки².

¹ Покровский Н. Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир, 1989, № 9. С. 229.

² Ланщиков А., Салуцкий А. Крестьянский вопрос вчера и сегодня М., 1990 С. 152—153

Вторая община — есть принудительное насаждение государства и помещиков с целью закабаления крестьян и удобного получения податей³.

Итак, в качестве исходной позиции для понимания, что такое уравнительность, мы определили, условно говоря и довольно приближенно, в чем она проявлялась и с какой целью возникла. И хотя это выяснение обеспечивалось посредством привлечения противоположных точек зрения, для нас сейчас это не суть важно, важно другое — определить область нахождения предмета нашего исследования.

Очевидно и другое: изложенным выше не ограничивается сущность уравнительности. Более того, на горизонте уже теснится следующая группа вопросов, ждущих ответа: Что равнять? Как равнять? Среди кого равнять? Перед кем равнять? Пред Богом, законом, государством, между собой?

Но все по порядку. Уравнительность — удобное средство управления массой со стороны помещиков и государственной бюрократии (последнее справедливо и применительно к советскому времени).

К наполнению содержания понятия «уравнительность», очевидно, можно было бы добавить еще кое-что, но для меня сейчас не в этом суть дела. Мне кажется, что пока упущено самое главное, что составляло суть уравнительности. А это главное, на мой взгляд, заключается в том, что в уравнительности заложено извечное стремление крестьян к справедливости, стремление никого не обидеть, дать всем все поровну, стремление, которое, в свою очередь, восходит к христианскому принципу равенства всех перед Богом, в смысле ответственности перед ним (естественно, каждый за свой путь, предназначение, за свой крест).

В этом заложены основы крестьянской философии, этики, морали, труда и быта. Это важнейший элемент массового сознания, устойчивый стереотип мышления и поведения (менталитет).

Отсюда следуют обычай и нормы трудового права. И, думается, последнее не следует противопоставлять уравнительности, как это делает Н. Н. Покровский, и, если не выводить их из нее, то уже во всяком случае уравнительность и взаимопомощь надо ставить в один ряд, как важнейшие факторы, принципы эволюции общины, дополняющие друг друга.

³ Фатей Шипунов называет общины общинами-коммуналками, куда сгоняли крестьян со времен Петра I. «Поэтому, — пишет он, — не «народный дух» создал общину, а государственная бюрократия, поддержанная землевладельцами, а позже лукавыми «защитниками народа», для которых она была готовым элементом будущей русской деревни. От нее был один шаг до обработки земли и пользования продуктами сообща, то есть прячая дорога в коммунизм». (Шипунов Ф Великая заблуждения // Наш современник. 1989. № 11. С 133).

В уравнительности, если угодно, были заложены специфические зачатки высокогуманного принципа прав человека, но, естественно, через инстинктивное его понимание в узком, ограниченном мире крестьянина. Практически этот принцип находил свое проявление в своеобразной социальной защите общиной своего члена от внутренних неурядиц и внешних посягательств. Принцип защиты прав человека займет впоследствии важное место и в праве и в нравственности всех цивилизованных стран мира.

В уравнительности содержится и вечное стремление людей к счастью, к идеям социализма, естественно, в специфическом понимании этих идей крестьянином (который, конечно же, не понимал, что означает нерусское слово «социализм»).

Русские народники приняли на вооружение крестьянскую идею всеобщего поравнения. Они оформили ее своей идеологией, она вошла во все программы политических партий народнического толка.

Марксисты критиковали народников. Еще К. Маркс называл теорию всеобщего поравнения грубым уравнительным коммунизмом⁴. Марксисты, безусловно, были правы определяя теорию всеобщего поравнения как утопию⁵. Но дело в том, что сами-то они тоже оказались утопистами.

Утопичен ли вообще социализм? Вероятно да, но не мне об этом судить. В чем я уверен, так это в том, что социализм — вечный идеал человечества, к которому стремилось и будет стре-

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. С. 12.

⁵ Выдающийся отечественный историк Александр Ильич Клибанов народные утопии связывал исключительно с сектантским движением, а сектантское движение рассматривал как русскую Реформацию. См.: Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978). И, следовательно, отказывал в возможности их возникновения и брожения в ином проявлении, допустим, хотя бы, условно говоря, на обыденном общинном сознании. А ведь генеральная линия народного утопизма пошла в направлении развития именно теории уравнительности (которую, кстати, так или иначе не обошла ни одна из сект) и завершилась идеологическим оформлением ее (в различных вариациях) политическими народническими партиями и даже практическим воплощением (в той мере, в какой утопия может воплотиться) в декрете «О земле» и «Основном законе о социализации земли».

«Феномен» Клибанова, по-моему, объясним. Клибанов сформировался как личность в 20-е—30-е годы. Когда писалась книга, вся жизнь и наше прошлое были проникнуты преимущественно одним: борьбой. Борьбой с кем-то, против кого-то, за что-то. В такой атмосфере иконоборствующие сектанты выглядели предпочтительнее очень угнетенных, но в принципе тихих, робких и бездейных крестьян. В данном случае неважно, за что боролись сектанты (они нам не указ, у нас бронезащитный марксизм!), а главное — против кого? Вот тут они наши попутчики, недаром В. И. Ленин их поддерживал (эта поддержка продолжалась недолго), и в данном качестве вполне приемлемы (борьба есть борьба!). Да пусть поймет меня правильно читатель: сказанным я ни в коей мере не хотел обидеть ни покойного А. И. Клибанова, ни тех людей, которые и ныне пребывают большим конгломератом в нашем отечестве и за рубежом под общим названием — сектанты.

миться, пока на земле остается бедность и неравенство. Оно будет стремиться к нему во всевозможных формах и используя любые средства. Оно будет стремиться к социализму, несмотря на ошибки, неудачи, жестокие поражения и разочарования.

Теперь перейдем к вопросу о том, как принцип уравнительности реализовывался на практике.

Разные социальные силы, естественно, использовали его по-разному.

Крестьянин видел в нем смысл высшей справедливости. Государство и помещики — удобный способ взимания налогов. Естественно, в Сибири, где не было помещиков, фискальный, если так можно сказать, смысл уравнительности не имел такого значения, как в центральной России.

Принцип уравнительности наиболее «зримо» проявлялся конечно же, при распределении земли. Регулярные переделы наделных участков (там, где это было) показывают, насколько скрупулезно крестьяне подходили к этому делу. Они стремились, чтобы в разных кусках каждому досталась соответствующая доля⁶.

Как ни странно, но принцип уравнительности «работал» даже, казалось бы, в совсем не подходящих условиях, например, при дележке имущества разграбленных помещичьих имений, о

⁶ Стремление к равномерному распределению земли между членами общества вело к появлению доскутности землепользования. Мелкополосность существовала практически во всех селах. Когда земли было еще много, а дворов мало, земельные полосы были крупнее. С увеличением населения увеличивалось и малоземелье. К тому же обнаружилось истощение земель. Тогда каждое селение стало тщательно разбивать землю на поля, а поля на коны (гоны) а коны — на полосы. Поля старались разбить поровну. А коны разбивали по почве, по склонам поверхности, по удаленности от селения, по степени увлажненности, и даже по величине снежных заносов. Конов получалось много. В каждом поле их образовывалось по десятку двух и более и даже свыше 60. Коны отделялись друг от друга довольно широкими межами. Затем каждый кон по жребию делился по хозяйствам на полосы. В большей части селений при каждом новом переделе коны оставались в прежних межах, а по жребию делились только земли в конах по наличным хозяйствам. А так как хозяйства все прибывало, то ширина полос после каждого нового раздела уменьшалась. Многополосница неизбежно влекла за собой мелкополосницу. В результате душевые полосы доходили до ширины в сажень, а полушевки — в 1,5 аршина. В 1911 г. в Егорьевском уезде Московской губ. ширина полосы в 1—2 аршина была у 48,5% общины, т. е. почти в половине уезда. В Шацком уезде Тамбовской губ. ширина полос в среднем была в 2—3 аршина, полосы же в 2—3 сажени (т. е. втрое больше) считались уже достаточно широкими и носили специальное название «толстячки». В результате такого землеустройства наделы были раздроблены на десятки и даже сотни мелких, узких, причудливой формы, полос и полосочек — «кривульки», «косые рукавки», «бабын пояса», «печочки» и пр. Такой порядок разбивки наделов сохранялся вплоть до коллективизации. В одних местах он был проще, в других — сложнее, и многоступенчатость наделения увеличивалась за счет определения дополнительных ступеней кресте кона-яруса (Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН. Ф. 1 — В. Разд. VII. Л. 25).

чем уже говорилось выше. В этом, кстати, проявлялся еще один важнейший, неотъемлемый принцип общины: круговая порука, т. е. отвечать за содеянное тоже всем миром. (Даже тот, кто не участвовал в погроме, получив свою долю, втягивался в ответственность).

Уравнительный принцип распределения земли, хоть и бесконечный в своем воплощении, оказался единственно возможным при перераспределении помещичьих земель в условиях революции, когда были отброшены все наработки аграрной реформы, готовившейся при Временном правительстве.

В эпоху возрождения общины уравнительность — не только борьба крестьян за демократическое перераспределение земли, но и борьба за социальную справедливость, за восстановление общины (Именно последним объясняется погром в 1917—1918 гг. хуторян, принудительное возвращение их обратно в общину).

Уравнительный общинный идеализм, естественно, не имеет ничего общего с «социалистической уравниловкой», ставшей одним из главных законов жизни «социалистического» общества. Но он схож с идеалом кооперации, который близок к идеям социализма⁷. К тому же смысл кооперации и общины одинаков — взаимопомощь. Русская кооперация (особенно ее социалистически настроенное крыло) всегда несла высокие социальные идеалы и идеи просветительства. Пусть в своем стремлении к социальным переменам, нравственному усовершенствованию, культурно-хозяйственной работе методы и средства русских кооператоров были ограничены, а идеалы утопичны. Но по своему характеру, романтические и несколько, может быть, наивные, они были ориентированы на развитие гуманного общества в отличие от кооперативного движения на Западе, которому было свойственно деичество, дух коммерции и предпринимательства⁸.

Не стоит, однако, умиляться перед светлыми идеалами русского крестьянина и русского кооператора, сетовать и сожалеть по поводу несбывшихся мечтаний. Несбывшихся? Полно! Все сбылось!

⁷ См. хотя бы: Туган-Барановский М. И. О кооперативном идеале // Вестник кооперативных союзов. 1918. Вып. 1; Он же. Социальные основы кооперации. М., 1919; Максимов Е. Содержание и природа артельного движения // Вестник кустарной промышленности. 1918. № 4; и др.

⁸ В начале XX в. совсем еще молодой А. В. Чаянов, впервые познакомившись с кооперативным движением и высоко оценив постановку молочного дела в Бельгии, писал: «Давая общую оценку кооперативным начинаниям, мы должны подчеркнуть, что они представляют чисто практические предприятия мелких хозяйств, с основания и до вершины проникнутые коммерческим духом и бесконечно далекие от тех идей «взаимопомощи русского народа», которые склонны навязывать кооперации особенно российские приверженцы трудовой геории» (Чаянов А. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии. Доклад соединенному заседанию комитета скотоводства и комитета судно-сберегат. и пром. т-в. Б. м. 1909. С. 44).

Уравнительность — не только светлая, невинная социальная мечтательность или досужия утопия взволнованной души. Как всякая утопия она страшна и антигуманна в попытках ее реализации (Естественно, я имею ввиду социальные последствия, а не индивидуальные, вроде клинического случая «слегка полоумного», по выражению С. Н. Булгакова, Ф. Фурье, или нашего Н. Г. Чернышевского).

Уравнительность в понимании крестьян (да и не только их) всегда носила противоречивый, дуалистический характер. С одной стороны, равенство перед Богом, ответственность каждого перед ним, а смысл христианства — уготовление человеку рая небесного, но не земного (!). С другой же стороны, тайная и явная мечта и надежда уповали на возможность создания рая уже на земле. Последнее — не только величайший искус, но и извращение самой сути христианства.

Французская революция, провозгласив «верховое владычество разума, выступая с проповедью веры в человеческую природу... открыла перед человечеством широкие новые горизонты»⁹, но забыла Бога. И в соответствии с этим идеал уравнительности ею трактовался как равенство всех не перед Богом, а друг к другу. Поэтому и путь к равенству французы проложили через гильотину и море крови. Он привел в конечном счете лишь к правовому, а не фактическому равенству людей.

Бальзак утверждал, что «равенство может быть правом, но никакая человеческая сила не в состоянии превратить его в факт». Так оно и есть.

В. И. Ленин называл революции «локомотивами истории». Я бы их назвал бульдозерами.

Аграрная революция 1917 г. в России сопровождалась погромом помещичьих имений, хуторов, крепких хозяйств, разрушением производительных сил. Большевицкая революция (путь к всеобщему равенству на т. н. научной основе) сопровождалась не только бессмысленным террором, братоубийственной гражданской войной, разрушением всего и вся, но и привела, как предвидел Н. А. Бердяев, к неслыханной в мире тирании, основанной «на всеобщем принудительном уравнении»¹⁰.

Впрочем, тирания и деспотизм, видимо, удел русской истории. Кроме деспотизма и тирании Россия ничего не другого не знала. А деспотизму имманентно свойственно именно установление всеобщего поравнения на нищенском уровне. Об этом писал в 1906 г. другой русский философ князь Е. Н. Трубецкой. По его мнению всегда «деспотизм стремился всех уравнять в общем ничтожестве рабства».

⁹ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793 гг. М., 1979. С. 7.

¹⁰ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Пути Евразии. М., 1992 С. 90

Но, считал Трубецкой, к такому же результату может привести и освободительное «стихийное массовое движение». «И если до этого дойдет, — полагал философ, — то отрицательная всеобщность и равенство осуществляются у нас в виде совершенно прямой и ровной поверхности: то будет равенство всеобщей нищеты, невежества и дикости в связи с свободой умереть с голода»¹¹.

Видимо, Трубецкой прав. Дело в том, что идею равенства человек понимает и принимает до определенного момента, т. е. когда он беден. Богатому равенство не нужно. Об этом неплохо сказал поэт и критик, эмигрант Георгий Адамович, который писал: «Он (человек — В. К.) мечтает о нем (равенстве — В. К.), он требует его, пока от недостатка социальной справедливости страдает, и пока верит, что всеобщее правильное распределение всякого рода благ должно положение его улучшить. Если представить себе горизонтальную черту, символизирующую уравнение всех людей в обладании земными сокровищами, человек стремится к этой черте, пока находится под ней, ниже ее. Достигнув ее, он рвется вверх, не говоря уже о том, что находящиеся наверху ни малейшего желания спуститься не проявляют...»¹². Стало быть, сравнить всех можно лишь насильственно. «Грабь награбленное!» Или — в крестьянском стихийном движении 1917—1918 г. в борьбе за осуществление идеи «черного передела» тоже было достигнуто «равенство». Произошла, как писали экономисты неонароднического толка, «подвижка» вниз, а говоря попросту — поравнение на нищенском уровне, которое в историографию с легкой руки Ленина вошло как «осереднячивание» деревни.

Идея всеобщего поравнения, «черный передел», могла иметь какое-то оправдание в XIX в. В условиях же сравнительно развитых товарно-денежных отношений вековую мечту о земле крестьянин мог частично реализовать с помощью накопленного капитала и даже добиться в этом направлении неплохих успехов. Для такого крестьянина «черный передел» становится нежелательным и даже опасным, ибо таковой предполагал изъятие всей приобретенной земли и пуск ее в общий передел¹³.

¹¹ Трубецкой Е. Н. О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма. // Новый мир 1990. № 7. С. 199

Возможен и иной вариант, но одинаково непривлекательный. Согласно утверждению Дж. Элиот (псевдоним английской писательницы Мэри Анн Эванс) «полное равенство означает всеобщую безответственность». Впрочем, не есть ли это производное первого?

¹² Адамович Г. Комментарии // Диалог 1991. № 18. С. 31.

¹³ Эту ситуацию хорошо иллюстрирует беседа В. Г. Короленко, которая произошла у него с одним из крестьян за несколько лет до революции: «...Кричи! поравнять землю! А вы знаете, как иному земля доставалась? Мы не помещичьи дети, не богатое наследство получали от батьков... Каждый клочок земли отцы и деды горбом доставали И дети тоже с ранних лет недоспят,

Вернемся, однако, к философии Трубецкого. Она не столь уж пессимистична, ибо «в затаенной глубине нашего духа всегда боролись две тенденции, два противоположных понимания всеобщего равенства: из них одно находит свое воплощение в христианстве, другое приводит к всеобщему кладбищу; одно выражается в признании образа Божия во всяком человеке как таком, всеобщего нравственного достоинства; другое, напротив, уравнивает всех в общем ничтожестве»¹⁴.

Идеал положительной всеобщности и равенства, по мысли Трубецкого, лежит в христианстве, «ибо во Христе нет различия между иудеем и эллином, между рабом и господином; в христианстве выражается и высшая тайна человеческого существования. и тот прямой путь, который ведет к спасению»¹⁵.

Отсюда, по Трубецкому, единственный выход России — в христианстве. Он заключает: «Христианство учит, что человек есть образ и подобие Божие». В сознании наших народных масс самое понятие о достоинстве человеческой личности неразрывно связано с этим христианским учением: поэтому спасение России всецело зависит от того, насколько этот принцип прочно утвердился в народном сознании. Только такое одухотворенное понимание демократии может совлечь с нее образ звериный и сообщить святость ее делу»¹⁶.

Быть может это путь. Единственный? Или один из возможных все же? Не мне судить. Во всяком случае я его допускаю, но он не для меня.

К тому же очень смущает идея спасения. Все же это дело сугубо индивидуальное, если его принимать всерьез. А во всеобщем плане любая идея спасения опасна. Слишком много было сласателей.

А христианство... Хоть и возрождается церковь, но христианство явно идет на убыль. Былого не вернешь.

Гораздо сильнее идеи материалистического социализма.

Кооперативный коллективизм не всеобщий, не всеохватывающий (главное — человек!), а частичный во имя ограниченных интересов, оставляя за членом кооператива необходимое поле выбора во всех сферах жизни: экономической, идеологической, духовной, политической, нравственной.

Кооперация никогда не порывала с индивидуальной свободой в отличие от ленинского «поголовного» кооперирования.

недоедят... Все в работе. Одна заря в поле гонит, с другой возвращаются.. А теперь кричат, поравнять! Отдай трудовую землю какому-нибудь лентяю, который, что у него и было, пропил» (Короленко В. Т. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. № 1. С. 190).

¹⁴ Трубецкой Е. Н. Указ соч. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 201.

Кооперативный коллективизм не имеет ничего общего и с христианской философией соборности, этой «вечной ценностью православия».

Соборность — это солидарность в главном — в вере.

Одним из важнейших источников формирования соборных начал в общественной жизни была хозяйственная практика русского крестьянства, которая проходила прежде всего в неблагоприятных условиях, требовавших объединения усилий крестьян, их взаимопомощи. Отсюда прочность общинных начал среди русских крестьян.

Этим предопределялось понимание роли личности в общественном развитии. Поэтому в России индивидуализм не получил заметного развития и личностное начало исторического процесса не так ярко оказалось выраженным, как на Западе.

Однако соборность не устраняет индивидуальных особенностей, как считают богословы и некоторые мирские философы¹⁷. Они полагают, что помимо единства соборность образует еще и целостность. Можно согласиться, что множество одинаковых единиц никогда не образуют целостности; целостность есть единство различий.

Возникновение философии соборности связано с именем русского религиозного философа А. С. Хомякова. Общинное устройство, считал он, должно быть положено в основу государственной жизни, оно заменит собою «мерзость административности в России». По его мнению, по мере распространения «общинного принципа», в обществе все более будет господствовать «дух соборности». Ведущим принципом социальных отношений станет «самоотречение каждого в пользу всех»¹⁸. Однако все это нереально. И Хомяков оказался религиозным фанатиком-утопистом. Его идеям не нашлось места в обществе. Соборность в том смысле, как ее понимал Хомяков, никогда и нигде не существовала. Свобода в религиозном сознании, как проповедовал Хомяков, немислима. За это он и поплатился: он не был понят ни церковью, ни мирянами, оставшись в изоляции. А идеям соборности суждено было стать лишь предметом рассуждений «высокой» философии. В частности, Хомякова поддерживали З. Самарин, Н. Бердяев¹⁹.

Новую жизнь идеи соборности получили в наши дни в связи с возрождением православной церкви. Ныне богословы и православные неопиты из философствующей интеллигенции подхватили идеи соборности, модернизировали взгляды А. С. Хомякова, пытаются развить их далее.

¹⁷ Подробнее см.: Шапошников Л. Е. Философия соборности. Очерки русского самосознания. С.-Пб., 1996 С. 6—7 и далее.

¹⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., М., 1914. Т. 3. С. 335, 436—437.

¹⁹ Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков М., 1921.

Современные поборники соборности считают, что соборность «не требует идеологического единomyслия»²⁰. Это, вероятно, так. И все же остается нечто, объединяющее «соборян» одинаковостью, единством, — это верховная церковная догма — вера в Бога.

Модернизация идей соборности направлена на вращение современных церковных догматов в общественную жизнь, на попытку найти и подвести под церковь массовую базу. Но за этой псевдодемократичностью скрывается желание показать, что церковь идет в ногу с демократией и, более того, — «христианская демократия» якобы демократична по своей природе.

Напрасно надеются поборники соборности, что она поможет преодолеть разобщенность общества, объединить людей для совместного созидания, преодолеть узкосоциальные интересы различных общественных групп, незыблемую иерархию ценностей, найти решение самых сложных этических проблем, добиться равноправия каждого и т. д. Это утопия. Социальные, духовные, материальные, этические и иные противоречия вечны и непреодолимы. КПСС звала к тому же. И в этом стремлении залогом успеха считалось идейно-политическое единство общества.

«Народ и партия — едины!», — провозглашала КПСС и кое-что добивалась в своих героических усилиях. Например, ГУЛАГ. По словам покойного А. И. Клибанова, ГУЛАГ — тоже соборность. А он знал ГУЛАГ не по наслышке и не по книжке. Вот это была консолидация! Такой концентрации мышц и единства воли попы никогда не добьются!

Демократические ценности с трудом прививаются или даже вовсе неприемлемы там, где укоренены либо соборные, либо большевистские идеалы.

Трудно представить, как сегодня усердно проповедуемые идеи соборности (в той ипостаси, о которой идет речь) находят отклик в сердцах верующих. Тем более, что новейшие конструкторы соборности отмечают, что проявление «соборного» рвения у неопитов особенно, часто идет вне понимания сути соборности²¹. Да, верно, у «новых» православных не хватает знаний и истинной веры.

И все же, отсутствует, думается, главное, на чем возникла сама философия соборности: безвозвратно исчезла из нашей жизни община. Но «соборян» это, как будто, не смущает, и они надеются, что массовая база «христианской демократии» возникнет на иной основе, на основе солидарности всех слоев населения. Но это — очередная утопия.

²⁰ Микушевнич В. Соборность // Сегодня. 1993. 20 авг.

²¹ Игумен Иннокентий (Павлов). Тетерин В., Чувев А. Христианская демократия в России // Сегодня. 1993. 20 авг.

И дело не в теории. Она, может быть, как никогда, имеет второстепенное значение. И, может быть, даже не в безнадежном исчезновении общины, с которой богословы напрямую связывали соборность. И, может быть, даже не в том, что отошли уже в мир иной люди, выросшие в определенной культуре и несшие в себе элементы соборности.

Вопрос в том, как реализовать идеи соборности, как осуществить провозглашенные декларации, призывающие к единению общества, которое, похоже, безвозвратно вступило на путь социального расслоения, антиконсолидации, безумного плюрализма, на путь новых, потрясающих открытий и возможностей для одних и глубокой пропасти — для других.

Церковники отождествляли индивидуализм с буржуазностью, коллективизм — с утопизмом, социализмом, коммунизмом²². Органическое сочетание индивидуализма и коллективизма, как бы сглаживающие противоположности, — они видят в Боге. Но это удел немногих, а в принципе — это тоже утопия (Кооперация также не способна к всеобщему объединению, она охватывала лишь частности). Видимо эта дуальная оппозиция (по терминологии Ахнезера) неразрешима. Да и надо ли ее решать?

* * *

Полагаю, что общинная тема потеряла свое современное звучание. Она отошла в область сугубо исторического интереса, стала абсолютным архаизмом, хотя отдельные ее раритеты, традиции и пр. еще долго будут в духовной жизни общества, поведении людей. Но это уже совсем другое. Главное — община, если не как панацея, то, во всяком случае — надежда «православных», безвозвратно осталась в прошлом. Будущее уже не будет связано с ней.

Сомнительна и перспектива кооперации, о чем я уже имел возможность рассказать читателю²³.

²² Гростников В. Президентские выборы и выбор христианина // Православная Москва. 1996. № 16. Июнь.

²³ См.: Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996

Издательский центр Института российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.93

Сдано в набор 11.04.97 г. Подписано в печать 4.06.97 г.
Заказ 58 Тираж 500 экз. Объем 10 п. л.

ИПТК «Логос» ВОС
Маломосковская ул. д. 8 кор. 2